

ISSN 2712-8121

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

МОСКВА 2022

3-4(36-37)

ISSN 2712-8121

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 3–4(36–37)

МОСКВА
2022

ISSN 2712-8121

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредитель

Институт языкознания РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Баку, Азербайджан), Ш.Х. Акалын (Анкара, Турция), А.А. Акматалиев (Бишкек, Кыргызстан), М.В. Бавуу-Сюрюн (Кызыл, Россия), И. Вашари (Будапешт, Венгрия), Дж.Н. Вашингтон (штат Пенсильвания, г. Суортмор, США), Н.Х. Гаджихамедов (Махачкала, Россия), М.З. Закиев (Казань, Россия), Н.И. Егоров (Чебоксары, Россия), Л. Карой (Уппсала, Швеция), М.С. Качалин (Стамбул, Турция), А.Б. Куделин (Москва, Россия), К.М. Миннуллин (Казань, Россия), А. Нурмухаммедов (Ашхабад, Туркменистан), М. Ольмес (Стамбул, Турция), А. Рона-Таш (Будапешт, Венгрия), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург, Россия), М.З. Улаков (Нальчик, Россия), Д.А. Функ (Москва, Россия), Ф.С. Хакимзянов (Казань, Россия), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва, Россия), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)

Зам. главного редактора: А.В. Дыбо (Москва), З.Н. Эмба (Москва)

Ответственный секретарь: З.К. Кочакаева (Москва)

Члены редколлегии: М.И. Алиева-Чынар (Бурса, Турция), Х.Ч. Алишина (Тюмень), Л.Л. Габышева (Якутск), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), О.А. Мудрак (Москва), М.Х. Надергулов (Уфа), Е.М. Напольнова (Москва), И.А. Невская (Франкфурт, Германия), Ф.Ш. Нуриева (Казань), Е.А. Оганова (Москва), Ю.В. Псянчин (Уфа), М.М. Репенкова (Москва), А.В. Савельев (Москва), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.С. Сенлендили (Симферополь), Р.А. Тадинова (Москва), В.Н. Тугужекова (Абакан), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Н.С. Уртегешев (Новосибирск), Т.М. Хаджиева (Москва), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), И.В. Шенцова (Новосибирск)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходявшего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2022
© Российский комитет тюркологов, 2022

№ 3–4(36–37)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
THE COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS

Russian TURKOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Advisory Board

K. Abdulla (Baku, Azerbaijan), Ş.H. Akalin (Ankara, Turkey), A.A. Akmatliyev (Bishkek, Kyrgyzstan), M.V. Bavuu-Syuryun (Kyzyl, Russia), I. Vásáry (Budapest, Hungary), J.N. Washington (Pennsylvania, Swarthmore, USA), N.Kh. Gadziakhmedov (Makhachkala, Russia), M.Z. Zakiyev (Kazan, Russia), N.I. Yegorov (Cheboksary, Russia), L. Karoy (Uppsala, Sweden), M.S. Kachalin (Istanbul, Turkey), A.B. Kudelin (Moscow, Russia), K.M. Minnullin (Kazan, Russia), A. Nurmuchammedov (Ashchabad, Turkmenistan), M. Ölmez (İstanbul, Turkey), A. Róna-Tas (Budapest, Hungary), N.N. Telitsin (Saint-Petersburg, Russia), M.Z. Ulakov (Nal'chik, Russia), D.A. Funk (Moscow, Russia), F.S. Khakimzyanov (Kazan, Russia), P. Zieme (Germany), A.A. Chechenov (Moscow, Russia), M. Erdal (Israel), J. Janhunen (Finland).

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Moscow),

Deputy Editor-in-Chief: A.V. Dybo (Moscow), Z.N. Ekba (Moscow)

Executive Secretary: Z.K. Kochakaeva (Moscow)

Members of the editorial board: M. Alieva-Çinar (Bursa, Turkey), Kh.Ch. Alishina (Tyumen), L.L. Gabysheva (Yakutsk), F.N. Dyachkovsky (Yakutsk), A.V. Kuznetsov (Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Moscow), O.A. Mudrak (Moscow), M.Kh. Nadergulov (Ufa), E.M. Napolnova (Moscow), I.A. Nevskaya (Frankfurt, Germany), F.Sh. Nuriyeva (Kazan), E.A. Oganova (Moscow), Yu.V. Psyanchin (Ufa), M.M. Repenkova (Moscow), A.V. Savelyev (Moscow), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), L.S. Selendili (Simferopol), R.A. Tadinova (Moscow), V.N. Tuguzhekova (Abakan), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk), N.S. Urtegeshev (Novosibirsk), T.M. Khadzhiyeva (Moscow), F.G. Khisamitdinova (Ufa), I.V. Shentsova (Novosibirsk).

The scientific journal "Russian Turkology" is a continuation of the journal "Soviet Turkology" that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies – the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.

After 1991 in Azerbaijan the "Türkologiya" journal is being published.

The journal "Russian Turkology" is being published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2022

© The Committee of Russian Turcologists, 2022

№ 3–4(36–37)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2022. № 3–4 (36–37), pp. 5–12. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 81-0

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-1

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ТРУДАХ Г.Ф.БЛАГОВОЙ¹

Анна Владимировна Дыбо¹

¹ Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
ORCID: 0000-0002-6077-7183
Scopus ID: 53363351600
E-mail: adybo@iling-ran.ru

© ИЯз РАН, 2022

© Дыбо А.В., 2022

Аннотация: В статье анализируется становление системы склонения в карлукских тюркских литературных языках Центральной и Средней Азии, которое впоследствии привело к развитию староузбекской и узбекской системы. По мнению ученых, имеются основания для восстановления в пратюркском, так же как в праалтайском, двух типов склонения – именного и местоименного. В тюркских языках благодаря широко распространенной категории посессивности также развивается смешанный посессивно-именный тип склонения – под сильным влиянием местоименного типа, что приводит к перестройкам системы аффиксов во всех группах языков. В представленной работе подробно рассматриваются тюркские парадигмы склонения в зоне различия их типов. Представлено изменение пратюркской системы от раннепратюркского состояния к состояниям, восстанавливаемым для отдельных генетических групп тюркских языков.

Г.Ф. Благова придерживалась мнения, что при жанрово-дифференцированном подходе к анализу падежных форм, подразумевающим учет характера их текстового распределения в сочинениях Навои и Бабура, их можно рассматривать как продукт длительного одновременного воздействия двух факторов внешней лингвистики, а именно литературно-языковой традиции и регионального варьирования разнодиалектных форм. В этой связи показательно, что в стихотворных сочинениях обоих писателей среди словоформ дат. -а 1 л. ед. ч. наиболее частотны сугубо «поэтические» лексемы. В прозе же Бабура и фрагментах прозы Навои данные формы сравнительно редки. Однако в статье показано, что даже такой подход является доказательством того, что эти формы являются архаизмами, присущими предыдущей поэтической традиции.

¹ Статья приурочена к 95-летию юбилею Г.Ф. Благовой.

Ключевые слова: Г.Ф. Благова, языки Центральной и Средней Азии, система склонения, узбекский язык, староузбекский язык.

Для цитирования: Дыбо А.В. Проблемы эволюции староузбекского литературного языка в трудах Г.Ф. Благовой // Российская тюркология. 2022. № 3–4 (36–37). С. 5–12. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-1.

Issues of evolution of the Old Uzbek language in G.V. Blagova's works²

*Anna Vladimirovna Dybo*¹

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0002-6077-7183
Scopus ID: 53363351600
E-mail: adybo@iling-ran.ru

© IL RAS, 2022

© Dybo A.V., 2022

Abstract: The article analyzes formation of the declension system in literary Turkic (first of all, Karluk) languages of Central Asia, which led to the development of the Old Uzbek and modern Uzbek systems. There are grounds for reconstructing two types of declension in Proto-Turkic, as well as in Proto-Altalic, – a nominal and a pronominal one. In the Turkic languages, due to the well-developed category of possessiveness and under the strong influence of the pronominal type, a mixed possessive-nominal type of declension is also developing, and that is what leads to restructuring of the affix system in all language branches. In this work the Turkic declination paradigms in the zone of distinguishing between types of declination are examined in detail. The change of the Proto-Turkic system from the early-Turkic state to the states that are restored for individual genetic branches of the Turkic languages is also presented here.

G.F. Blagova was of the opinion that “with a genre-differentiated approach to the analysis of such forms, which implies taking into account the nature of their textual distribution in the works of Nava'i and Babur, they can be considered as a product of the long-term simultaneous development of two factors of external linguistics, namely the literary-linguistic tradition and regional variation of forms. In this regard, it is significant that in the poetic works of both writers, among the word forms with dative -A /1st person sg./ the most frequent are purely poetic lexemes... In the prosaic works of Babur and prosaic fragments by Nava'i, such forms are rare”.

But it is also shown that just such a listing proves the archaic nature of the aforesaid forms, inherent in the previous poetic tradition, in these texts.

Key words: G.F. Blagova, languages of Central Asia, declension system, the Uzbek language, Old Uzbek language

For citation: Dybo, A.V. 2022, The issues of evolution of the Old Uzbek language in G.V. Blagova's works, *Russian Turkology*, 3-4 (36–37), pp. 5–12. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-1.

Галина Федоровна Благова, ученица крупнейших российских тюркологов Н.К. Дмитриева, В.М. Насилова, Э.Н. Наджипа, Э.В. Севортяна, значительную часть своей научной деятельности посвятила изучению истории литературных языков Центральной и Средней Азии. Ее кандидатская диссертация, защищенная в 1954 г., была посвящена филологическому изучению главнейшего труда императора Бабур, его Записок «Бабур-наме». Этим Г.Ф. Благова продолжила надолго прервавшуюся в СССР традицию их научного исследования. В 1982 г. Г.Ф. Бла-

² The article is dedicated to the 95th anniversary of G.F. Blagova.

гова защитила выпущенную в виде монографии докторскую диссертацию «Тюркское склонение в ареально-историческом освещении». В этой работе она огромное место уделяет классификации типов падежных и падежно-посессивных парадигм в тюркских языках и прежде всего в литературных языках Средней Азии по памятникам различных эпох, в том числе пред-чагатайских и чагатайских. Она исследует соотношение в этих системах фактов, обусловленных литературными традициями, и влиянием живых народных тюркских языков, на которых говорили авторы и переписчики произведений в обыденной жизни.

В 90-е гг. она возвращается к изучению «Бабур-наме» и публикует монографию «Бабур-наме»: язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка (М.: Вост. лит. РАН, 1994). В этой работе поднято множество совершенно новых для текстологии памятников тюркских языков вопросов. На новом уровне возобновлено исследование текста и стратификация различных языковых явлений в этом выдающемся произведении.

Ниже мы рассмотрим одну из важных проблем, занимавших Галину Федоровну, – становление системы склонения в литературных языках Центральной и Средней Азии, которое привело к развитию староузбекской и узбекской системы.

После работы под руководством Э.Р. Тенишева над томом «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Региональные реконструкции» [СИГТЯ 2002] (где Галина Федоровна участвовала в написании карлукского раздела) у нас в исследовательской группе сложилось такое представление о происхождении тюркской падежной системы.

Имеются основания для восстановления в пратюркском, так же как в праалтайском, двух типов склонения – именного и местоименного. Местоименный тип характеризуется прежде всего наращением в косвенной основе элемента *-n* (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки). Кроме того, тюркский и монгольский материал позволяет восстановить по крайней мере два местоименных падежных аффикса, отличных от именных: *-I* аккузатива (определенного) и *-(j)A* датива. В тюркских языках благодаря широко распространившейся категории посессивности также развивается смешанный посессивно-именный тип склонения – под сильным влиянием местоименного типа, что приводит к перестройкам системы аффиксов во всех группах языков.

Рассмотрим внимательнее тюркские парадигмы склонения в зоне различения типов склонения.

В руническом тюркском мы имеем [Кононов 1980: 149; Gab. AG: 87–89]:

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	<i>-nIŋ</i>	<i>-Iŋ</i>	<i>-Iŋ</i>	<i>-nIŋ</i>	<i>bäniŋ, bunuŋ</i>
Вин.	<i>-G</i>	<i>-IG</i>	<i>-In</i>	<i>-n, -nI</i> (редко)	<i>bäni, bunı</i>
Дат.	<i>-KA</i>	<i>-KA</i>	<i>-A, -KA</i> (енис.)	<i>(-I)-ŋ-A</i>	<i>baŋa</i> (< <i>bän-Ga</i>), <i>*buŋa</i> (< <i>bun-Ga</i>)

Кроме того, имеется «дательный-предельный» *-jA* в наречных образованиях: *berije* ‘на юг / на юге / с южной стороны’, *qurija* ‘сзади’. А. Габэн считает его поствокалическим вариантом *-A*. Но *-A* употребляется, строго говоря, только после посесс. аффикса 1 л. и, скорее всего, является аналогически вычлененным из форм типа *baŋa* ‘ко мне’, *iliŋä* ‘в его эль’, *ebiŋä* ‘в твое жилище’ (где произошла

ассимиляция начального гуттурального аффикса с конечным *-n* и *-ŋ* основы). В древнеуйгурском *-A* выступает еще при конечном гуттуральном основы: *adaqa*, *ögä*, *bija* [Gab. AG]. В новых языках, кроме огузской группы, о которой речь ниже, *-A* встречается в карлукской группе с тем же распределением, что в древнетюркском, в кыпчакских – в посессивно-именной парадигме и в Сибири – ср. в шорском – как вариант наряду с *-gA* в посессивно-именной парадигме и иногда как вариант наряду с *-gA* у существительных с основой на *-m*: *qorutya*, *qoruta* [Дыренкова 1941: 43, 50], что явно происходит под влиянием посессивно-именной парадигмы. Кроме того, в чувашском вообще отсутствует вариант на *-*KA*, представлены варианты *-A*, *-jA*, *-nA*, распределенные по фонетическому облику конца основы. Вариант *-nA*, употребительный после *a*, *e*, явно недавно выделился из склонения личных местоимений (*mana*, *sana*). В диалектах на его месте употребляется вариант *-jA*. Вариант *-A* – постконсонантный, а также употребляется после основ на *-u*, *-ü*, *-ь*, *-ə*, т. е. как раз с ним употребляются все формы с посессивными аффиксами (*-m*, *-u*, *-ü*, *-ь*, *-ə*) [Левитская 1976: 14, 18–20]. Похоже, что в чувашском мы видим такой же, как в древнетюркском, результат переразложения, первоначально закрепившийся в посессивно-именной парадигме, а афф. *-jA* следует возводить к пратюркскому состоянию (ср. о возможных алтайских параллелях: [EDAL 221]).

Показатель винительного *-nI* явно появляется из местоименного склонения (переразложение: местоименная косвенная основа + афф. *I*, характерный для местоименной парадигмы) довольно поздно, в руническом тюркском он редок в посессивно-именной парадигме, в древнеуйгурском начинает проникать в именную [Gab. AG: 88]. В чувашском его нет (поскольку падеж совпал с дательным), в якутском *-ni* – поствокальный вариант в именной парадигме и в 3 л. местоименной парадигмы. В посессивно-именной и в 1–2 л. местоименной используется афф. *-In*. Во всех остальных современных языках *-nI* – основной вариант аффикса винительного падежа (в огузских – поствокальный), кроме него (в не-огузских) имеется (часто как вариант) афф. *-(I)n* для посессивно-именной парадигмы 3 л. Только в огузской группе имеется еще именной афф. *-I*. NB: именно здесь он может быть фонетическим рефлексом *-Ig*. К позднепратюркскому (периода распада) состоянию приходится возводить три аффикса, распределенных по типам парадигм – местоименный *-I*, именной *-Ig* и *-In* посессивно-именной (ср. [СИГТЯ 1989: 94–95³]). Здесь мы не будем искать исчерпывающих объяснений этой ситуации, отметим только, что для двух из этих аффиксов имеются возможные алтайские сопоставления (*-*Ig*: ТМ паритив *-*ga* [Benzing 1956: 82], который в северо-тунгусо-маньчжурских языках имеет функцию выражения определенного объекта, японский посессив *ga* и, возможно, один из вариантов аффикса аккумулятива в монгольском, выступающий в именной парадигме *-*iyi*; *-*I*: монгольский показатель аккумулятива, выступающий в чистом виде при основах на *-n* и в местоименной парадигме и, по-видимому, давший показатель Gen.-Acc. *-ni* в южномонгольских языках). Для *-In* можно с некоторой натяжкой предположить первоначальное возникновение (в период, предшествовавший распаду общетюркского языка, возможно, в раннеобщетюркском; по чувашскому данных нет)

³ Мы не можем согласиться с [СИГТЯ 1989] в восстановлении афф. *-I* как постконсонантного варианта в именной парадигме – для этого нет оснований.

в форме 3 л. из местоименного аффикса с усечением (*at-în-î > atin*) и последующее распространение на формы 1 и 2 л. в руническом и протоякутском.

Аффикс родительного падежа *-nIŋ*, очевидно, возник в результате переразложения местоименных форм уже в раннеобщетюркский период; исходный поствокальный вариант *-ŋ* обнаруживается только в чувашском [Левитская 1976: 17].

Итак, изменение пратюркской системы от раннепратюркского состояния к состояниям, восстанавливаемым для отдельных генетических групп тюркских языков, можно представить следующим образом:

I этап:

Раннепратюркское состояние

Падеж	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	Местоименная
Род.	<i>-ŋ</i>	<i>-Uŋ</i>	<i>-Uŋ</i>	<i>(-I)-n-Uŋ</i>	<i>bä-n-iŋ, bu-n-uŋ</i>
Вин.	<i>-G</i>	<i>-IG</i>	<i>-In</i>	<i>(-I)-n</i>	<i>bä-n-i, bu-n-î</i>
Дат.	<i>-KA</i>	<i>-KA</i>	<i>-KA</i>	<i>(-I)-n-KA</i>	<i>bä-n-Ka, bu-n-Ka</i>
Дат.-пр.	<i>-jA</i>	<i>(-A?)</i>	?	?	?

После воздействия, собственно, болгарских процессов – фонетических процессов падения конечного *-z* в многосложных словоформах (см. [СИГТЯ 2002: 701]) и морфологического устранения одного из двух близких по значению падежей – возникает следующая прабулгарская система:

«Прачувашская» система

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	<i>-ŋ</i>	<i>-Uŋ</i>	<i>-Uŋ</i>	<i>-n-Uŋ</i>	<i>manun</i>
Вин.	<i>0</i>	<i>-I</i>	<i>-In</i>	<i>-n</i>	<i>manî</i>
Дат.	<i>-jA</i>	<i>(-A?)</i>	<i>-A</i>	<i>(-I)-n-A</i>	<i>mana</i>

Далее в результате простых фонетических развитий и устранения системно дефектной (в которой один из алломорфов совпадает по выражению с основным падежом) строки парадигмы, в силу чего возникает синкретизм винительного падежа, а также аналогического перераспределения морфологически обусловленных алломорфов окончаний по фонетическим позициям мы получаем современную чувашскую систему (см. [СИГТЯ 2002: 740]).

Остальные тюркские языки пошли по несколько иному пути.

II этап:

«Общетюркская»⁴ система

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	<i>-nUŋ</i>	<i>-Uŋ</i>	<i>-Uŋ</i>	<i>-n-Uŋ</i>	<i>bäniŋ, bunuŋ</i>
Вин.	<i>-G</i>	<i>-IG</i>	<i>-In</i>	<i>-n</i>	<i>bäni, bunî</i>
Дат.	<i>-KA</i>	<i>-KA</i>	<i>-A</i>	<i>-ŋ-A</i>	<i>baŋa, buŋa</i>
Дат.-пред.	<i>-jA</i>	<i>(-A?)</i>	?	?	?

⁴ В смысле А. Рона-Таша, т. е. оставшаяся после отделения болгарской группы.

Руническая система

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	-nUŋ	-Uŋ	-Uŋ	-n-Uŋ	bäniŋ, bunuŋ
Вин.	-G	-IG	-In	-n	bäni, bunī
Дат.	-KA	-KA	-A	-n-gA	baŋa, buŋa
Местн.	-TA	-TA	-TA	-ŋ-TA	
Абл.	-TIn	-TIn	-TIn	-n-TIn	

Древнеуйгурская система [Erdal 2004]

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	-nUŋ	-Uŋ	-Uŋ	-n-Uŋ	mäniŋ, munuŋ
Вин.	-G, -nI	-IG	-In, -nI	-n	mäni, muni
Дат.	-KA	-KA	-A, -KA (огр.)	-n-gA	maŋa, muŋa
Местн.	-TA	-TA	-TA	-ŋ-TA	
Абл.	-TIn	-TIn	-TIn	-n-TIn	(-Tan огр.)

Кутадгу Билиг

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	-nUŋ	-nUŋ	-nUŋ	-n-Uŋ	mäniŋ, munuŋ
Вин.	-G, -nI	-IG, -nI	-nI (-I)	-n, -nI (чаще)	mäni, muni (-G)
Дат.	-KA	-KA	-KA (-A)	-n-gA	maŋa, muŋa
Местн.	-TA	-TA	-TA	-ŋ-TA	(mäniŋdä)
Абл.	TIn/TAn	-TIn/TAn	TIn/TAn	-n-TIn	(mäniŋdin)

-G, как авторская форма Юсуфа Баласагунского, не свойственная живому языку, употребляется в литературных клише, а также для рифмы, в том числе в местоименном склонении. Точно так же, в основном в рифмах, использовано варьирование окончаний вин. п. 3 л. -n, -nI.

Махмуд Кашгарский

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	-nUŋ	-nUŋ	-nUŋ	-n-Uŋ	mäniŋ, munuŋ
Вин.	-G, -nI	-IG, -nI	-In, -nI, -I (огр.)	-n, -(nI редко)	mäni, muni
Дат.	-KA	-KA	-KA, -A, (огр.)	-n-gA	maŋa, muŋa
Местн.	-TA	-TA	-TA	-ŋ-TA	
Абл.	-TIn	-TIn	-TIn	-n-TIn	(-Tan)

Ахмед Югнаки, Атабату л-хакаи (XIII в.)

Парадигма	Именная	Посессивно-именная		Местоименная
		1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	<i>-nIη</i>	<i>-nIη</i>	<i>-n-Iη</i>	<i>(n)-Iη</i>
Вин.	<i>-nI</i>	<i>-nI, -I</i>	<i>-n, -nI</i>	<i>(n)-I</i>
Дат.	<i>-KA</i>	<i>-KA, -A</i>	<i>-n-gA, KA</i>	<i>(n)-gA, (n)-A</i>
Местн.	<i>-TA</i>	<i>-TA</i>	<i>-n-TA, TA</i>	
Абл.	<i>-TIn</i>	<i>-TIn</i>	<i>-n-Tin, TIn</i>	

Здесь появляются уже инновационные, собственно, карлукские формы, свойственные староузбекскому языку.

Г.Ф. Благова считает, что формы с *-n-* – это «инодиалектные» формы, но, видимо, их можно рассматривать как архаичные, присущие более раннему литературному языку другого типа.

Поэтический язык 1-й пол. XV в.: Лютфи, Атаи, Амири, Сайид Ахмад

Парадигма	Именная	Посессивно-именная		Местоименная
		1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	<i>-nIη</i>	<i>-nIη</i>	<i>-n-Iη</i>	<i>(n)-Iη</i>
Вин.	<i>-nI</i>	<i>-nI, -I</i>	<i>-n, -nI</i>	<i>(n)-I</i>
Дат.	<i>-KA, -A</i>	<i>-KA, -A</i>	<i>-n-gA, -n-A, -KA</i>	<i>(n)-gA, (n)-A</i>
Местн.	<i>-TA</i>	<i>-TA</i>	<i>-n-TA, TA</i>	
Абл.	<i>-TIn</i>	<i>-TIn</i>	<i>-n-TIn, Tin</i>	

Язык Навои и Бабура (2-я пол. XV–XVI вв.)

Парадигма	Именная	Посессивно-именная		Местоименная
		1–2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	
Род.	<i>-nIη</i>	<i>-nIη</i>	<i>-n-Iη</i>	<i>(n)-Iη</i>
Вин.	<i>-nI</i>	<i>-nI, -I</i>	<i>-nI, (-n)</i>	<i>(n)-I</i>
Дат.	<i>-KA</i>	<i>-KA, -A</i>	<i>-KA, (n)A</i>	<i>(n)-gA, (n)-A</i>
Местн.	<i>-TA</i>	<i>-TA</i>	<i>-TA</i>	
Абл.	<i>-TIn</i>	<i>-TIn</i>	<i>-TIn</i>	

«При жанрово-дифференцированном подходе к анализу подобных форм, подразумевающим учет характера их текстового распределения в сочинениях Навои и Бабура, их можно рассматривать как продукт длительного одновременного воздействия двух факторов внешней лингвистики, а именно литературно-языковой традиции и регионального варьирования разнодиалектных форм. В этой связи показательно, что в стихотворных сочинениях обоих писателей среди словоформ дат. *-a* 1 лица ед. ч. наиболее частотны сугубо “поэтические” лексемы (...) В прозаических сочинениях Бабура и прозаических фрагментах Навои такие формы единичны» [Благова 1982: 168].

Но как раз такое перечисление доказывает, что эти формы – архаизм в данном тексте, присущий предыдущей поэтической традиции.

Литература

- Благова 1982 – *Благова Г.Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. – М.: Наука, 1982. {*G.F. Blagova. Turkic declension in the light of areal and historical data. – Moscow: Nauka, 1982.*}
- Благова 1994 – *Благова Г.Ф.* «Бабур-наме»: язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка. – М.: Вост. лит. РАН, 1994. {*G.F. Blagova. The “Bāburnāma”: language, pragmatic aspects, style. On history of Chagatai literary language. – Moscow: Vostochnaya literatura RAS, 1994.*}
- Дыренкова 1941 – *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. – М.–Л., 1941. {*N.P. Dyrenkova. Grammar of the Shor language. – Moscow–Leningrad, 1941.*}
- Кононов 1980 – *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л., 1980. {*A.N. Kononov. Grammar of the language of Turkic runic monuments of the 7th–9th centuries. – Leningrad, 1980.*}
- Левитская 1976 – *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. – М., 1976. {*L.S. Levitskaya. A historical morphology of the Chuvash language. – Moscow, 1976.*}
- СИГТЯ 1989– Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. – М., 1989. {*A comparative and historical grammar of the Turkic languages: Morphology. – Moscow, 1989.*}
- СИГТЯ 2002– Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. – М., 2002. {*A comparative and historical grammar of the Turkic languages: Regional reconstructions. – Moscow, 2002.*}
- Erdal 2004 – *Erdal M.* A grammar of Old Turkic. [Грамматика древнетюркского языка.] – Leiden: Brill, 2004. – 576 p.
- Gab. AG – *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. [Грамматика древнетюркского языка.] – 2. Aufl. – Leipzig, 1950.
- Schönig 1992 – *Schönig C.* Analogie als sprachbildende Kraft in den Türksprachen // Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen. [История фонетики и лексики тюркских языков.] – Wiesbaden, 1995.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2022. № 3–4 (36–37), pp. 13–32. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 81-02

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-2

ЕНИСЕЙСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И СВОЕОБРАЗИЕ СИБИРСКО-ТЮРКСКОГО МАНИХЕЙСТВА

*Игорь Леонидович Кызласов*¹

¹ Институт археологии РАН, г. Москва, Россия
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Scopus ID: 57191727444
E-mail: kyzlasovil@mail.ru

© ИЯз РАН, 2022

© Кызласов И.Л., 2022

Аннотация: Рисунки, а затем лично-фамильные тамги и молитвенные надписи средневековья не нарушают петроглифы былых времен, соответственно, сохранялись горные культы. Курганы VI–VIII вв. продолжают кладбища II в. до н.э. – V в. н.э., что свидетельствует о том, что осознавались кровные связи с предками. В VIII в. монументальный манихейский храм возвели в долине, где по XX в. оставались нетронутыми 14 скульптур и около 15 менгиров. Храм действовал среди языческих идолов, ближайшие были от него в 100–140 м. Достигнув Енисея, манихейство включило в свою религиозную практику руническую письменность, а вместе с ней и комплекс мировоззрения, сохранявшего почитание памятников предков. Скопления наскальных молитвенных надписей указывают на места бывшего расположения манихейских монастырей, состоявших из легких, не оставивших следов построек. На алтайской скале рунами написано наименование одного такого монастыря. Енисейская эпитафия из Суджи (Монголия, Е 47) – подлинный внутренний источник Древнехакасского государства – повествует о сооружении монастыря для 100 послушников, возглавлявшихся манихейским вероучителем-маром. Сибирские и центральноазиатские миссионеры в IX–X вв. принесли манихейский обычай молитвенного письма на скалах на земли современного Кыргызстана и южного Казахстана. Енисейские надписи в кельях обнаружили приход манихейских паломников в пещерные монастыри Восточного Туркестана. Взаимное проникновение новых и местных верований сформировало особое религиозное направление – северное, сибирско-тюркское манихейство, отличительными признаками которого являются три названных типа монастырско-храмовых комплексов и енисейские рунические надписи. Рядом с привнесенной культовой архитектурой продолжает бытовать сохранение традиционных горных культов.

Ключевые слова: Древнехакасское государство, енисейское руническое письмо, храмы Южной Сибири, молитвенные надписи, северное (сибирско-тюркское) манихейство.

Благодарность: Работа выполнена в рамках Государственного задания Института археологии РАН № НИОКТР 122011200266-3.

Для цитирования: *Кызласов И.Л.* Енисейская руническая письменность и своеобразие сибирско-тюркского манихейства // *Российская тюркология*. 2022. № 3–4 (36–37). С. 13–32. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-2.

This is an open access article under the CC BY license

Yenisei Runic script and distinctness of Siberian Turkic Manichaeism

Igor Leonidovich Kyzlasov¹

¹ Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dr. Habil. in History, Leading Researcher
Scopus ID: 57191727444
E-mail: kyzlasovil@mail.ru

© IL RAS, 2022

© Kyzlasov I.L., 2022

Abstract: Pictures, and then personal and family tamghas, as well as medieval prayer inscriptions do not distort the petroglyphs of previous epochs, thus, some ancient religious practices (i.e., the mountain worship) were still preserved at the same time. Mounds of the 6th–8th centuries AD inherit the territory of cemeteries of the 2nd–5th centuries BC, probably, as result of recognition of ties with the ancestors. In the 8th century AD a monumental Manichaean temple was built in the valley, where 14 sculptures and 15 menhirs were preserved until the 20th century. The temple was surrounded by pagan idols during its operation time, and the nearest idols were just in 100–140 metres from the temple. Manichaeism had reached the banks of Yenisei, but then included the local runic script, and then incorporated the whole worldview, related to the ancestor veneration and their monuments. The agglomerations of rock prayer inscriptions can indicate the places of the former Manichaean monasteries, consisting of semi-permanent buildings, now lost without a trace. There is a runic inscription on one of the Altai rocks, containing the name of one of these monasteries. The Yenisei epitaph from Suji/Sudji (Süüjiin-Davan) (Mongolia, E 47) is an original local written source of the ancient Khakass state, which tells us about the construction of a monastery for 100 novices, led by a Manichaean religious teacher (mār). Siberian and Central Asian missionaries of the 9th–10th centuries brought the Manichaean rite of prayer rock inscriptions to the territories of modern Kyrgyzstan and Southern Kazakhstan. Yenisei inscriptions in the cells signify the arrival of Manichaean pilgrims to the cave monasteries of East Turkestan. The integration of foreign and local beliefs and rites formed a specific religious movement: the Northern, Siberian Turkic Manichaeism, which can be characterized by the three aforesaid monastery and temple complexes, and by the Yenisei runic inscriptions. Alongside with the introduced sacred architecture one can observe the existence of local mountain worship.

Key words: ancient Khakass state, Yenisei runic script/inscriptions, temples of Southern Siberia, prayer inscriptions, Northern (Siberian Turkic) Manichaeism.

Acknowledgment: The work was carried out under the State Task of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences No. NIOKTR 122011200266-3.

For citation: Kyzlasov, I.L. 2022, Yenisei runic script and distinctness of Siberian Turkic Manichaeism, *Russian Turkology*, 3-4 (36–37), pp. 13–32. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-2.

Восприятие памятников предшествующих культур в культовой жизни южно-сибирского средневековья отражено по крайней мере в трех категориях местных древностей: писаницах, курганных могильниках и храмовых центрах.

Вместе с тем следует учитывать, что археологические открытия последних десятилетий разделяют местное средневековье на два разных мировоззренческих периода. Насколько можно судить, до середины VIII в. Саяно-Алтайское нагорье существовало вне зоны мировых религий, а с 60-х гг. VIII в. в Древнехакасском государстве произошло принятие манихейства, на долгие столетия ставшего официальным вероисповеданием [Кызласов Л.П. 1998; 1999а; 2000; 2001; Кызласов И.Л. 2003а: 3–4 и библиография].

Писаницы. В науке все еще живут сомнения, когда на Среднем Енисее появились наскальные рисунки – то ли в позднем неолите, то ли в раннем бронзовом веке. Так или иначе, но с тех давних пор петроглифы непрерывно создавались во все времена, включая местные этнографические культуры. На протяжении всех этих эпох создание наскальных изображений отражало существование горных культов.

В отличие от иных периодов писаницы эпохи средневековья в Хакасско-Минусинской котловине не перекрывают петроглифы любой предшествующей поры. В IX–X вв. лично-фамильные тамги местной аристократии [Кызласов Л.Р. 1960; 1965; 1979] появляются на утесах, покрытых разновременными изображениями. Подобную картину встречаем, например, на Писанной горе [Appelgren-Kivalo 1931: Abb. 66] или на обращенных к р. Тубе скалах горы Тепсей, которую рунические надписи прямо называют божеством – $\Gamma \Upsilon \Upsilon \Pi : 9 \wedge \times \Pi$ *T(e)bs(e)j t(e)ŋri* [Кызласов И.Л. 1992; 1994: 187]. Лично-фамильные гербовые отметки выбиты среди, но лишь в деликатном соседстве с рисунками любых культур: эпохи ранней и развитой бронзы и раннего железного века (см., например: [Шер 1980: Рис. 72, 73; Blednova et al. 1995: Pl. 26, 2.3, 2.8–2.11, Pl. 27, 5.1–5.5, Pl. 46, 21.1–21.5, Pl. 62, 71.1]) (рис. 1, А), иногда образуют самостоятельные ряды от 2–3 до 10 экземпляров [Адрианов 1904: 56, 63, 66 сл.; 1906]. В таких случаях нанесение личных тамговых знаков можно объяснить совершенным поклонением горному божеству на издавна намоленном месте (речь об этом пойдет далее).

Иногда тамги ставятся избирательно, явно соотносясь с конкретным древним изображением или композицией [Шер 1980: Рис. 120, 1–3; Sher et al. 1994: Fig. 21, 1, Oglakhty I, 10.1–10.3, 10.5, 10.6]. Возможно, люди связывали свои чаяния с уже имевшимся на скале образом, и тамга указывала на конкретного человека, желавшего воплощения изображенного. Нанесение знака здесь также имело, по сути, молитвенный характер [Кызласов И.Л. 2014а: 54–56]. Неслучайно тамги двух поколений одной семьи выбиты, например, над двумя снаряженными лошадьми, ведомыми антропоморфной фигурой – композицией раннего железного века (тагарская культура) (рис. 1, Б, 1, 3). Судя по прослеженным этапам развития

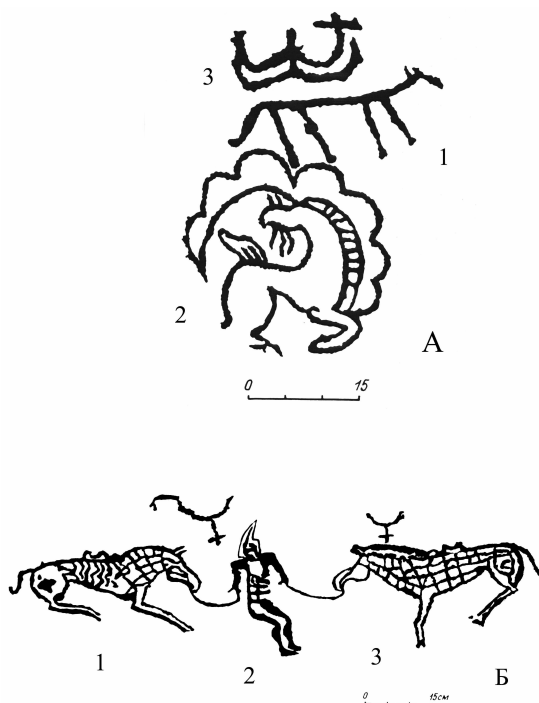

Рис. 1. Хакасско-Минусинская котловина.

А – гора Тепсей, пункт IV. Размещение тамги IX–X вв. (3) у петроглифов эпохи бронзы (1) и раннего железного века;

Б – гора Оглахты, пункт II. Композиция раннего железного века (1–3) и средневековые тамги (1, 3). По [Шер 1980: Рис. 73 и 120, 1–3)].

тамг этого семейства, гербовые знаки следует относить к концу IX в. (ср.: [Кызласов Л.Р. 1965: Рис. 1, 3–17, 7, 1]).

Вполне очевидно, что в ту эпоху продолжают почитаться не только древние, но и более ранние средневековые писаницы. В том убеждает размещение тамг IX–X вв. по сторонам плоскости, занятой изображениями знаменитой Сулекской писаницы [Appelgren-Kivalo 1931: Abb. 77] (рис. 2). Вместе с иконографическими признаками это обстоятельство позволяет отнести начальное сложение петроглифических композиций скалы к предшествующему времени, т.е. к VIII в. [Кызласов И.Л. 1998а: 39–43].

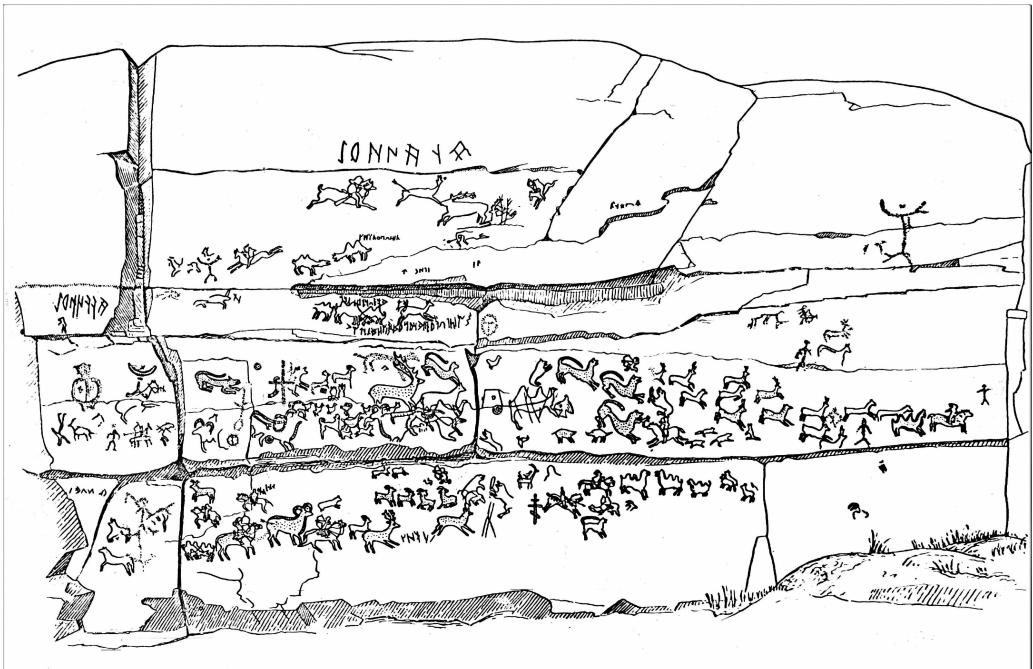

Рис. 2. Хакасия. Сулекская писаница.

Расположение рисунков, тамг и рунических надписей.

По [Appelgren-Kivalo 1931: Abb. 77].

С появлением на скалах аристократических тамг на писаницы начинают наносить и краткие енисейские рунические надписи. В Хакасско-Минусинской котловине они также никогда не вырезались поверх петроглифов. Строки идут выше или по краю поля с изображениями [Appelgren-Kivalo 1931: Abb. 77] (рис. 2), а также извиваются между фигур предшествующих времен [Кызласов И.Л. 1994: Рис. 21, 22, 25; 1998б; 2008: Рис. 2, 4, 5] (рис. 3). На соседних землях Саяно-Алтая – в Тувинской котловине и на Горном Алтае – на скальная эпиграфика размещается иначе, допуская перекрывание петроглифов древности, а иногда – и рисунков раннего средневековья [Кызласов И.Л. 2001а: Рис. 2; 2003б: Рис. 3, 5, 16; 2008: Рис. 6]. Вместе с тем на Чуе известны примеры осознанного нанесения надписей среди раннесредневековых изображений при их сохранении [Кызласов И.Л. 2001а: Рис. 7; 2003б: Рис. 17, 21, 23, 28; 2008: Рис. 1] (рис. 4).

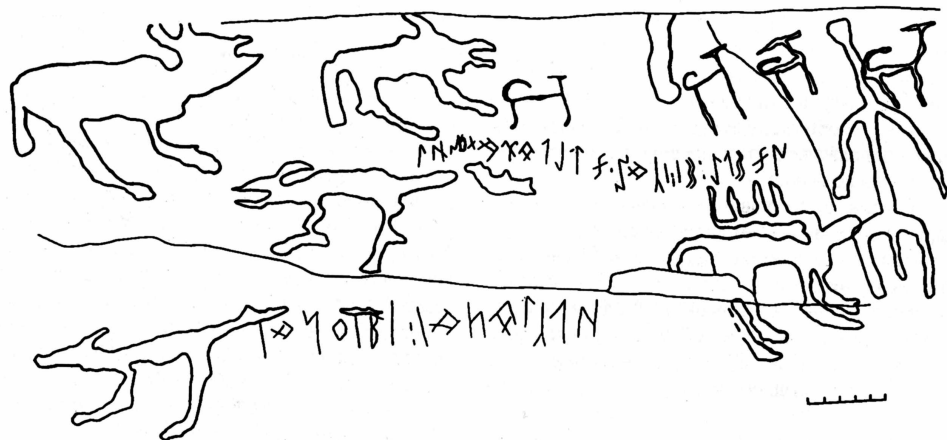

Рис. 3. Хакасия. Гора Лисичья. Расположение енисейских надписей среди рисунков раннего железного и бронзового веков. Прорисовка автора.

Тяготея к скоплениям древних и раннесредневековых петроглифов, енисейские надписи выказывают почитание тех же скал. С одной стороны, это демонстрирует смену формы местных горных культов – окончание почитания, выраженного рисунками, сменившегося личными тамговыми и письменными молитвенными отметками. С другой стороны, характер наблюдаемого явления порождает мысль об изначальном среднеенисейском центре формирования такого вида обозначений, ставших ярким выражением северного, сибирско-тюркского манихейства. Его миссионеры, примерно в IX–X вв. двинувшись из Южной Сибири и Центральной Азии на запад, принесли на просторы Казахстана и Кыргызстана это книжное вероучение, как и его обрядовую традицию молитвенных отметок на скалах.

Именно под его влиянием там, как можно думать, также появляются рунические надписи на скалах [Кызласов И.Л. 2008: 452–458, рис. 1–10; 2019а]. До распространения этой обычае в землях восточного манихейства, ни в Восточном, ни в Западном Тур-

Рис. 4. Горный Алтай. Раннесредневековые изображения оленей и надпись Ялбак-Таш XXIII. Прорисовка автора.

кестане, практики молитвенных наскальных написаний не существовало [Кызласов И.Л. 2008: 452–457; 2013а: 84; 2013б; 2014а: 52–57; Kyzlasov 2016].

Курганы. Курганные могильники Хакасско-Минусинской котловины, в основном относящиеся к *доманихейской поро* VI – первой половины IX вв., получили название *чаатас* (так именуется и сама культура того времени). Классический могильник-чаатас примыкает к расположенным на том же месте погребальным памятникам двух предшествующих археологических культур. Началом является стоящий на восточном краю участка большой курган гунно-сарматского времени (тесинского переходного этапа, традиционная дата: II–I вв. до н.э.), уходящим на запад продолжением служит кладбище таштыкской культуры, состоящее из нескольких углубленных в землю коллективных склепов и множества малых семейных грунтовых могил (традиционная дата: середина I в. до н.э. – V в. н.э.). Затем рядами, обычно направленными с юго-востока на северо-запад, следуют собственно курганы чаатас. Такое последовательное размещение на общем поле разновременных захоронений, вероятно, указывает на осознание кровнородственных связей с предками, присущее носителям этих трех археологических культур, действительно прямо преемственно связанных между собою [Кызласов Л.Р. 1980: 110].

Сложенные из плитняка многогранные мавзолеи культуры чаатас, подражающие бревенчатым наземным жилищам, обставлялись по углам вертикальными стелами. Обычно у кургана стоит 8, 10 или 12 узких и высоких камней, хорошо отличимых от менгиров предшествующих местных эпох [Кызласов Л.Р. 1980: 108–112; 1981: 46–49, рис. 28, А–В, Д, Е, I]. Символика этих стел неясна, однако, на некоторых могильниках, как на II Чаптыковском чаатасе, среди темных песчаниковых столбов у каждого кургана одна из стел бывает светлой, из серого гранита [Кызласов И.Л. 2019б: Рис. 7, 11].

Вполне обычно переиспользование на чаатасах изваяний древнейшей, едва ли не энеолитической поры со вполне различимыми характерными для нее фантастическими ликами. Вторичное употребление скульптур седой старины было настолько распространено, что на каждом чаатасе их всегда бывает несколько. На Уйбатском чаатасе, например, их отмечено 12, на Ташебинском – 9, на Абаканском – 4 и т.д. Не приходится сомневаться в том, что перевозка этих изваяний из степи и водружение их у свежеосвоенного мавзолея в раннем средневековье производились намеренно.

Всего на могильниках-чатасах в каталогах древней скульптуры отмечен 51 случай использования таких монолитов [Грязнов, Шнейдер 1929: 78, 79, рис. 6, табл. I–VI, VIII; Леонтьев, Капелько, Есин 2006: № 4, 5, 11, 18 и др.; Кызласов Л.Р. 1986: 132, 133, 137, 138 и др., рис. 66–68, 72–74, 76 и др.]. Среди обычных менгиров встречается установка у одного кургана двух и даже трех древних изваяний [Леонтьев, Капелько, Есин 2006: № 172–173, 252–253, 256–258]. Лишь однажды изваяние у кургана чаатас было закопано в перевернутом положении [Леонтьев, Капелько, Есин 2006: № 201].

С *принятием манихейства* (ныне относимым к 60-м гг. VIII в.) у курганов чаатас появляются эпитафийные стелы енисейского рунического письма. Традиция их установки передается последующей древнехакасской тюхтятской культуре середины IX – конца X вв. и захватывает ранний этап аскизской археологической

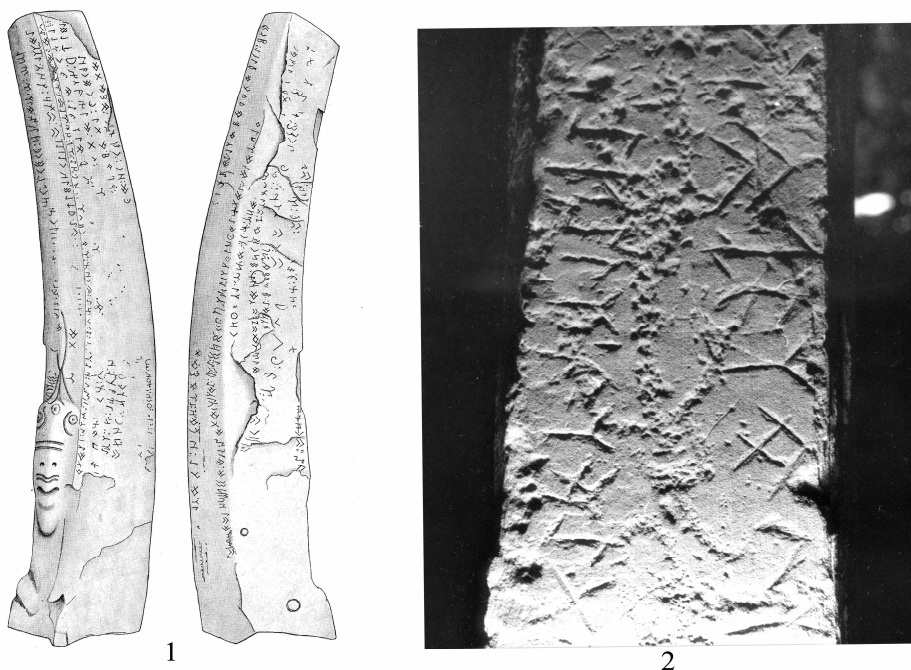

Рис. 5. Хакасия. 1 – Первый памятник рунического письма (Уйбат III, Е 32), открытый в августе 1721 г. Надпись перекрывает древнее изваяние.

По [Appelgen-Kivalo 1931: Abb. 156];

2 – Боковая сторона Абаканского памятника (Е 48).

Руны перекрывают антропоморфную фигуру раннего железного века. Фото автора.

культуры – конец X–XI вв. Среди местной аристократии обычай носил массовый характер, ныне известно не менее полутора сотен поминальных стел с надписями, созданных тогда и уцелевших до нашего времени. Несмотря на многочисленность серии, до сих пор не обращалось внимания на очевидный для археолога факт: ни для одной енисейской эпитафии камень не был специально добыт в каменоломне. Во всех случаях без изъятия для нанесения памятной надписи были вторично использованы только древние изваяния (рис. 5, 1), оленные камни и менгиры, до этого простоявшие в степях многие столетия, покрытые пустынным загаром, древними петроглифами (рис. 5, 2) и скульптурными изображениями предшествующих эпох – раннего железного и бронзового веков или энеолита (менгиры со скошенными вершинами, характерными для раннего железного века, – см. фото: [Васильев 1983: 82–114]). Именуемые «вечными» (𐰚𐰣𐰆𐰏 *b(e)ŋkü*), енисейские эпитафии, как видим, наносились только на камни, которые средневековые хакасы сами связывали с вечностью своей земли [Кызласов И.Л. 2013а: 84–86; 2014б: 38–41].

Храм в котловине Сорга́. Изучая обнаруженные и раскопанные в Хакасии манихейские храмовые комплексы, относящиеся к VIII – рубежу XIII вв. [Кызласов Л.Р. 1998: 15–27; 2001: 84–87], вновь встречаем особый, неожиданный род связи средневековых памятников с древностями предшествующих культур. Наиболее показательным и труднообъяснимым здесь расположением храма в котловине Сорга́.

В этой небольшой межгорной долине в разное время археологами отмечено 13 свободно стоявших изваяний и около 15 менгиров [Грязнов, Шнейдер 1929: 64, 90 (карта); Кызласов Л.Р. 1986: Рис. 30; Леонтьев, Капелько, Есин 2006: Рис. 1]. Насколько мне известно, они привлекли внимание науки в 1887 г., когда была составлена карта-схема окрестностей улуса Тазмина (хак. *Тазмин аалы*) с обозначением ряда памятников, планы-кроки отдельных объектов (включая 6 изваяний), выполнены рисунки изваяний и стел [Appelgren-Kivalo 1931: 13, Abb. 143–146]. Туда, как и в итоговый каталог монументальной скульптуры, менгиры, естественно, не вошли, но в сводке начала XXI в. были учтены 10 скульптур, отдельно стоящих, и 4, вторично использованных на тагарских курганах [Леонтьев, Капелько, Есин 2006: № 12, 28, 35, 46, 49, 65–67, 82, 87, 98, 149, 155, 164, рис. 26].

Раскопки 1971 г. показали, что обе формы свободно стоящих в долине монолитов – как изваяния, так и менгиры – сохранились в местах первоначальной установки, имели единое культовое назначение и принадлежали к святилищам глубокой древности [Кызласов Л.Р. 1986: 98–151, 168–241]. Тогда полагали, что они относятся к позднему неолиту и энеолиту. Святилища с тех пор никем не копались, и ныне их по косвенным данным относят к тем же временным пределам, но к эпохе ранней бронзы.

Для нашей темы важно, что в 1971 г. в той же долине, прямо на улице современного поселка железнодорожной станции Ербинская были обнаружены руины манихейского храма VIII–X вв., которые были раскопаны в течение двух полевых сезонов в 1972–1973 гг. [Кызласов Л.Р. 1998: 26; 1999б; 2001: 84]¹. Монументальное культовое здание, знаменующее установление на Среднем Енисее пророческой религии, несущей людям божественную, новую для них истину, философски богатое мировоззрение с развитой книжной и обрядовой культурой, как и выстроенную церковную организацию, было размещено среди непотревоженного скопления каменных воплощений божеств и языческих представлений 5000-летней давности (тип таких изваяний представлен на рис. 5, 1). Это обстоятельство сразу же обратило на себя внимание исследователя, произведшего археологическое изучение обоих до того невиданных культурных явлений [Кызласов Л.Р. 1999б: 181].

Однако, как выяснилось, манихейский храм был не только построен в долине, наполненной каменными святынями древности, он был возведен прямо среди этих языческих изваяний. Не более 110 м к западу от него стояла скульптура № 14, а не далее 140 м к востоку от его входа возвышалось изваяние № 13 [Кызласов И.Л. 2021а: 194–200, рис. 17–19]. В енисейских эпитафиях времен Соргинского храма встречается мера длины, равная полету стрелы, выпущенной из лука, – $\rightarrow \text{ЗЗ} \rightarrow \text{ЗЗ} \rightarrow \text{С} \rightarrow$ *oyd(a)md(a)m* (Е 51, 2, Е 70, 3, Е 109, 3, Е 110, 1) [Кызласов И.Л. 2003в: 284, 285]. Учитывая дальность выстрела из сложного лука, в то время равную 200–250 м, в среднем 225 м [Медведев 1966: 30, 31], от стен храма до изваяний было не более полперестрела. Взяв за меру длину прямоугольной платформы (41 м), на рост человека поднимавшей стены богослужебного здания, и пяти-

¹ Ныне становится понятным, что Grosser Kurgan ‘Большой курган’, отмеченный на плане котловины Сорга, сделанном финской экспедицией в 1887 г. [Appelgen-Kivalo 1931: Abb. 143], является бугром манихейского храма [Кызласов И.Л. 2021а: 194, рис. 13].

метровую протяженность ведущего к его входу пандуса (4,75 м) [Кызласов Л.Р. 1999б: 181, 185, 187, рис. 5; Кызласов И.Л. 2021а: 200], уясним, что до изваяния № 14 было немногим более двух, а № 13 – трех таких единиц. Языческие кумиры остались нетронутыми, практически находясь на стройплощадке VIII в., и стояли рядом с храмом на протяжении всего функционирования этого культового здания.

Тесное окружение культовыми объектами глубокой древности не позволяет думать, что Соргинский храм, в отличие от манихейского храмово-монастырского комплекса Уйбатского города [Кызласов И.Л. 2017: 121–130; 2019в; 2021б], располагался на одновременном ему поселении. Неслучайно до проведения здесь железной дороги и появления станционного поселка хакасские жилища аала Тазмина стояли на противоположном берегу р. Пүүр суҕ (на картах Биря). Такое традиционное расселение зафиксировано указанным планом 1887 г.

Так или иначе, но вполне очевидно и наиболее значимо для нашей темы, что раннесредневековый храм был намеренно сооружен в котловине Сорга, отличавшейся редкостным скоплением скульптур и менгиров – идолов седой старины. Возможно, именно благодаря этому обстоятельству и было некогда избрано место для сооружения манихейского храма.

Проследив по трем основным категориям культовых древностей раннего средневековья отношение к памятникам предыдущих культур Хакасско-Минусинской котловины, приходим к следующему заключению.

О чем свидетельствует намеренное использование давних изваяний на курганах доманихейской поры, сказать трудно. Нанесение эпитафий только на древние скульптуры и менгиры объясняется общими для восточнотюркских народов представлениями о первотворении мира и его изначальном каменном естестве, с которым сливается душа умершего: «из камня вышли и в камень уйдем» [Кызласов И.Л. 2014б; 2022а]. Однако само появление камнеписных эпитафийных текстов, идущих от лица покойного, воплощенного в стеле, заменяет устные жреческие прочтения подобных плачей лишь с приходом письменной культуры манихейства [Кызласов И.Л. 2013а: 84–87]. Ранние эпитафии стояли с юго-восточной стороны курганов (стела Ташебинского чаатаса, Е 40) [Heikel 1912: 60, Abb. 2, № 1]², подобным же образом или к востоку ставились затем и эпитафии в IX–XI вв. [Кызласов Л.Р. 1960: 98–102, рис. 5]. Возможно, одна из еще бесписьменных юго-восточных стел мавзолеев чаатас также символизировала умершего.

Уважительное отношение к древним писаницам свидетельствует о продолжавшемся существовании горных культов, первоначально порождавших создание раннесредневековых наскальных рисунков, а с приходом манихейской религии приведших к их замене письменными и личными тамговыми отметками о совершенных молениях. Пример храма, размещенного среди древних изваяний и менгиров в котловине Сорга, указывает на уважительное отношение к ним даже при создании архитектурных богослужебных комплексов и проведении в них

² У кургана 1 Ташебинского чаатаса было водружено и древнее изваяние. Оно стояло в северо-западной поле кургана, противоположной эпитафийной стеле [Heikel 1912: 60, Abb. 2, № 11]. См.: [Грязнов, Шнейдер 1929: 76, табл. IV, 31; Леонтьев, Капелько, Есин 2006: № 256].

торжественных религиозных обрядов с оглашением священных писаний, существовавших у манихеев.

Как известно, религия Света имела универсальный характер, распространение своего учения вела на языке обращаемого населения, стремилась в каждой стране приспособиться к господствовавшей там вере. Синкретизм являлся основой манихейства и проявлялся в отношении зороастризма, христианства, буддизма и иных исповеданий.

Достигнув Енисея, манихейство включило в свою религиозную практику уже существовавшую к тому времени местную руническую письменность [Кызласов И.Л. 1999а; 2001а], а вместе с нею, как теперь видим, и весь основной комплекс традиционного мировосприятия, тесно связанного с почитанием памятников седой старины – будь то писаницы на скалах или стоявшие в долинах изваяния и менгиры. Енисейские руны соединили книжную природу городских храмов с культовой эпиграфикой горных культов. Взаимопроникновение новой философской доктрины и традиционных местных верований сформировало новое религиозное направление – северное, сибирско-тюркское манихейство, широко распространившееся как в Центральной, так и в Средней Азии и Казахстане.

Манихейская книжность несла не только мировоззренческую доктрину, но и историю собственного вероучения, начиная с биографии и деяний пророка Мани. Руническая енисейская письменность также несла (не могла не нести) свою концепцию постижения мира, выраженную в присущих ей еще доманихейских сакральных текстах. Это была философия понимания и объяснения окружающего мира, включавшая непротиворечивое восприятие как природных ландшафтных, так и всех древних рукотворных памятников, ставших деталью местного обитаемого пространства. Иными словами, в древнехакасском обществе до прихода манихейства уже существовала собственная сакральная история. Основные черты этой сакральной истории были восприняты пришлой философией и привели к включению местных древностей в сохраняемое ею наследие. Здесь были показаны археологические признаки этого.

Енисейское письмо – отличие северного манихейства. Для любого древнего и средневекового общества письменность – дар божий, доступный лишь посвященным, т.е. сфера религиозной жизни. Всякая письменность родилась внутри религии и существовала благодаря осознанной культовой деятельности специально обученного жречества. Какая религия издревле владела руническим письмом (а значит, имела Писание), пока неизвестно. Но такая древняя религия в Южной Сибири была.

Распространение грамотности среди мирян – аристократов и простолюдинов, – наблюдаемое в эпоху рунического письма [Кызласов И.Л. 1999: 100–107], проводилось не ради светской образованности и праздного использования, а в целях объединения духовенства и паствы единой религиозностью, общностью верований и обрядов.

Существуют многие сугубо эпиграфические признаки связи енисейского письма с сибирско-тюркской разновидностью манихейства. С необходимой полнотой они были показаны ранее в серии разрозненных публикаций. Здесь следует отметить главные особенности религиозности, проявленной памятниками енисейской рунической письменности.

Таково само размещение столь многочисленных в Южной Сибири и Центральной Азии³ неэпитафийных камнеписных надписей. Малая высота их расположения над грунтом явно указывает, что на горных обнажениях Катуня, как и на плитах издревле стоявших курганов Енисея, в раннем средневековье писали коленопреклоненные люди. Ныне об этом наглядно свидетельствуют позы современных копировальщиков рунических граффити на полевых фотоснимках [Кляшторный 2003: 64; Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: илл. 17; Кызласов И.Л. 2022б: Рис. 1–4] (рис. 6, 7). Не исключая такие камнеписные надписи из живой ткани письменной культуры создававшего их общества, не отторгая их от тех форм духовности, которые определяли и причину, и смысл нанесения лаконичного текста, нельзя не понять – эти надписи всякий раз оставались на месте моления и в знак такого личного обращения к богу.

Рис. 6. Горный Алтай. Копирование наскальной надписи в долине Каракола.
Фото автора.

Тем самым рунология показывает, что манихейство, проникшись учением о возвышенном божьем Слове и Тексте, в южносибирских условиях восприняла отвечающие этому местные горные культы и привнесла в них письменные отметки верующих. Эпиграфические памятники не только наносились у скальных подножий, что особенно отличает российский и монгольский Алтай, но и намеренно вырезались в нишах, расщелинах или близ них – молившиеся стремились приблизить свои письмена к нутру горы (рис. 8).

³ Это понятие употребляется мною в рамках русской географической традиции, основанной на постоянных естественных рубежах водоразделов, а не на изменчивых во времени историко-культурных показателях западноевропейской терминологии.

Рис. 7. Хакасия. Кандеевский лог.

Изучение енисейской надписи на кургане позднего бронзового века. Фото автора.

Рис. 8. Горный Алтай. Устье ручья Карбан.

Копирование В.А. Кочевым надписи у скальной ниши. Фото автора.

Многочисленные примеры показывают исключительно молитвенное или религиозно назидательное содержание таких лаконичных начертаний. В надписях постоянно присутствует мотив греховности писавшего, его самоуничтожения перед богом [Кызласов И.Л. 2001а; 2003б]. Тюркоязычные манихеи, молившиеся

наставника в вере – в нашем случае однозначно, ведь несторианство не использовало руны.

Из таких монастырей и расходились в IX–X вв. и, вероятно, позднее несущие енисейскую грамотность миссионеры. Не только по близлежащим и дальним урочищам Южной Сибири и Центральной Азии [Кызласов И.Л. 2001б], но и по далеким землям современного Кыргызстана и южного и западного Казахстана. Сибирские руны и их обрядовое применение оказали сильное воздействие на местную письменную культуру. Палеографические, содержательные и орфографические особенности камнеписных строк региона позволяют определить даже те манихейские церковно-административные епархии, в которых писавшими было некогда получено руническое образование. Так, формульные и палеографические особенности енисейских надписей Средней Азии дают основание связывать его с долинами Среднего и Верхнего Енисея. Таласские письма, с точки зрения палеографии, можно формально числить локальным вариантом енисейского письма, как это делается для ее алтайского и тувинского вариантов, сохранивших в составе алфавита местные письменные знаки предшествующего времени. Орфография таласских памятников прямо отражает новый этап той характерной традиции словоделения, которая проявляется в енисейских наскальных надписях Горного Алтая и Северо-Западной Монголии. Как и сугубо археологические данные, последнее обстоятельство не позволяет относить таласское письмо ко времени ранее X в. [Кызласов Л.Р. 1965: 44; Кызласов И.Л. 1994: 57–59, 98–100, 214, 230, 231; 2005а; 2005б; 2012; 2019а: 278–284].

Енисейские надписи ясно показали проникновение северного, сибирско-тюркского манихейства даже в самую сердцевину манихейства восточного, более всего знакомого с младшим орхонским письмом. В крупном буддийско-манихейском центре Яр-Хото в Турфанском оазисе Восточного Туркестана енисейские эпиграфические памятники доказывают не только былое появление южно-сибирских воинов, но и паломников, и монахов, создававших и содержавших собственные пещерные храмы и монастыри [Кызласов И.Л. 2016; 2021].

Енисейские молитвенные наскальные и храмовые отметки служат еще одним свидетельством существования в IX–X вв. в Южной Сибири, Центральной и части Средней Азии и Казахстана ритуального, то есть духовно-религиозного единства, выраженного в камнеписных рунических написаниях.

Благодаря показанной религиозной принадлежности енисейского рунического письма, имевшего в Древнехакасском государстве официальный статус, к городскому типу монументальных кирпичных храмов добавляется вторая форма храмово-монастырских обителей, возведенных из легкого, вероятно, древесного материала, а также третья разновидность сакральных культовых и жилых комплексов – пещерных храмов и монастырей.

Наравне с вышеназванными мировоззренческими связями с древними местными представлениями и культурами Саяно-Алтая, эти четыре особенности рели-

образом, говорить и о древности опосредованного заимствования слова *мар*, и о предположительно восточносирийской фонетике. Важно, что в тюркской рунике слово пишется как транслитерация с сирийского; это значит, что *a* был не сильно огублен в сторону *o*, иначе бы после графемы ➔ (*m*) с высокой долей вероятности прописывалась бы гласная (*прим. ред.*).

гиозной культуры являются отличительными чертами широко распространившегося в раннем средневековье северного, сибирско-тюркского манихейства.

Литература

- Адрианов 1904 – *Адрианов А.В.* Писаницы (Отчеты за 1904 год), 1904. Рукопись // Архив Музея археологии и этнографии Сибири при Томском гос. университете. – Инв. № 55. – 191 л. [Машинописная копия, личный архив Л.Р. Кызласова.] {*A.V. Adrianov. Pisanitsy / Pisanitsas (Reports for 1904), 1904. Manuscript // Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia at the Tomsk State University. – Inv. No. 55. – 191 sheets. [Typewritten copy, personal archive of L.R. Kyzlasov.]*}
- Адрианов 1906 – *Адрианов А.В.* Текст отчета А.В. Адрианова и таблицы к нему, 1906 // Архив Института археологии РАН, Р-II, ф. 12 (Личный фонд С.В. Киселева), д. 151. – 257 л. {*A.V. Adrianov. The text of the report by A.V. Adrianov and tables to it, 1906 // Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-II, f. 12 (Personal fund of S.V. Kiselyov), 151. – 257 sheets.*}
- Васильев 1983 – *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. – 127 с. {*D.D. Vasiliev. Corpus of Turkic runic monuments of the Yenisei basin. – Leningrad: Nauka. Leningrad office, 1983. – 127 p.*}
- Грязнов, Шнейдер 1929 – *Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.* Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. – Л.: Ленинградский Областлит, 1929. – Т. IV. – Вып. 2. – С. 63–93. {*M.P. Gryaznov, E.R. Schneider. Ancient statues of the Minusinsk steppes // Materials on Ethnography. – Leningrad: Leningrad Oblastlit, 1929. – Vol. 4. – No. 2. – PP. 63–93.*}
- Кляшторный 2003 – *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 560 с. {*S.G. Klyashtorny. History of Central Asia and monuments of runic writing. – St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2003. – 560 p.*}
- Кызласов И.Л. 1992 – *Кызласов И.Л.* Древнехакаские надписи с названием горы Тепсей // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб, 1992. – С. 220–221. {*I.L. Kyzlasov. Ancient Khakassian inscriptions with the name of Mount Tepsei // Northern Eurasia from antiquity to the Middle Ages. Proceedings of the conference to the 90th anniversary of M.P. Gryaznov. – St. Petersburg, 1992. – PP. 220–221.*}
- Кызласов И.Л. 1994 – *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. – М.: Вост. лит. РАН, 1994. – 327 с. {*I.L. Kyzlasov. Runic scripts of the Eurasian steppes. – Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1994. – 327 p.*}
- Кызласов И.Л. 1998а – *Кызласов И.Л.* Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // Этнографическое обозрение. – 1998а. – № 4. – С. 39–53. {*I.L. Kyzlasov. Image of Tengri and Umai on the Sulek Pisanitsa // Ethnographic Review. – 1998а. – No. 4. – PP. 39–53.*}
- Кызласов И.Л. 1998б – *Кызласов И.Л.* Две древнехакаских надписи на горе Лисичьей // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 1998б. – Вып. II. – С. 140–149. {*I.L. Kyzlasov. Two ancient Khakassian inscriptions on Lisichya Mountain // Yearbook of the Institute of Sayan-Altai Turkology. – Abakan: Publishing House of the Khakass State University, 1998b. – Issue. II. – PP. 140–149.*}
- Кызласов И.Л. 1999а – *Кызласов И.Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. – М.: Изд. центр ИСАА МГУ, 1999а. – Вып. IV. – С. 85–112. {*I.L. Kyzlasov. Spelling features of Manichaean runic inscriptions // Issues of Turkic Philology. – Moscow: Ed. Center ISAA MSU, 1999а. – Issue. 4. – PP. 85–112.*}
- Кызласов И.Л. 1999б – *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. – IV. Образованность в эпоху рунического письма // Российская археология. – 1999б. – № 4. – С. 99–117. {*I.L. Kyzlasov. Materials for the early history of the Turks. – IV. Education in the era of runic writing // Russian Archaeology. – 1999b. – No. 4. – PP. 99–117.*}
- Кызласов И.Л. 2000 – *Кызласов И.Л.* Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского Республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. Известия лабора-

- тории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – № 5. – С. 82–112. {*I.L. Kyzlasov. Monuments of runic writing in the collection of the Gorno-Altai Republican Museum of Local Lore // Antiquities of Altai. News of Archaeology Lab. – Gorno-Altayisk: Publishing house of Gorno-Altai State University, 2000. – No. 5. – PP. 82–112.*}
- Кызласов И.Л. 2001a – *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: Вост. лит. РАН, 2001a. – С. 243–270. {*I.L. Kyzlasov. Change of outlook in Southern Siberia in the early Middle Ages (ideas of monotheism in the Yenisei inscriptions) // Ancient civilizations of Eurasia. History and culture. – Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2001a. – PP. 243–270.*}
- Кызласов И.Л. 2001b – *Кызласов И.Л.* «Добро сотворив, посеять человечность» (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей (Археология восточноевропейской лесостепи, вып. 15). – Воронеж: ВГУ, 2001b. – С. 111–129. {*I.L. Kyzlasov. “Having done good, sow humanity” (Manichaean missionaries at the heights of Altai) // Medieval antiquities of the Eurasian steppes (Archaeology of the Eastern European foreststeppe, issue 15). – Voronezh: Voronezh State University, 2001b. – PP. 111–129.*}
- Кызласов И.Л. 2003a – *Кызласов И.Л.* Средневековая Евразия в свете новых открытий // Краткие сообщения Института археологии. – 2003a. – Вып. 215. – С. 3–6. {*I.L. Kyzlasov. Medieval Eurasia in the light of new discoveries // Brief communications of the Institute of Archaeology. – 2003a. – Issue 215. – PP. 3–6.*}
- Кызласов И.Л. 2003b – *Кызласов И.Л.* Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М.: Гуманитарий, 2003b. – 112 с. {*I.L. Kyzlasov. News of Turkic runology. Issue I. Yenisei inscriptions on Mount Yalbak-Tash (Altai Mountains). – Moscow: Gumanitariy, 2003b. – 112 p.*}
- Кызласов И.Л. 2003в – *Кызласов И.Л.* Местные речевые особенности енисейских надписей // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов: матер. междунар. науч.-практ. конф., 10–11 апр. 2003. – М.: ИСАА при МГУ, 2003в. – С. 283–286. {*I.L. Kyzlasov. Local speech features of the Yenisei inscriptions // Desht-i Kipchak and the Golden Horde in the formation of the culture of the Eurasian peoples: proceedings of the international scientific and practical conference, Apr. 10–11, 2003. – Moscow: Institute of Asian and African Countries of Moscow State University, 2003c. – PP. 283–286.*}
- Кызласов И.Л. 2004 – *Кызласов И.Л.* Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. – М.: Русаки, 2004. – С. 111–129. {*I.L. Kyzlasov. Manichaean monasteries in the Altai Mountains // Antiquities of the East. Collection for the 80th anniversary of Professor L.R. Kyzlasov. – Moscow: Rusaki, 2004. – PP. 111–129.*}
- Кызласов И.Л. 2005a – *Кызласов И.Л.* Таласские наскальные надписи // Российская археология. – 2005a. – № 2. – С. 46–55. {*I.L. Kyzlasov. Talas rock inscriptions // Russian Archaeology. – 2005a. – No. 2. – PP. 46–55.*}
- Кызласов И.Л. 2005b – *Кызласов И.Л.* Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек, 2005b. – Вып. 1. – С. 54–67. {*I.L. Kyzlasov. Reading the rock runic inscriptions of Kyrgyzstan // Materials and researches on the archaeology of Kyrgyzstan. – Bishkek, 2005b. – Issue. 1. – PP. 54–67.*}
- Кызласов И.Л. 2008 – *Кызласов И.Л.* К уяснению исходных позиций изучения и сохранения писанин // Человек, адаптация, культура. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 451–463. {*I.L. Kyzlasov. To the clarification of the initial positions of the study and conservation of petroglyphs // Human being, adaptation, culture. – Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2008. – PP. 451–463.*}
- Кызласов И.Л. 2012 – *Кызласов И.Л.* Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (в кратком изложении) // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов междунар. научно-практич. семинара. – Алматы: ServicePress, 2012. – С. 40–44. {*I.L. Kyzlasov. Early medieval epigraphy of Kazakhstan and Kyrgyzstan: the problem of dating, origin and ownership of the Talas runic writing (in brief) // Historical and cultural heritage and modern culture. Proceedings of the international scientific and practical seminar. – Almaty: Service Press, 2012. – PP. 40–44.*}

- Кызласов И.Л. 2013а – *Кызласов И.Л.* Религиозная природа енисейской письменности. I // Российская тюркология. – 2013а. – № 2. – С. 79–90. {*I.L. Kyzlasov.* Religious nature of the Yenisei writing. 1 // *Russian Turkology.* – 2013а. – No. 2. – PP. 79–90.}
- Кызласов И.Л. 2013б – *Кызласов И.Л.* Руническое письмо на скалах: сибирские корни обряда и его распространение в Средней Азии // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового пути. – Париж–Самарканд: МИЦАИ, 2013б. – С. 116–121. {*I.L. Kyzlasov.* Runic writing on the rocks: the Siberian roots of the rite and its distribution in Central Asia // *Cultural transfer at the crossroads of Central Asia: before, during and after the Great Silk Road.* – Paris–Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 2013b. – PP. 116–121.}
- Кызласов И.Л. 2013в – *Кызласов И.Л.* Енисейская руническая надпись с иранским заимствованием // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе мат-лов конф. «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006) / Труды Гос. Эрмитажа. – СПб: Изд-во ГЭ, 2013в. – Т. LXII. – С. 266–294. {*I.L. Kyzlasov.* Yenisei runic inscription with Iranian borrowing // *Sogdians, their predecessors, contemporaries and successors. Based on the proceedings of the conference “Sogdians at home and abroad”, dedicated to the memory of Boris Ilyich Marshak (1933–2006) / State Hermitage Museum Works.* – St. Petersburg: Publishing House of the State Geological Institute, 2013c. – Vol. LXII. – PP. 266–294.}
- Кызласов И.Л. 2014а – *Кызласов И.Л.* Религиозная природа енисейской письменности. II // Российская тюркология. – 2014а. – № 1. – С. 52–61. {*I.L. Kyzlasov.* Religious nature of the Yenisei writing. 2 // *Russian Turkology.* – 2014а. – No. 1. – PP. 52–61.}
- Кызласов И.Л. 2014б – *Кызласов И.Л.* Сотворение мира глазами праторков (рунологические и археологические приметы) // Проблемы востоковедения. – Уфа, 2014б. – № 2 (64). – С. 35–41. {*I.L. Kyzlasov.* Creation of the world through the eyes of the ancient Turks (runological and archaeological signs) // *Problems of Oriental Studies.* – Ufa, 2014b. – No. 2 (64). – PP. 35–41.}
- Кызласов И.Л. 2016 – *Кызласов И.Л.* Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. – СПб–Улан-Батор, 2016. – С. 218–230. {*I.L. Kyzlasov.* Yenisei epitaph from Eastern Turkestan // *Turkic-Mongolian World in the Past and Present.* – St. Petersburg–Ulaanbaatar, 2016. – PP. 218–230.}
- Кызласов И.Л. 2017 – *Кызласов И.Л.* Манихейские храмы на Среднем Енисее. Исследования Л.Р. Кызласова // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шелковом пути. Материалы междунар. научно-практич. конф. – Алматы: Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, ServicePress, 2017. – С. 119–131. {*I.L. Kyzlasov.* Manichaean temples on the Middle Yenisei. Research by L.R. Kyzlasov // *Religions of Kazakhstan and Central Asia on the Great Silk Road. Proceedings of the international scientific and practical conference.* – Almaty: Center for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO, Service Press, 2017. – PP. 119–131.}
- Кызласов И.Л. 2019а – *Кызласов И.Л.* Свидетельства дальнего продвижения енисейского рунического письма на запад (одна из форм самовосприятия в северном манихействе) // Звучат лишь письмена. К юбилею А.А. Медынцевой. – М.: Ин-т археологии РАН, 2019а. – С. 251–290. {*I.L. Kyzlasov.* Evidence of the distant advancement of the Yenisei runic writing to the west (one of the forms of self-perception in northern Manichaeism) // *Only writings sound. To the anniversary of A.A. Medyntseva.* – Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2019а. – PP. 251–290.}
- Кызласов И.Л. 2019б – *Кызласов И.Л.* Задачи археологического изучения Хакасско-Минусинской котловины. – Абакан: Бригантна, 2019б. – 40 с. {*I.L. Kyzlasov.* Tasks of the archaeological study of the Khakass-Minusinsk basin. – Abakan: Brigantine, 2019b. – 40 p.}
- Кызласов И.Л. 2019в – *Кызласов И.Л.* Возникновение и формирование Уйбатского города (Хакасия). Градообразующая роль храмов VIII – начала XIII вв. // Краткие сообщения Института археологии. – 2019в. – Вып. 256. – С. 242–250. {*I.L. Kyzlasov.* The emergence and formation of the Uibat city (Khakassia). City-forming role of temples in the 8th – early 13th centuries // *Brief communications of the Institute of Archaeology.* – 2019c. – No. 256. – PP. 242–250.}
- Кызласов И.Л. 2021а – *Кызласов И.Л.* К разгадке размещения храма в котловине Сорга́ (восприятие предшествующих памятников последующими культурами) // Мир Средневековья. Познавая прошлое. К 70-летию отдела средневековой археологии. – М.: ИА РАН, 2021а. – С. 179–203. {*I.L. Kyzlasov.* On the unraveling of location of the temple in the Sorgá basin (perception of previous

- monuments by subsequent cultures) // World of the Middle Ages. Knowing the Past. To the 70th anniversary of the department of medieval archaeology. – Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2021a. – PP. 179–203.}
- Кызласов И.Л. 2021б – *Кызласов И.Л.* Храмовый городской центр на Уйбате (вторая половина VIII – начало XIII вв., Хакасия) // Краткие сообщения Института археологии. – 2021б. – Вып. 265. – С. 201–203. {*I.L. Kyzlasov.* Temple city center on Uibat (second half of the 8th – early 13th centuries, Khakassia) // Brief communications of the Institute of Archaeology. – 2021b. – No. 265. – PP. 201–203.}
- Кызласов И.Л. 2021в – *Кызласов И.Л.* Енисейские рунические надписи Яр-хото (из находок первой археологической экспедиции Академии наук в Восточный Туркестан) // Урало-алтайские исследования. – 2021в. – № 4. – С. 69–83. {*I.L. Kyzlasov.* Yenisei runic inscriptions of Yar-Khoto (Yarkhoto, Jiaohe) (from the finds of the first archaeological expedition of the Academy of Sciences to East Turkestan) // Ural-Altai Studies. – 2021c. – No. 4. – PP. 69–83.}
- Кызласов И.Л. 2022а – *Кызласов И.Л.* Окаменевшие витязи и миф творения // Степные миры в зеркале археологии. Сб. статей, посвященный 70-летию ученого-археолога М.К. Хабдулиной. – Нур-Султан: ИП ARD-Print, 2022а. – С. 223–235. {*I.L. Kyzlasov.* Petrified knights and the myth of creation // Steppe worlds in the mirror of archaeology. A collection of articles dedicated to the 70th anniversary of archaeologist M.K. Khabdulina. – Nur-Sultan: IP ARD-Print, 2022a. – PP. 223–235.}
- Кызласов И.Л. 2022б – *Кызласов И.Л.* Основы изучения наскальных рунических надписей Алтая // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2022 год. – Барнаул: АлтГПУ, 2022б. – Вып. 17. – С. 12–132. {*I.L. Kyzlasov.* Fundamentals of the study of rock runic inscriptions of Altai // Field Research in the Upper Ob, Irtysh and Altai Regions (Archaeology, Ethnography, Oral History and Museology). Year 2022. – Barnaul: Altai State Pedagogical University, 2022b. – Issue 17. – PP. 12–132.}
- Кызласов Л.П. 1960 – *Кызласов Л.П.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. – 1960. – № 3. – С. 93–120. {*L.R. Kyzlasov.* New dating of the monuments of the Yenisei writing // Soviet Archaeology. – 1960. – No. 3. – PP. 93–120.}
- Кызласов Л.П. 1965 – *Кызласов Л.П.* О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. – 1965. – № 3. – С. 38–49. {*L.R. Kyzlasov.* On the dating of monuments of the Yenisei writing // Soviet Archaeology. – 1965. – No. 3. – PP. 38–49.}
- Кызласов Л.П. 1979 – *Кызласов Л.П.* О древнехакасских личных тамгах // Проблемы истории Хакасии. – Абакан, 1979. – С. 130–136. {*L.R. Kyzlasov.* About the ancient Khakass personal tamgas // Problems of the History of Khakassia. – Abakan, 1979. – PP. 130–136.}
- Кызласов Л.П. 1980 – *Кызласов Л.П.* Чаатасы Хакасии // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан, 1980. – С. 108–114. {*L.R. Kyzlasov.* Chaatases of Khakassia // Questions of Archaeology of Khakassia. – Abakan, 1980. – PP. 108–114.}
- Кызласов Л.П. 1981 – *Кызласов Л.П.* Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 46–52. – Рис. 28, 29. {*L.R. Kyzlasov.* Ancient Khakass Chaatas culture of the 6th–9th centuries. // Archaeology of the USSR. Steppes of Eurasia in the Middle Ages. – Moscow: Nauka, 1981. – PP. 46–52. – Fig. 28, 29.}
- Кызласов Л.П. 1986 – *Кызласов Л.П.* Древнейшая Хакасия. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1986. – 295 с. {*L.R. Kyzlasov.* Ancient Khakassia. – Moscow: Moscow University publishing house, 1986. – 295 p.}
- Кызласов Л.П. 1998 – *Кызласов Л.П.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. – 1998. – № 3. – С. 8–35. {*L.R. Kyzlasov.* Northern Manichaeism and its role in the cultural development of the peoples of Siberia and Central Asia // Bulletin of the Moscow University. Series 8. History. – 1998. – No. 3. – PP. 8–35.}
- Кызласов Л.П. 1999а – *Кызласов Л.П.* Сибирское манихейство // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999а. – № 3. – С. 26–31. {*L.R. Kyzlasov.* Siberian Manichaeism // Humanities in Siberia. – 1999a. – No. 3. – PP. 26–31.}
- Кызласов Л.П. 1999б – *Кызласов Л.П.* Манихейский храм в котловине Сорга́ (Республика Хакасия) // Российская археология. – 1999б. – № 2. – С. 181–206. {*L.R. Kyzlasov.* Manichaean temple in the Sorgá basin (Republic of Khakassia) // Russian Archaeology. – 1999b. – No. 2. – PP. 181–206.}
- Кызласов Л.П. 2000 – *Кызласов Л.П.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Древности Алтая. Известия Лаборатории археологии. –

- Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – № 5. – С. 66–81. {*L.R. Kyzlasov. Northern Manichaeism and its role in the cultural development of the peoples of Siberia and Central Asia // Antiquities of Altai. Proceedings of the Laboratory of Archaeology. – Gorno-Altai: Publishing house of Gorno-Altai State University, 2000. – No. 5. – PP. 66–81.*}
- Кызласов Л.Р. 2001 – *Кызласов Л.Р.* Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 5. – С. 83–90. {*L.R. Kyzlasov. Siberian Manichaeism // Ethnographic Review. – 2001. – No. 5. – PP. 83–90.*}
- Леонтьев, Капелько, Есин 2006 – *Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2006. – 236 с. {*N.V. Leontiev, V.F. Kapelko, Yu.N. Yesin. Statues and steles of the Okunev culture. – Abakan: Khakass book publishing house, 2006. – 236 p.*}
- Медведев 1966 – *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. // Свод археологических источников СССР.– М.: Наука, 1966. – Вып. E1-36. – 184 с. {*A.F. Medvedev. Hand throwing weapon. (Bow and arrows, crossbow). 8th–14th centuries // Compendium of Archaeological Sources of the USSR.– Moscow: Nauka, 1966. – Issue E1-36. – 184 p.*}
- Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012 – *Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М.* Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2012. – 152 с. {*L.N. Tybykova, I.A. Nevskaya, M. Erdal. A Catalogue of ancient Turkic runic monuments of Altai Mountains. – Gorno-Altai, 2012. – 152 p.*}
- Шер 1980 – *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с. {*Ya.A. Sher. Petroglyphs of Central Asia. – Moscow: Nauka, 1980. – 328 p.*}
- Appelgen-Kivalo 1931 – *Appelgen-Kivalo H.* Alt-Altäische Kunstdenkmäler [Памятники искусства древнего Алтая]. – Helsingfors: K.F. Puromies Buchdruckerei A.-G., 1931. – 119 s.
- Blednova et al. 1995 – *Blednova N., Françfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J.A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P.* Sibérie du Sud 2 [Южная Сибирь 2]: Tepsej I-III, Ust'-Tuba I-VI (Russie, Khakassie) // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 2. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale [Свод петроглифов Центральной Азии. Вып. 2. Записки Французской археологической миссии в Центральную Азию]. – Paris: Diffusion du Bocard, 1995. – T. V, 2. – 68 + LXXVII + 93 p.
- Heikel 1912 – *Heikel A.O.* Die Grabuntersuchungen und Funde bei Tashebá [Исследования погребений и находки близ Ташебá] // Zeitschrift der Finnischen Abertumsgesellschaft. – Helsinki, 1912. – XXVI. – Ss. 59–70.
- Kyzlasov 2016 – *Kyzlasov I.* Inscriptions rupestres runiques. De la Sibérie à l'Asie centrale et au Kazahstan [Наскальные рунические надписи. Из Сибири в Центральную Азию и Казахстан] // Asie centrale. Transferts culturels le long de la route de la soie. [Центральная Азия. Культурные связи вдоль Великого Шелкового пути.] – Paris: Vendémiaire, 2016. – PP. 301–307.
- Ramstedt 1913 – *Ramstedt G.J.* Zwei uigurische Runenschriften in der Nord-Mongolei [Две уйгурские рунические надписи в Северной Монголии] // Journal de la Société Finno-Ougrienne. – Helsinki, 1913. – T. XXX, fasc. 3. – Ss. 1–70, вклейка.
- Sher et al. 1994 – *Sher J., Blednova N., Legtchilo N., Smirnov D.* Sibérie du Sud [Южная Сибирь] 1: Oglakhty I-III (Russie, Khakassie) // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 1. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale [Свод петроглифов Центральной Азии. Вып. 1. Записки Французской археологической миссии в Центральную Азию]. – Paris: Diffusion du Bocard, 1994. – T. V, 1. – 4+52+XXXVIII+80 p.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2022. № 3–4 (36–37), pp. 33–47. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 81-01

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-3

НАЗВАНИЯ ОРГАНОВ И ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА В ПАМЯТНИКАХ, НАПИСАННЫХ НА ХОРЕЗМИЙСКО-ТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ

*Афаг Джабраил кызы Мамедова*¹

¹ Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджан
кандидат филологических наук, доцент
ORCID: 0000-0002-5062-9945
E-mail: afam129@gmail.com

© ИЯз РАН, 2022

© Мамедова А.Дж., 2022

Аннотация: Лексические единицы тюркского происхождения подверглись влиянию разных языков, подчиняясь требованиям истории и времени. Однако существует группа слов, которые смогли сохранить свою функциональность в литературном языке и диалектах различных тюркских языков до современности. Это слова, которые впитались в тюркский лексикон, потому как с детства в устном разговоре звучали на родном языке. Например, термины родства, блюд, продуктов питания, животных, растений и т. д. можно отнести к наиболее устойчивой группе лексических единиц. Органы и части тела человека также можно отнести к этому разряду. Как известно, лексемы персидского и арабского происхождения оказали существенное влияние на лексику тюркских языков и вызвали архаизацию большого количества исконных слов. Но в тюркских исторических письменных памятниках некоторые слова тюркского происхождения, несмотря на вытеснения, еще долгое время употреблялись параллельно с арабскими и персидскими лексемами. Некоторые слова, которые использовались параллельно, закрепились в разных тюркских языках в результате процесса естественного отбора, и, таким образом, постепенно определялись нормы литературных тюркских языков.

Большинство терминов тюркского происхождения, употребленных в памятниках, написанных на хорезмско-тюркском языке и являющихся предметом нашего исследования, также присутствуют во многих современных тюркских языках с незначительными фонетическими отличиями, но наряду с этим можно отметить и некоторые архаизмы. В то же время проведенное исследование помогло получить более подробную информацию о фонетике хорезмско-тюркского языка, так как слова, демонстрирующие фонетическое варьирование в памятниках (а их достаточно много), отражают языковые особенности разных тюркских племен.

Ключевые слова: хорезмийско/хорезмско-тюркский язык, тюркские памятники, лексемы, названия частей тела и органов, транскрипция.

Для цитирования: Мамедова А.Дж. Названия органов и частей тела человека в памятниках, написанных на хорезмийско-тюркском языке // Российская тюркология. 2022. № 3–4 (36–37). С. 33–47. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-3.

This is an open access article under the CC BY license

Human organs and body parts in works written in Khorezmian Turkic language

*Afag Jabrayil kyzy Mamedova*¹

¹ Baku State University, Baku, Azerbaijan
Ph.D. in Philology, Associate Professor
ORCID: 0000-0002-5062-9945
E-mail: afam129@gmail.com

© IL RAS, 2022

© Mamedova A.J., 2022

Abstract: Lexical units of Turkic origin were subjected to pressure from different languages, “bowing” before the demands of history and time. However, there is a group of words that have been able to retain their functionality in the literary language and dialects of various Turkic languages up to the present. These are words that have been absorbed into the Turkic lexicon, because they sounded in their native language in oral conversation and they were well known for the native speakers since childhood. For example, terms of kinship, dishes, foodstuffs, animals, plants, etc. can be attributed to this group of lexical units. Organs and parts of the human body can also be attributed to this order. As is known, lexemes of Persian and Arabic origin influenced the vocabulary of the Turkic languages and caused the archaization of a large number of words. But in the Turkic historical written monuments, some words of Turkic origin, despite the displacement, were used for a long time in parallel with Arabic and Persian lexemes. Some words that were used in parallel became fixed in different Turkic languages as a result of the process of natural selection and, thus, the norm of the literary, one or the other, Turkic language was determined.

Most of the terms of Turkic origin used in the monuments written in the Khorezm-Turkic language and which are the subject of our study are also present in many modern Turkic languages with minor phonetic differences, but along with this, you can also see some interesting words that have become archaic at the present time. At the same time, the conducted research helped to obtain more detailed information about the phonetics of the Khorezmian Turkic language. Since it should be noted that the words demonstrating phonetic variation in the monuments (and there are quite a lot of them) reflect the linguistic features of different Turkic tribes.

Key words: Khorezmian language, Turkic written monuments, lexemes, body parts, organs, transcription.

For citation: Mamedova, A.J. 2022, Human organs and body parts in works written in Khorezmian Turkic language, *Russian Turkology*, 3-4 (36–37), pp. 33–47. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-3.

I. Введение

Литературный язык, пришедший после караханидско-тюркского, называется хорезмийско-тюркским и охватывает период XIII–XIV вв. Среди ученых существуют разногласия по вопросу о том, к какому литературному языку следует отнести произведения, написанные в средние века. Тот факт, что сходств в языке письменных памятников больше, чем различий, и параллельное развитие различных черт племенного языка в фонетике, лексике и морфологии затрудняют отнесение этих произведений к одному тюркскому литературному языку. К примеру, в исследованных нами памятниках, которые относят к хорезмийско-тюркскому языку, с фонетической, грамматической и лексической точки зрения смешаны черты, характерные для караханидско-тюркского, а также элементы огузского и кыпчакского языков. Поэтому язык произведений, написанных в средние века,

именовался учеными по-разному, и группировались эти памятники под разными литературными языками.

По мнению исследователя староузбекского языка Э. Фазылова, «к числу важных и нерешенных проблем тюркологии относится язык хорезмийских памятников XIV века, исследование которых дает возможность прийти к некоторым более общим выводам о взаимоотношении языков целых групп» [Фазылов 1971: 3]. Об этом также упоминал Аргуншах: «Ни одно из произведений, написанных в этот период, не похоже на другое. Различия в фонетическом, морфологическом и лексическом пластах очевидны, поэтому говорить о чистом хорезмийско-тюркском языке нельзя» [Argunşah 2020: 54]. В целом, одни исследователи относят произведения, написанные в XIV в., к хорезмийско-тюркскому, другие относят некоторые из этих произведений к караханидскому, золотоордынскому, мамлюкскому или чагатайскому языку [см.: Фазылов 1996: 140; Баскаков 2008: 177; Щербак 1962: 21–22; Самойлович 2005: 912; Наджип 1961: 7–8; Banarlı 1983: 354–357; Ercilasun 2004: 373–386; Hacıeminoğlu 2000: X; Argunşah 2020: 54–56 и т. д.].

Изучив все эти разные мнения и учитывая языковой состав памятников, мы сочли целесообразным отнести к хорезмийско-тюркскому следующие произведения – «Мукаддима́т аль-адаб», «Кыссас ал-анбийя», «Нахджу́л-фа́радис», «Муину́л-мури́д» и подстрочный перевод Корана на хорезмийско-тюркском. Поэтому в предлагаемой статье анализируются вышеупомянутые памятники.

Лексические единицы тюркского происхождения подверглись влиянию разных языков, подчиняясь влиянию истории и времени. Однако существует группа слов, которые смогли сохранить свою функциональность в литературном языке и диалектах различных тюркских языков до современности. Это слова, которые с детства слышались на языке матери, и впитались в тюркский менталитет. Например, термины родства, блюд, продуктов питания, животных, растений и т. д. можно отнести к этой группе лексических единиц. Органы и части тела человека также можно отнести к этому разряду. Хотя лексемы персидского и арабского происхождения оказали влияние на лексику тюркских языков в средние века и вызвали архаизацию большого количества исконных слов, в тюркских исторических письменных памятниках некоторые слова тюркского происхождения, несмотря на вытеснения, еще долгое время употреблялись параллельно с арабскими и персидскими лексемами.

II. Графические особенности

Большинство терминов тюркского происхождения, употребленных в произведениях, написанных на хорезмско-тюркском языке и являющихся предметом нашего исследования, присутствуют во многих современных тюркских языках с незначительными фонетическими отличиями, мы встречаем и некоторые интересные слова, ставшие архаичными в настоящее время. В то же время проведенное исследование помогло получить более подробную информацию о фонетике хорезмско-тюркского языка. Например, в современных тюркских литературных языках закрепившееся в написании слово *ayaq* ‘нога’ появляется в произведениях, написанных на хорезмско-тюркском языке, в двойственной форме – *a_zaq/ayaq*. Надо отметить, что буква *ذ* в слове *اذق* транскрибируется по-разному: в Азер-

байджане – {z} [Насијева 1989: 23; Əlizadə 1993: 57], а в Узбекистане она произносится как {z}, отмечено, что это межзубная фонема [Жуманиезов 1989: 44]. Европейские лингвисты в основном изображают эту букву с чертой z (z) и отмечают, что она произносится как турецкая «z» [Deny 1941: 14, 44]. В книгах, опубликованных в Турции, много отличий в транскрипции этой графемы. Хотя в учебниках арабографической тюркской письменности (Osmanlıca) произношение буквы обозначается как {z}, а транскрипцию отмечают как z с чертой внизу [Timurtaş 1993: 3, 100], в научной литературе, в основном в транскрипции произведений, написанных в средние века, транскрипция буквы ð обычно встречается в трех вариантах: 1. Маленькая черта под буквой «д» – (d) [Насеминоғлу 2000: 21; ME 1993: 84], 2. Точка под буквой «д» – (d) [NF 2014: 5; Arat 1992: 455; Şimşek 2019: 13], 3. Обозначается сочетанием двух звуков – (dh) [DLT (B) 1985: XXXIII].

Великий ученый Махмуд Кашгари пишет: «Если нужно написать букву ث (s), то ее следует писать в форме тюркского ð и к ней прибавить точку» [DLT (R) 2006: I: 60].

Девятую букву арабского алфавита, *заль*, называют еще «межзубным з», и, хотя в основном она используется при написании слов арабского происхождения, ее также можно увидеть в некоторых лексемах тюркского происхождения в средневековых письменных произведениях. В статье мы посчитали целесообразным обозначить транскрипцию этой буквы, как «z» с нижним макроном – (ẓ). Следует также отметить, что некоторые слова в хорезмско-тюркском языке употреблялись параллельно с буквами ð (z) и ى (y). Например, بوذ (65/11) *boz* / بوی (65/10) *boy* ‘рост’; أذار (53/2) *ezer* / أيار (52/12) *eyer* ‘седло’; قذاش (48/15) *qazaş* / قياش (383/9) *qayaş* ‘родственник’; قذغو (214/17) *qazgu* / قىغى (395/15) *qaygi* ‘беспокойство’ в «Нахдж аль-фарадис»; ايذ (2a2) *iz-* / اى¹ (16a5) *iy-* ‘отправлять’ в «Муинулмурид» и др. Это свидетельствует о том, что звуковые переходы, имевшие место в историческом развитии языка, перед стабилизацией существовали параллельно.

Конечно же, такое двухвариантное написание слов является скорее результатом различных особенностей тюркского племенного языка, чем различиями в написании. «Функциональность голосовых переходов не только создает варианты и параллельные признаки, но и определяет речевой ареал отдельных племен. Закон иерархии реализует эти направления перехода» [Kazimov 2014: 17]. Лексемы, которые использовались параллельно в течение длительного времени, закрепились в разных тюркских языках в результате процесса естественного отбора языка в течение определенного периода времени, и, таким образом, определялась норма литературного, одного или другого, тюркского языка.

Статистика употребления слово «нога» из частей тела в хорезмско-тюркском языке с точки зрения фонетического разнообразия выглядит следующим образом:

اذاق/اذق *aзақ*: ME 1993 – 3; KE 1997 – 139; NF 2014 – 72; MM 2006 – 9; ТКТ 2020 – 25;

ايق/ايق *ayaq*: ME 1993 – 1; KE 1997 – 31; NF – -, MM 2006 – 4; ТКТ 2020 – 5.

Как видно из статистического анализа, во всех произведениях того времени в указанном слове варианты с буквой ð составляют большинство. Махмуд Кашгари перед словом ايق отметил, что «также اذق используется» [DLT (B) 1985: 84].

¹ Возможно, имеется в виду одно из следующих написаний: اى, اى, اى, اى (прим. ред.).

Ученый еще раз обратился к этой проблеме в следующих заметках: «Ягма, тохси, кыпчак, ябаку, татар, кай, чомул и огузы всегда меняют букву z {z} на y {y} и никогда не произносят \dot{z} {dh} {...} Точно так же буква, произносимая как \dot{z} {dh} чигилами и другими тюрками, произносится как z {z} племенами болгар, сувар, емек и кыпчаков, которые распространяются на румынские и русские страны. Другие тюрки называют ногу \dot{z} *adhaq*, эти \dot{z} *azak*» [DLT (R) I: 106]. Это еще раз доказывает, что слова, демонстрирующие фонетическое варьирование в произведении, отражают языковые особенности разных племен.

III. Термины частей тела и органов на хорезмийско-тюркском

Многие термины частей тела или слова, связанные с телом, встречающиеся в большинстве произведений, написанных на хорезмийско-тюркском языке, также широко бытуют в лексике современных тюркских языков (иногда с незначительными фонетическими различиями). Ниже приведены несколько примеров: *ağız, alın, avuç/awuç, aya, bağır, barmaq, baş, bel, bilək, boğaz/boğuz, boy/boz, boyun, burun, əl, qan, qarın, qol, qulaq, kirpük, köz, saç, süngük, saqal, tamaq, tamar, təri, turnaq, til, tirsək, tiş/ diş, tiz, todaq /dudaq, yilik, yürək, yüz* и т. д. Однако иногда встречаются слова, ставшие архаичными или фонетически более измененными в современных тюркских языках.

1. *aşuq* ‘таранная кость’

Лексическая единица *aşuq* в значении «таранная кость» встречается только в KE (*urdi aşuqınqa tigdi* (28 v 16) ‘ударил в таранную кость’) и один раз в ТКТ (*iki azaqını tuttu aşuqqa tegi* (232 b 5) ‘две его ноги схватил до таранной кости’).

Надо отметить, что одним из самых продуктивных суффиксов в словообразовании соматизмов в тюркском языке является *-ik/-ek/-k* [См.: Базарова 1967].

2. *bağarsuq* ‘кишечник’

При изучении лексического фонда произведений, написанных на хорезмийско-тюркском языке, было установлено, что лексема *bağarsaq* в таком написании – *بغیرساق* – употреблялась в значении «сострадательный, милосердный» (*başladım ol izi atı birle kim bağarsaq mihriban turur* [TKT 33b7] ‘я начал во имя Бога, который милосердный и сострадательный’ [TKT 33b7]), а в значении «кишечник» зафиксирована лексема *بغارسوق* *bağarsuq* (*tamarlarımğa barmış bolsa taqı bağarsuqlarımğa kirmiş bolsa* [NF 295/3] ‘даже если он достиг моих вен, если он попал в мой кишечник’). В книге «Дивану лугат ат-турк» встречается слово *bağarsaq kişi* со значением «отзывчивый, добрый человек» [DLT (D) 2007: 167].

3. *ərnək/barmaq* ‘палец’

В современных тюркских языках в основном употребляется слово *barmaq/parmak*, а в уйгурских и караханидских памятниках это слово в основном выражено лексемой *ərnək/ərngək*. И каждый из пяти пальцев рук человека имеет свое название. Например, в уйгурских памятниках встречаются лексемы *atsız erñək* [ДТС 1969: 68] ‘безымянный палец’, *kiçig erñək* [ДТС 1969: 306] ‘мизинец’, *yanar erñək* [ДТС 1969: 231] ‘указательный палец’, *uluq erñək* [ДТС 1969: 610] ‘большой палец’, а в словаре М. Кашгари присутствуют слова *suq ərnəqək* [DLT(R) 2006: III: 137] ‘указательный палец’, *çıçalak* [DLT(R) 2006: I: 468] ‘мизинец’, *çıçatıuq* [DLT(R) 2006: I: 468] ‘безымянный палец’.

Что же касается произведений, написанных на хорезмийско-тюркском языке, то почти во всех текстах используется лексическая единица *barmaq*. Но в некоторых памятниках наблюдается параллельное употребление обоих слов (*ərnək/barmaq*): в «Мукаддима аль-адаб» Замахшари *barmaq* – 9 раз, *ərnək* – единожды, «Кыссас ал-анбийя» Рабгузи *barmaq* – 12 раз, *ərnək* – 19 раз, в «Переводе Корана на хорезмско-тюркском» *barmaq* – 3 раза и *ərnək* – 4 раза. Наименование каждого пальца в памятниках, являющихся объектом исследования в статье, происходит следующим образом: *im barmaq*, *işarət qılğan barmaq* [ME 47/6] ‘указательный палец’, *orta barmaq* [KE 121v4] ‘средний палец’, *çiçala barmaq* [KE 121v1] ‘мизинец’, *baş barmaq* [KE 121v1] ‘большой палец’, *kiçig barmaq* [NF 77–17] ‘мизинец’.

4. *bağış/boğun/boğuş ~ bağamaq* ‘сустав’

Эта лексема, встречающаяся в хорезмийско-тюркских памятниках в различных фонетических вариантах и отражающая семантику «сустав, место соединения костей», упоминается и в словаре Махмуда Кашгари в фонетических вариантах *boğum/boğım/boğun* [DLT (R) 2006: IV: 99]. Махмуд Кашгари пишет перед словом *boğun*: «В этом слове буква ɢ (m) заменена на ɳ (n). Это свойственно для языка» [DLT (R) 2006: I: 397]. Из исследуемых текстов только в «Переводе Корана на хорезмско-тюркском» использовался синоним этого слова *bağamaq* (*biz yarattıq anlarını taqı küçlüğ qıldıq bağamaqların/bağışlarını taqı* [298a7]).

5. *bıqın* ‘спина’

Хотя *bel* и *bıqın* употребляются как синонимы, мы засвидетельствовали, что лексема *bel* в исследуемых текстах встречается чаще. Если слово *bel* использовалось во всех остальных исследуемых памятниках, кроме ТКТ [ME 28/6; KE 75r19; NF 222/10; MM 965], то лексема *bıqın* встречается только в ME [73/1] и KE [248r14].

6. *bıyıq/tıyıq* ‘усы’

Исторически замена [*b~m*] в словах тюркского происхождения является наиболее распространенным звуковым изменением. Из объектов исследования в двух произведениях используется лексема *bıyıq* [ME 87/7; NF 81/13], а в одном памятнике *tıyıq* [KE 234v4].

7. *boyun çənbəri* ‘ключица’

Яшар Шимшек, изучавший перевод Корана на хорезмско-тюркском, перевел *boyun çənbəri* как ‘ключица’ [Şimşek 2019: 113]. Надо отметить, что это словосочетание используется только в «Переводе Корана на хорезмско-тюркском»: *ol vəqtin kim təgdi boyun çənbəringə* [КТК 294b/1] ‘в тот момент, когда попал в ключицу’.

8. *dotaq/todaq/totaq ~ irin* ‘губа’

Звук [o] в слове *dotaq/todaq/totaq* пишется с графемой «вав» во всех исследованных произведениях (в «Муинул-мурид» это лексема не встречается), а в NF из-за того, что текст был написан с диакритическими знаками, над буквой «вав» обозначен знак «дамма» [دوداق [KE 184r20], ثوداق [NF202/13], توتاق [ТКТ 329a2]]. Как мы знаем, «вав» обозначает все огубленные гласные, то есть слово может читаться как *dotaq/todaq*, так и *dutaq/tudaq*. Айсу Ата транскрибировала это слово как *dudaq* в «Кыссас ал-анбийя» Рабгузи и *todaq* в «Нахдж аль-фарадис» Махмуда. По мнению Э.В. Севортыяна, маловероятно, что слово *dodaq/totaq* образовано от глагола *tut-*: «Корневой гласный в рассматриваемой основе – долгий в языке-основе, что, по-видимому, устраняет возможность возведения *do:daq ~*

тотақ к глаголу *тут-* ~ *дут-* ‘держать, хватать’. Источником слова является другой глагол **то:m(a)-* или **ту:m(a)-*, не имеющий пока необходимых подтверждений в материалах [Севортян 1980 III: 251].

Среди произведений, написанных на хорезмийско-тюркском, в «Мукаддима аль-адаб» и «Переводе Корана» встречается лексема *irin*, которая фиксируется как синоним слова *dotaq*. Слово *irin* из современных тюркских языков в татарском и башкирском употребляется в той же фонетической форме, а в казахском и киргизском – как *erin* [KTL I: 190–191]. В словаре М. Кашгари с одинаковой семантикой зафиксированы обе лексемы: *irin* и *erin* [DLT (R) I: 144].

9. *əl/il/əlig* ‘рука’

Надо отметить, что в значении «рука» в текстах, являющихся объектом исследования, активно используются в основном два слова: *əl* и *əlig*. Однако наше внимание привлекло использование слова в трех фонетических формах в «Мукаддима аль-адаб»: *الیک əlig* [ME 1993: 3], *ال əl* [ME 1993: 1134] и *ایل il* [ME 1993: 106].

«Слово *əlig* широко распространено в средневековых среднеазиатских и золотоордынских памятниках (...). В языках огузской группы распространено слово *əl/lel*, а в языках кыпчакской группы и восточно-туркестанских языках – *qol*» [Наджип 1989: 257].

10. *irkmək əti* ‘бедро’

Среди произведений, написанных на хорезмийско-тюркском языке, в «Мукаддима аль-адаб» бросается в глаза лексические единицы, не встречающиеся в других исследуемых нами текстах. Одним из таких слов является сочетание *irkmək əti*, что означает «бедро»: *tərpəndi irkmək əti* [ME 235/6] ‘двигалось бедро’.

11. *kəmük ~ süñük ~ süyək* ‘кость’

В то время как в «Мукаддима аль-адаб» использовались лексемы *kəmük* [ME 183/2] ~ *süñük* [ME 72/4]/*süyek* [ME 177/1], в других текстах (кроме перевода Корана) встречается только лексическая единица *süñük*. В книге Махмуда Кашгари в значении «*gəmirilmiş sümük*» (‘обглоданная кость’) есть словосочетание *kəmdük süñük* [DLT (R) 2006: I: 463]. Можно предположить, что слово *kəmik* и глагол *kəmür-* происходят от одного корня.

12. *kindik ~ köbek* ‘пупок’

Лексема *kindik*, означающая «пупок», используется в «Кыссас ал-анбийа» [KE 77т2] и «Нахдж аль-фарadis» [NF 104/12], а слово *köbek* в «Муинул-мурид» [MM 273]. В современных тюркских языках *kindik* используется в башкирском, казахском, киргизском, узбекском, татарском, уйгурском языках, а *göbə(e)k* в азербайджанском, турецком и туркменском языках [KTL 1991: 276–277].

13. *meyin/mini* ‘мозг’

Лексемы *meyin* [KE 203v8] / *mini* [KE 44v12] из исследуемых нами работ встречается только в «Кыссас ал-анбийа». В целом, в отличие от других памятников именно в «Кыссас ал-анбийа» в анлауте чаще используется буква «m», чем «b». Например, *tamiq* ‘хлопок’ [KE 173v18], *tiyiq* ‘усы’ [KE 230v4], *təp* ‘родинка’ [KE 76p4] и т. д.

14. *oñurqa/oñurtqa/oğurqa* ‘позвоночник’

Носовой согласный, обозначаемый буквой «*Sağır nun*», исторически употреблявшийся в словах, часто в современных тюркских языках заменяется звуком «m». Это можно увидеть на примере с лексемой *oñurqa*: в современном турецком язы-

ке – *omurga*, на башкирском – *umirtqa*, казахском – *omirtqa*, киргизском – *omurtqa*, узбекском – *umurtqa*, татарском – *umurtqa*, туркменском – *oňurğa*, уйгурском – *omurtqa* [КТЛ 1991: 660–661]. Согласно А.В. Дыбо, (эта) лексема – производное от глагола **oňur-* ‘разламывать по суставам’ [Дыбо 1996: 186].

15. *taban* ‘пятка’

Саркан Джихан, изучавший Ёзгатский экземпляр «Мукаддима аль-адаб», о значении слова *taban* пишет: «*ayağın yerə basan alt üzi*» [Cihan 2021: 48] ‘нижняя сторона стопы, которая касается земли’. В Шуштарском экземпляре того же произведения лексема фигурирует в семантике «вверх ногами, вниз головой»: *taban oğlan toğurdi tişi* [МЕ 44/4] ‘самка родила мальчика вверх ногами’. В «Кыссас ал-анбийа» слово с одинаковым написанием تان Айсу Ата читает по-разному: 1. *Teben* со значением «вниз головой» [КЕ 220r14], 2. *Taban* со значением «пятка» [КЕ 22r11].

16. *tamar/tamur/timur* ‘вена’

Слово *tamar* на хорезмско-тюркском языке, наряду с тем, что она написана с глухим вариантом (с t) в анлауте, также привлекает внимание множеством вариантов написания: تمار [ТКТ 206a6, КЕ 128v19], تیمور [ТКТ 167b1], تمور [КЕ 6v20]. Махмуд Кашгари перед словом تَمْر пишет: «Огузы говорят “тамар”, произнося букву *м* с фатхой. Они всегда придерживаются краткости. Поскольку фетхе/фатха – кратчайший из диакритических знаков, они стараются использовать ее» [DLT (R) 2006: I: 367]. Как видно из этих сведений, такая разница в написании лексем является не некомпетентностью писца, а отражением на письме языковых особенностей тюркского племени. В переводе Мешхедской копии Корана в семантике «сонная артерия» использовались словосочетания *boyun tumur* [ТКТ 167a13], *emgen tamari* [ТКТ 147b6] и *yürək tamari* [ТКТ 271b7]. А в «Кыссас ал-анбийа» есть лексическая единица *omgen tamari* [КЕ 128v19] со значением «вена по обе стороны от сонной артерии».

17. *yanaq/yaŋaq* ~ *əŋ* ‘щека’

Хотя слово *yanaq/yaŋaq* в ТКТ не используется самостоятельно, его можно увидеть в корне глагола *yaŋaqla-* в значении «ущипнуть щеку»: *əlgi birlə Firavanni yaŋaqladı* [ТКТ 50b1] ‘рукой ущипнул щеку Фиравана’. Также в КЕ используется лексема *əŋ* [КЕ 75r17] со значением «щека». В этой же семантике слово *əŋ* встречается и в караханидско-тюркских памятниках «Кутадгу билиг» и «Атабет-ул хакайик» [ДТС 1969: 174].

18. *yürək* ‘сердце’

В МЕ лексема *yürək* самостоятельно как слово, обозначающее орган «сердце», не использовалась, но была представлена в семантике *yürəkli* [МЕ 127/4] ‘храбрый, отважный’ и *yürəksiz* [МЕ 33/4] ‘трус’.

Ниже в таблице представлены слова, связанные с органами и частями тела человека, которые использовались в хорезмско-тюркских памятниках.

IV. Выводы

Изучая определенный период в истории развития тюркских языков, а именно язык произведений, написанных на хорезмско-тюркском языке, мы пришли к выводу, что многие слова, употреблявшиеся в древнетюркском языке, были активны и в этот период.

ME	KE	NF	MM	TKT	Значения
ağız (1/4)*	ağız (249r9)	ağız (25/11)	ağız (7a7)	ağız (51a1)	рот
	al(ı)n (34v17)	alın (215/13)	alın (19a11)		лоб
	aşuq (17v1)			aşuq (232b5)	таранная кость
	avuç (114v11) awuç (116r16) owuç (5v19)	awuç (73/17)		avuç (219a12)	ладонь
aya (53/8)	aya (118r5)	aya (44/10)	aya (8a1)		ладонь
ayaq (58/1)	azaq (6r9) ayaq (31r17)	azaq (60/10)	azaq (5b14) ayaq (13a3)	azaq (6a7) ayaq (169a1)	нога
		bağarsuq (12/2)		bağarsuq/bağ ursuq (116a7)	кишечник
	bağır (68r21)	bağır (177/7)	bağır (3b14)	bağır (137a8)	сердце
barmaq (47/6) ərnək (93/7)	barmaq (208r16) ərnək (83r7)	barmaq (79/10)	barmaq (12b10)	barmaq (293b1) ərnək (150b6)	палец
baş (185/5)	baş (29r16)	baş (12/10)	baş (7a14)	baş (53a6)	голова
bel (28/6)	bel (75r19)	bel (222/10)	bil (9b5)		спина
bilek (82/6)	bilek (86v3)		bilek (5b18)		запястье
bıqın(89/4)	bıqın (248r14)				спина
bıyıq(87/7)	mıyık (230v4)	bıyıq (81/13)			усы
boğaz (37/4)	boğuz (51v9)	boğaz (18/6) boğ(u)z (68/8)	boğaz (16a5)	boğaz (36b4) boğuz (286a3)	горло
boğış(160/6) boğun (160/6)	bağış (86v4)	boğun (326/9) boğuş (437/14)		bağış / bağamaq (298a7)	сустав
boy (44/1)	boy (2v11) boz (34r9)	boy (65/10) boz (65/11)		boy (6b4) boz (54a10)	рост, тело
boyun (6/2)	boyun (67v13)	boy(u)n (31/6)	boyun (7b6)	boyun (6b3)	шея
				boyun çənbəri (294b1)	ключица
bud (210/2) but (63/4)	but (131r9)				бедро
burun (135/3)	bur(ı)n (131r9)	bur(u)n (330/16)	burun (6a7)	burın (124a8)	нос
diş (183/6)	tiş (50v8)	tiş (12/16)	tiş (4a5)		зубы
	dodaq (184r20)	todaq (181/10)		totaq (329a2) irin (329b8)	губы
əgin (104/7)	əgin (249v7)	əg(i)n (287/5)	əgin (7a8)	əgin (260a3)	плечо
əl (82/1) əlig (109/6)	əl (69v3) əlig (66r9)	əl (29/11) əlig (29/6)	əl (5b13) əlig(7b4) il (3a6)	əl (7b5) əlig (8a1)	рука
əmcək (85/4)	əmcək (147v13) əmük (89r21)	əmük (319/11)		əmik (123a11)	грудь

* Цифры в скобках указывают, на какой странице и строке находится данное слово в каждой рукописи.

ME	KE	NF	MM	TKT	Значения
əyəgü (174/4)	əyəgü (7v8)	əyə (135/16) əyəgü (279/12)	qaburğa (13a17)		ребро
	əŋ (61v11)				щека
	əŋək (133v1)	əŋək (346/8)			щека
	əŋsə (44v18)	əŋsə (383/1z)			затылок
irkmæk əti (235/6)					бедро
	içəgü (232r18)				внутренности, потроха
qan (154/7)	qan (12r2)	qan (50/16)	qan (16a10)	qan (271a7)	кровь
qarın (54/1)	qarın (215v7)	qarın (337/4)	qarın (5b19)	qarın (181b2)	живот
qaş (172/8)	qaş (76v7)				брови
	qıl (187r20)	qıl (239/14)			волос
qol (110/3)	qol (137r11)	qol (47/4)	qol (26b1)	qol (270b1)	рука
	qoltuq (224r21)	qoltuq (84/7)			подмышка
qulaq (58/5)	qulaq (77r6)	qulaq (137/3)	qulaq (13a14)	qulaq (109a7) eşütgü (101a5)	ухо
qursaq (232/7)	qursaq (225v4)	qursaq (299/3)			желудок
kəmük (183/2) sünjük (72/4) süyäk(177/1)	sünjük (6v20)	sünjük (354/15)	sünjük (20b12)		кость
	kindik (77v2)	kindik (104/12)	köbek (5b11)		пупок
	kirpük (50v8)	kirpük (433/16)	kirpük (25b12)		ресницы
kögüs (226/1)	kögüs/köküz/ (208v6) kökrek (147v13)	kök(üs) (102/8)	kögüz (7a9)	kögüs/kögüz (318a7)	грудь
köz (170/4)	köz (61r7)	köz (272/13)	köz (13a13)	köz (649a4)	глаз
	məŋ (76r4)				родинка
	məŋiz (221v21)		məŋiz (13a18)	məŋiz (299a1)	лицо
	mey(i)n (203v8) mini (44v12)				мозг
	oŋurqa (10r2) oŋurtqa (175r4)	oŋurqa (275/9)		oŋurqa (249b1) oğurqa (249b7)	позвоночник
saç (70/5)	saç (81r12)	saç (333/1)	saç (3b16)	saç (135a12)	волосы
saqal (144/7)	saqal (248r16)	saqal (65/13)	saqal (3b16)	saqal (50a13)	борода
	siŋir (6v20)			siŋir (6b2)	нерв
	taban (220r14)				пятка
tamaq (177/4)			tamaq (16a12)		нёбо

ME	KE	NF	MM	TKT	Значения
tamar (130/8)	tamar (128v19) tamur (6v20)	tamar (34/13)		tamar (206a6)	вена
		taz (399/5)			лысый
	təpə (69v4)	tepe (130/11) töpe (155/3)			темя
ter (182/2)		ter (52/15)			пот
teri (157/7)	teri (47r1)	teri (66/9)		deri (58b6) tiri (59a4)	кожа
tırnaq (5/7)					ноготь
til (33/6)	til (53r9)	til (386/17)	til (2b9)	til (134b10)	язык
	tirsek (30v20)	tirsek (136/12)	tirsek (5b13)		локоть
tiş (68/5)	tiş (7r12)	tiş (12/16)	tiş (3b12)		зуб
tiz (91/2)	tiz (17v3)	tiz (79/7)	tiz (5b18)	tiz (54a11)	колени
	topuq (140r20)		topuq (5b14)		лодыжка
tü (134/4) tük (167/5)	tü (55r3) tüy (67v13) tük (55v15) tüs (55r4)	tük (65/13)	tük (16a10)		волос
tüwkürük (174/8)	tüwlük (133v5)	tüwkürük (44/10) yar (90/5)			плевок
	uça (119v12)			uça (152b9)	спина
	uyluq (61v18)				ляжка
	yağ(1)r (189r16)	yağ(1)r (33/11)			плечо
yal (134/4)					волос
yanaq (182/2) yañaq (95/1)	yañaq (12v18) əñ (75r17)				щека
yar (165/7)	yar (226v16)	yar (90/5)		yar (135a6)	слюна
yaş (163/2)	yaş (75r20)	yaş (21/8)	yaş(3b11)		слеза
yilik (182/3)	yilik (165r12)	yilik (65/17)			костный мозг
	yin (83r15)				тело
yinçük (149/4)	yinçük (74r7)	yinçük (123/4)		yünçük (266a4)	голень
	yürək (36v6)	yürək (102/8)	yürək (21b6)	yürək (36b3)	сердце
yüz (13/7)	yüz (2v20)	yüz (241/7)	yüz (5b13)	yüz (21a3)	лицо

Как известно, носители любого языка в первобытном человеческом мышлении для описания окружающего их мира использовали наиболее простые слова, и эти слова стали фундаментом, базовыми лексемами того или иного языка. В любом языке эти лексические единицы являются базовыми, и соматизмы относятся к этой категории. Названия органов и частей тела являются лингвокультурным наследием, они играют важную роль в определении архетипов. Поскольку базовые слова составляют основу языка, они не так-то легко вытесняются заимствованиями. Большинство соматизмов в тюркских языках, за редким исклю-

чением, имеют общетюркское происхождение и употребляются со времен древнетюркского языка до современности. Хотя в средние века под влиянием персидской литературы и исламской религии некоторые названия органов и частей человеческого тела арабского и персидского происхождения проникли в тюркские языки (например, *dehan* ‘рот’, *qadım* ‘нога’, *sar* ‘голова’, *zaban* ‘язык’, *eyn*, *çeşm* ‘глаз’, *qalb* ‘сердце’, *dandan* ‘зуб’, *dast* ‘рука’, *çöhrə* ‘лицо’, *ləb* ‘губа’ и др.), многие из них не стали частью общеупотребительного фонда.

Другой интересный аспект в употреблении названий органов и частей тела человека тюркского происхождения заключается в том, что многие из этих древних лексических единиц содержат в своей семантике еще и семантический компонент «направление, линии движения, стороны». Например, *burun* ‘вперед’ (*burun keç-* [ТКТ 2020: 149/b9] ‘пройти вперед’), *baş* ‘верх’ [Боровков 1963: 93], *yañaq* ‘сбоку’ [DLT(R) 2006: I:427], *ayak* ‘низ, конец’ [Боровков 1961: 64], *ağız* ‘вход’ [НАТС 2012: 30], *alın* ‘вперед’ [КЕ 1997: 223г15], *təpə/tüpe* ‘верх, вершина’ [НАТС 2012: 583], *ard* ‘позади’ [Боровков 1963: 56] и т. д.

Углубленное изучение каждого слова, входящего в лексикон языка, дает возможность заглянуть в его древние пласты. Конечно же, встречаются и архаичные лексемы, которые особенно интересны при изучении тюркских языков. Кроме того, исследования и анализ письменных текстов дают информацию о разных тюркских племенных языках. Например, синонимические единицы, относящиеся к тем или иным частям тела, или одни и те же слова, встречающиеся в разной фонетической форме, часто являются результатом языковых особенностей разных тюркских племен. Письменные памятники ценны и тем, что они позволяют проследить семантическую хронологию и фонетический строй многих лексических единиц с древнейших времен и до наших дней.

Источники и сокращения

- ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. *Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М.* – Ленинград: Наука, 1969. – 678 с. [Ancient Turkic dictionary / Ed. by *V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak.* – Leningrad: Nauka, 1969. – 678 p.]
- АН – *Arat R.R.* Edib Ahmed b. Mahmud Yükneki. Atebetü'l-Hakayık. [*Arat P.P.* Эдиб Ахмед б. Махмуд Юкнеки. Атебет-уль-Хакаик.] – 2. Baskı. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992. – 164+LXXXI+CLXXIII s. {*R.R. Arat.* Edib Ahmed b. Mahmud Yukneki. Atebetü'l-Hakayık. – 2nd edition. – Ankara: Turkish Historical Society Press, 1992. – 164 +LXXXI+CLXXIII p.}
- DLT (B) – *Divanü Lugat-it-türk tercümesi. I / Çeviren: Besim Atalay.* [Перевод Дивана Люгат-ат-тюрк. I / Пер. Бесим Аталай.] – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1985. – 530 s. {Translation of *Divanü Lugat-it-türk. I / Translated by Besim Atalay.* – Ankara: Turkish Historical Society Press, 1985. – 530 p.}
- DLT (D) – *Mahmûd el-Kâşgarî. Dîvânü Lugâti't-Türk.* Robert Dankoff ve James Kelly'nin katkılarıyla yaptıği çeviri ve notları temel alarak. Türkçe çeviri ve düzenleme Serap Tuğba Yurtsever & Seçkin Erdi. [*Махмуд Кашгарский. Диван Люгат-ат-Тюрк. На основе перевода и примечаний с добавлениями Роберта Данкова и Джеймса Келли. Турецкий перевод и редакция: Серап Туба Юртсевер и Сечкин Эрди.*] – İstanbul: Kabalcı Yayınevi, 2007. – 726 s. {*Mahmud al-Kashgari. Dîvânü Lugâti't-Türk.* Based on translation and notes with contributions and based on notes from Robert Dankoff & James Kelly. Turkish translation and editing by Serap Tuğba Yurtsever & Seçkin Erdi. – İstanbul: Kabalcı Publishing house, 2007. – 726 p.}
- DLT (R) – *Mahmud Kaşgari. Divanü Lügat-it-Türk / Tercümə edən və nəşrə hazırlayan: Ramiz Əskər.* [Диван Люгат-ат-Тюрк Махмуда Кашгарского / Перевод и подготовка издания: Рамиз Аскер.] – Bakı: Ozan, 2006. – IV cildə: I cild. – 514 s.; II cild – 402 s.; III cild – 402 s.; IV cild – 754 s.

- {*Mahmud Kashgari*. Divan Lüğat-it-Türk / Translated and prepared for publication: Ramiz Asker. – Baku: Ozan, 2006. – In 4 vols.: Vol. I – 514 p.; Vol. II – 402 p.; Vol. III – 402 p.; Vol. IV – 754 p.}
- KE – *Ata A. Nâsirü'd-dîn bin Burhânü'd-dîn Rabġûzi. Kıřařu'1-Enbiyâ. (Peygamber Kıřsalari)*. I. cilt. Giriř-metin-tıpkıbasım. [*A. Ama*. Насыр-уд-Дин бин Бурхан-уд-Дин Рабгузи. Кысас-уль-Анбийа. (Кысса/сказания о Пророках). Том I. Вступление-текст-факсимиле.] – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1997. – 616 s. {*A. Ata*. Nâsirü'd-dîn bin Burhânü'd-dîn Rabġûzi. Kıřařu'1-Anbiyâ. (The Prophet's Stories). Vol. 1. Introduction-text-facsimile. – Ankara: Turkish Language Association Publications, 1997. – 616 p.}
- KTL – *Karřılařtırmalı türk lehçeleri sözlüġü. (Kılavuz kitap)*. [Сравнительный словарь тюркских диалектов. (Руководство-путеводитель).] – Ankara: Kültür Bakanlığı, 1991. – 1014 s. {Comparative dictionary of Turkish dialects. (A Guidebook). – Ankara: Ministry of Culture, 1991. – 1014 p.}
- ME – *Yuçe N. Ebu'1-Kâsım Cârullâh Maġmüd bin Omar bin Muġammed bin Aġmed ez(-)Zamaġřari el-Ĥvârizmi, Mukaddimetü'1-Edeb. Ĥvârizm Türkçesi ile Tercümeli řuřter Nushası. Giriř, dil özellikleri, metin, indeks.* [*Юдже Н. Абулькасим Джаруллах Махмуд бин Омар бин Мухаммад бин Ахмад аз-Замахшари аль-Хорезми, Макаддимату-ль-Адаб. Копия из Шуштера с переводом на хорезмийский тюркский. Введение, особенности текста, текст, указатель.*] – 2. baskı. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1993. – 230 s. {*N. Yuçe*. Ebu'1-Kâsım Cârullâh Maġmüd bin Omar bin Muhammed bin Ahmed ez-Zamaġřari al-Ĥvârizmi Mukaddimetü'1-Edeb. Shushter copy with translation in Khorezmian Turkic. Introduction, language features, text, index. – 2nd edition. – Ankara: Turkish Language Institution Publications, 1993. – 230 p.}
- MM – *Karamanlioġlu A.F. řeyġ řeref Ĥvâce Mu'înü'1-Mürîd (Transkripsiyonlu metin. Dizin-tıpkıbasım)*. [*Караманоглу А.Ф. Шейх Шараф Ходжа Му'ин-уль-Мюрид (Транскрибированный текст. Указатель-факсимиле)*.] – İstanbul: Beřir Yayınevi, 2006. {*A.F. Karamanlioġlu*. Sheyġ Şeref Ĥvâce Mu'înü'1-Mürîd (Transcription text. Index-facsimile). – İstanbul: Beřir Publishing House, 2006.}
- NF – *Mahmut b. Ali. Nehcü'1-Ferâdis. Uřmaġlarınġ açuġ(аçuġ) yolu (Cennetlerin Açık Yolu) / Tıpkıbasım ve çeviri yazısı: János Eckmann. Yayınlayanlar: Semih Tezcan-Hamza Zülfikar. Dizin-sözlük: Aysu Ata.* [*Махмут б. Али. Нахдж-уль-Фарадис. Открытый путь в Высший мир / Факсимиле и текст перевода: Янош Экман. Издатели: Семих Тезджан-Хамза Зюльфикар. Индекс/указатель-словарь: Айсу Ата.*] – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2014. – 500+504 s. {*Mahmut b. Ali*. Nehcü'1-Ferâdis. Uřmaġlarınġ Açuġ(Аçuġ) yolu (Open Path to Heavens) / Facsimile and translation by János Eckman. Publishers: Semih Tezcan-Hamza Zülfikar. Index-dictionary: Aysu Ata. – Ankara: Turkish Language Association Publications, 2014. – 500+504 p.}
- TKT – *Maveraünnehir Harezmi Horasan satır arası 1000 yıllık Türkçe Kur'an tercümesi. Tıpkıbasım / Hazırlayan: Emek Üřenmez. [Перевод-подстрочник тысячелетнего тюркского Корана (Мавераннахр-Хорезм-Хорасан). Факсимиле / Подготовил к изданию: Эмек Ушенmez.]* – İstanbul: Akademik Kitaplar, 2020. – 28+714 s. {Transoxiana Khwarezm Khorasan interlinear translation of the 1000-year-old Turkic Kur'an. Facsimile / Prepared by Emek Üřenmez. – İstanbul: Academic Books, 2020. – 28+714 p.}

Литература

- Базарова 1967 – *Базарова Д.Х.* Семантика наименований частей тела и производных от них в тюркских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1967. – 27 с. {*D.Kh. Bazarova*. Semantics of the names of body parts and their derivatives in the Turkic languages: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent, 1967. – 27 p.}
- Баскаков 2008 – *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. Языки народов мира. – М.: ЛКИ, 2008. – 248 с. {*N.A. Baskakov*. Turkic languages. Languages of the peoples of the world. – Moscow: LKI, 2008. – 248 p.}
- Боровков 1961 – *Боровков А.К.* «Бада'и' ал-лугат» словарь Тали Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. – 268+180 с. {*Borovkov A.K.* “Bada'i' al-lugat” dictionary of Tali Imani of Herat to the writings of Alisher Navoi. – Moscow: Eastern Literature Publishing House, 1961. – 268+180 p.}
- Боровков 1963 – *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тefsира XII–XIII вв. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 366 с. {*A.K. Borovkov*. Vocabulary of the Central Asian tefsir of the 12th–13th centuries. – Moscow: Eastern Literature Publishing House, 1963. – 366 p.}

- Дыбо 1996 – *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в Алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – 390 с. {*A.V. Dybo. Semantic reconstruction in Altaic etymology. Somatic terms (shoulder girdle).* – Moscow: Institute of Linguistics RAS, 1996. – 390 p.}
- Жуманиезов 1989 – *Жуманиезов Р.* Эски ўзбек ёзуви. [Староузбекская письменность.] – Тошкент: Ўқитувчи, 1989. – 278+156 с. {*R. Jumaniyozov. Old Yzbek script.* – Tashkent: Oqituvchi, 1989. – 278+156 p.}
- Наджип 1961 – *Наджип Э.Н.* Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование. – М.: Издательство восточной литературы. – 224+52 с. {*E.N. Nadzhip. Khwarizmi. Muhabbat-name. Text edition, transcription, translation and research.* – Moscow: Eastern Literature Publishing House. – 224+52 s.}
- Наджип 1989 – *Наджип Э.Н.* Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. – М.: Наука, 1989. – 284 с. {*E.N. Nadzhip. Studies on the history of the Turkic languages of the 11th–14th centuries.* – Moscow: Nauka, 1989. – 284 p.}
- Самойлович 2005 – *Самойлович А.Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М.: Восточная литература РАН, 2005. – 912 с. {*A.N. Samoylovich. Turkic linguistics. Philology. The Runic Scripture.* – Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences, 2005. – 912 p.}
- Севортыан 1980 – *Севортыан Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. – III. – Москва: Наука, 1980. – 392 с. {*E.V. Sevortyan. Etymological dictionary of Turkic languages.* – 3. – Moscow: Nauka, 1980. – 392 p.}
- Фазылов 1974 – *Фазылов Э.И.* Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. – Ташкент: ФАН, 1971. – 778 с. {*E.I. Fazylov. Old Uzbek language. Khorezmian monuments of the 14th century.* – Tashkent: FAN, 1971. – 778 p.}
- Фазылов 1996 – *Фазылов Э.И.* Хорезмско-тюркский язык // Языки мира. Тюркские языки. – Москва, 1996. – С. 139–148. {*E.I. Fazylov. Khorezm-Turkic language // Languages of the world. Turkic languages.* – Moscow, 1996. – PP. 139–148.}
- Щербак 1962 – *Щербак А.М.* Грамматика староузбекского языка. – Москва–Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1962. – 274 с. {*A.M. Shcherbak. Grammar of Old Uzbek language.* – Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. – 274 p.}
- Arat 1992 – *Arat R.* Edib Ahmed b. Mahmud Yükneki Atebetü'l-Hakayık. [*Арат Р.* Эдиб Ахмед б. Махмуд Юкнеки: Атабат-уль-Хакаиқ.] – 2. baskı. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992. – 163+LXXXI s. {*R. Arat. Edib Ahmed b. Mahmud Yukneki Atebetü'l-Hakayık.* – 2nd edition. – Ankara: Turkish Historical Society Press, 1992. – 163+LXXXI p.}
- Argunşah 2020 – *Argunşah M.* Harezmi ve Kıpçak Türkçesi. Türkoloji el kitabı. [Хорезмский и кыпчакский тюркские языки. Тюркологический справочник-руководство.] – Ankara: Yunus Emre Enstitüsü, 2020. – S. 54–69. {*M. Argunşah. Khorezmian and Kipchak Turkic languages. Turkology handbook.* – Ankara: Yunus Emre Institute, 2020. – PP. 54–69.}
- Banarlı 1983 – *Banarlı N.S.* Resimli Türk edebiyatı tarihi. I. – İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1983. – 640 s. {*Banarlı N.S. The History of Illustrated Turkish Literature. I.* – İstanbul: National Education Press, 1983. – 640 p.}
- Cihan 2021 – *Cihan S.* Mukaddimetü'l-edebe (Yozgat nüshası). Giriş, metin, notlar, sözlük-dizin: doktora tezi. [*Джихан С.* Мукаддимат-уль-адаб (Йозгатская копия). Введение, текст, пометы, словарь-указатель: дисс. докт. наук.] – Ankara: Hacettepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2021. – 620 s. {*S. Cihan. Mukaddimetü'l-edebe (Yozgat copy). Introduction, text, notes, dictionary-index: Ph.D. thesis.* – Ankara: Hacettepe University Institute of Social Sciences, 2021. – 620 p.}
- Deny 1941 – *Deny J.* Türk dili grameri (Osmanlı lehçesi) / Tercüme: Ali Ulvi Elöve. [*Дени Ж.* Грамматика турецкого языка (османский диалект) / Перевод: Али Ульви Элёве.] – İstanbul: Maarif, 1941. – XXII+XIX+1142+XLVI+A-G s. {*J. Deny. Turkish grammar (Ottoman dialect) / Translated by Ali Ulvi Elöve.* – İstanbul: Maarif, 1941. – XXII+XIX+1142+XLVI+A-G p.}
- Əlizadə 1993 – *Əlizadə S.* Əski Azərbaycan yazısı. [*Ализадэ С.* Старая азербайджанская письменность.] – Bakı: Bakı Universiteti, 1993. – 142 s. {*S. Alizadeh. Old Azerbaijani script.* – Bakı: Baku University, 1993. – 142 p.}
- Ercilasun 2004 – *Ercilasun A.B.* Başlangıçtan yirminci yüzyıla Türk dili tarihi. [*Эрджиласун А.Б.* История турецкого языка от истоков до двадцатого века.] – Ankara: Akçağ, 2004. – 486 s. {*Ercilasun*

- A.B.* History of the Turkish language from the beginning to the twentieth century. – Ankara: Akçağ, 2004. – 486 p.}
- Насиеминоğlu 2000 – *Насиеминоğlu M.N.* Kutb'un Husrev ü Şirin'i ve dil hususiyetleri. [*Хаджиэминоглу М.Н.* Хосров и Ширин Кутба и особенности языка.] – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basım Evi, 2000. – 476 s. {*M.N. Hacıeminoglu.* Kutb's Khosrow and Shirin and language features. – Ankara: Turkish Historical Society Printing House, 2000. – 476 p.}
- Насиева 1989 – *Насиева Z.* Əski əlifba. [*З. Хаджиева.* Старый алфавит.] – Bakı: Elm, 1989. – 80 s. {*Z. Khadzhiyeva.* The Old alphabet. – Baku: Elm, 1989. – 80 p.}
- Казимов 2014 – *Казимов İ.* Mahmud Kaşğari “Dîvan”ı və çağdaş türk dilləri. [*Казимов И.* «Диван» Махмуда Кашгарского и современные тюркские языки.] – Bakı: Elm və təhsil, 2014. – 222 s. {*I. Kazimov.* Mahmud Kashgari “Dîvan” and contemporary Turkic languages. – Baku: Science and Education, 2014. – 222 p.}
- Şimşek 2019 – *Şimşek Y.* Harezmi Türkçesi Kur'an Tercümesi. (Meşhed Nüshası [No. 293]). I Cilt: Giriş-metin-dizin. [*Шимшек Й.* Перевод Хорезмского Тюркского Корана. (Мешхедская копия [No. 293]). Том I: Введение-текст-указатель.] – Ankara: Akçağ, 2019. – 410 s. {*Y. Shimshek.* Khwarezm Turkic Koran Translation. (Mashhad Copy [No. 293]). Vol. 1: Introduction-text-index. – Ankara: Akçağ, 2019. – 410 p.}
- Timurtaş 1993. – *Timurtaş F.K.* Osmanlı türkçesinde giriş. Eski yazı – gramer – aruz – metinler. [*Ф.К. Тимурташ.* Введение в османско-турецкий язык. Старая письменность – грамматика – просодия – тексты.] – II. baskı. – İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1993. – 232+176 s. {*F.K. Timurtaş.* Introduction to Ottoman Turkish. Ancient script – grammar – prosody – texts. – 2nd edition. – Istanbul: Faculty of Literature publications of the Istanbul University, 1993. – 232+176 p.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2022. № 3–4 (36–37), pp. 48–57. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 81-06

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-4

СПОСОБЫ УКАЗАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ОТНОСИТЕЛЬНО ОРИЕНТИРОВ РАЗНОГО ТИПА В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

*Елена Марковна Напольнова*¹

¹ Институт стран Азии и Африки, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
доктор филологических наук, старший преподаватель
Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН, г. Москва,
Россия, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-6767-0138
Scopus ID: 57193853778
E-mail: elenapolnova142@mail.ru

© ИЯз РАН, 2022

© Напольнова Е.М., 2022

Аннотация: Единообразная для носителей общего языка пространственная ориентация является одним из условий адекватной коммуникации, и способы вербализации пространственных отношений в разных языках на протяжении длительного времени являются предметом исследования. С целью определения особенностей стратегии указания на положение объекта-человека относительно разных типов ориентиров в турецком языке было проведено анкетирование 20 носителей турецкого языка с использованием схематических изображений и фотографий реальных лиц и реальных ситуаций. В целом в отношении разных типов ориентиров может использоваться как дейктическая, так и недейктическая стратегии. В отношении ориентира-человека наблюдаются существенные расхождения между молодыми людьми и респондентами старшего возраста. В отношении крупных самодвижущихся автоориентированных ориентиров (автомобиль) более приоритетна недейктическая стратегия, в отношении неподвижных неавтоориентированных ориентиров-артефактов и натурфактов (стол, дерево), а также неподвижных автоориентированных ориентиров-артефактов (ворота) – дейктическая. В целом для языкового сознания носителей турецкого языка более важной является фронтальная ось и положение объекта между наблюдателем и ориентиром или позади ориентира. Противопоставление слева-справа обычно оказывается не столь важным. Наблюдается большее предпочтение недейктической стратегии молодыми людьми и дейктической – респондентами старшего возраста.

Ключевые слова: турецкий язык, вербализация пространственных отношений, языковые средства пространственной ориентации.

Для цитирования: *Напольнова Е.М.* Способы указания положения человека относительно ориентиров разного типа в турецком языке // *Российская тюркология*. 2022. № 3–4 (36–37). С. 48–57. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-4.

This is an open access article under the CC BY license

Ways of indication of the position of a person relative to various reference point types in the Turkish language

*Elena M. Napolnova*¹

¹ Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Dr. Habil. in Philology, Senior Lecturer
Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, Senior Researcher
ORCID: 0000-0001-6767-0138
Scopus ID: 57193853778
E-mail: elenapolnova142@mail.ru

© IL RAS, 2022

© Napolnova E.M., 2022

Abstract: Spatial orientation, uniform for speakers of a common language, is one of the conditions for adequate communication, and ways of verbalizing spatial relations in different languages have been the subject of research for a long time. In order to determine the peculiarities of the strategy of indicating the position of a human object relative to different types of reference points in the Turkish language, a survey of 20 Turkish speakers was conducted using schematic images and photographs of real faces and real situations. In general, both deictic and non-deictic strategies can be used for different types of reference points. With regard to a person reference point, significant differences were observed between young people and older respondents. In relation to large self-moving self-oriented reference points (car), the non-deictic strategy is prioritized, whereas in relation to immovable non-auto-oriented reference point artifacts and natural items (table, tree), as well as fixed auto-oriented reference point artifacts (gates) the deictic strategy was preferred instead of aforesaid non-deictic one. In general, for the linguistic consciousness of Turkish speakers, the *frontal axis* and the position of the object *between* the observer and the reference point or *behind* the reference point are more important. The contradistinction between *left and right* is usually not as important. A greater preference is observed for the non-deictic strategy among young people and the deictic strategy among our older respondents.

Key words: Turkish language, verbalization of spatial relations, linguistic means of spatial orientation.

For citation: Napolnova, E.M. 2022, Ways of indication of the position of a person relative to various reference point types in the Turkish language, *Russian Turkology*, 3-4 (36–37), pp. 48–57. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-4.

Введение

Одной из отличительных черт современной парадигмы лингвистики является антропоцентризм – ориентация на изучение роли человеческого фактора в языке и языка как фактора, конституирующего человека, а также формулирование нового объекта исследования – языковой личности [Костомаров 2014: 199]. В ходе многочисленных исследований в этом направлении доказан эгоцентрический характер речевой и мыслительной деятельности, в основе чего лежат восприятие и интерпретация личностью окружающей действительности, включая физическое, социальное, умозрительное и ментальное пространство. Внешнее физическое пространство характеризуется как «вещное» [Яковлева 1994: 39]: «⟨...⟩ вещи не только конституируют пространство через задание его границ, ⟨...⟩ но и органи-

зуют его структурно» [Топоров 1983: 239]. Единообразная для носителей общего языка пространственная ориентация является одним из условий адекватной коммуникации, и способы вербализации пространственных отношений в разных языках являлись предметом исследования на протяжении длительного времени. Эти проблемы в целом относятся к сфере теории лингвистической относительности, впервые сформулированной Б. Уорфом [Уорф 1960] под влиянием идей Э. Сепира [Сепир 1993]. Системное изучение такого рода межъязыковых и межкультурных различий признается особенно важным с когнитивной точки зрения и привлекает внимание как российских, так и западных ученых. Что касается более узкого направления – способов пространственной ориентации на материале языков разных групп, то этому посвящены труды исследовательской группы по когнитивной антропологии Института психолингвистики Макса Планка, Нидерланды (Cognitive Anthropology Research Group of the Max Planck Institute for Psycholinguistics), возглавляемой С. Левинсоном [Levinson 2003 и др.]. С. Левинсон выделяет три стратегии пространственной ориентации – внутреннюю (intrinsic), относительную (relative) и абсолютную (absolute).

В рамках относительной системы ориентации для указания на положение объекта относительно ориентира могут использоваться две различные стратегии понимания – дейктическая и недейктическая, которым соответствуют два типа ориентации – относительная и абсолютная: при относительной ориентации «в число непосредственных участников описываемой ситуации говорящий мысленно вводит некоего неназываемого наблюдателя (...) в данном случае ключевой фигурой является именно наблюдатель, а не сам говорящий (...) Абсолютная ориентация предполагает, что непосредственное участие в ситуации, описываемой пространственным словом, принимают лишь два участника – ориентируемый предмет А и предмет В, который служит ориентиром» [Апресян 1995: 633–634]. Из объектов, расположенных на одной горизонтальной оси, в качестве ориентира выбирается больший, однако в случае с человеком также возможна ориентация по нему даже в случае, если ориентируемый объект значительно превосходит человека по размеру [Кравченко 1992: 71].

У ориентиров разного типа выделяются вертикальные зоны – верхняя и нижняя, исходя из положения по отношению к поверхности земли, а у автоориентированных ориентиров, кроме того, — фронтальные и латеральные зоны. «Обычно выделяют три вида маркированности передней стороны у таких объектов: а) сторона, через которую осуществляется нормальное использование объекта (например, телевизора), б) часть объекта, которая при нормальном перемещении первой достигает пункта назначения (например, велосипед), в) часть объекта, где в норме происходит действие, для которого объект предназначен (например, зрительный зал)» [Кравченко 1992: 72]. В отношении неавтоориентированных объектов, какими обычно являются естественные объекты – гора, дерево и др., «фразы типа передняя часть дерева или задняя часть горы вне конкретной ситуации не имеют смысла, так как асимметрия натурфактов определяется их относительной ориентацией, учитывающей местоположение наблюдателя» [Кравченко 1992: 71]. Что касается способности объектов самостоятельно осуществлять пространственное перемещение, то она признается одним из важнейших факторов с когнитивной точки зрения и находит отражение в разных языках [Кравченко 1992: 52],

а для турецкого динамичность и направленность пространственного перемещения, в противоположность статичности, при характеристике объектов и явлений окружающего мира играют особую роль и прослеживаются в семантике большого количества лексем [Напольнова 2022: 30].

Цели и методы исследования

С целью определения приоритетности стратегии указания на положение объекта-человека относительно разных типов ориентиров в турецком языке нами было проведено анкетирование носителей турецкого языка с использованием схематических изображений и фотографий реальных лиц и реальных ситуаций (в тексте статьи по этическим причинам фотографии схематизированы). Из 20 респондентов 11 чел. были старше 40 лет, 9 чел. – 25–35 лет. Среди респондентов не было билингов, хотя большинство в той или иной степени владели английским и другими иностранными языками. Участникам предлагалось выбрать один или более вариантов высказываний, описывающих изображенную ситуацию, а также, при желании, дописать подходящее, по их мнению, высказывание. Среди предлагаемых респондентам вариантов ответов везде предлагались ответы со словом *yanında* ‘у, непосредственно рядом с’.

Результаты эксперимента и их оценка

1. Позиция лица относительно ориентира-лица (1 рис.).

1		A находится слева от B (<i>solunda</i>)	6/11	4/9
		A находится справа от B (<i>sağında</i>)	4/11	5/9

На правильность именно дейктической стратегии ориентирования в отношении лиц ранее наше внимание обращала носитель с максимально высокой языковой компетенцией (профессиональный переводчик, 62 года), не участвовавшая в анкетировании.

6/11 респондентов старшего возраста указали, что лицо А находится слева от лица В, что соответствует дейктической стратегии наблюдателя. При этом четыре респондента из их числа сделали замечания, показавшие возможность недейктической стратегии: *Baktığın tarafa göre solunda, ama gerçekte sağında* ‘С той стороны, как ты смотришь, слева, но в действительности справа’, *Resme göre mi gerçekte mi?* ‘В соответствии с рисунком или в действительности?’ Такого рода замечания можно связать с отсутствием в турецком языке устойчивых выражений, эквивалентных русск. *по левую/правую руку от*, англ. *on the left/right hand of*, позволяющих указать тип стратегии, выбранной говорящим. Среди респондентов младшего возраста 4/9 человека придерживались дейктической стратегии.

Из лиц старшего возраста 4/11 респондента указали, что лицо А находится справа от лица В, что соответствует недейктической стратегии. Один респондент (67 лет, не владеет иностранными языками, среднее образование), придерживаясь недейктической стратегии, специально подчеркнул, что *Her insanın bir sağı*

bir solu var ‘У каждого человека есть только одно «право» и одно «лево»’. Из лиц младшего возраста недейктической стратегии придерживались 5/9 чел.

Выводы: хотя в целом при характеристике относительного положения лиц молодые люди, вероятно, более склонны придерживаться недейктической стратегии, а старшие респонденты – дейктической, большинство респондентов старшего возраста, даже выбирая дейктическую стратегию, колеблется в выборе или признает возможность недейктической стратегии.

2. Позиция лица относительно автоориентированного ориентира, способного самостоятельно перемещаться (автомобиль, 6 рис.). Хотя рис. 2 и 5, 3 и 6 отличаются только ракурсами, некоторые респонденты дали разные ответы.

2		Человек стоит у машины (<i>yanında</i>)	7/11	7/9
		Человек стоит слева от машины (<i>solunda</i>)	6/11	1/9
		Человек стоит перед машиной (<i>önünde</i>)	2/11	2/9
3		Человек стоит у машины (<i>yanında</i>)	3/11	1/9
		Человек стоит позади машины (<i>arkasında</i>)	8/11	9/9
		Человек стоит перед машиной (<i>önünde</i>)	–	–
4		Человек стоит у машины (<i>yanında</i>)	2/11	2/9
		Человек стоит справа от машины (<i>sağında</i>)	–	1/9
		Человек стоит перед машиной (<i>önünde</i>)	9/11	7/9
		<i>Adam, arabanın sağ önünde duruyor</i> ‘Человек стоит у «правого переда» машины’	1/11	
5		Человек стоит у машины (<i>yanında</i>)	10/11	6/9
		Человек стоит справа от машины (<i>sağında</i>)	6/11	2/9
		Человек стоит перед машиной (<i>önünde</i>)	1/11	3/9
6		Человек стоит у машины (<i>yanında</i>)	1/11	1/9
		Человек стоит позади машины (<i>arkasında</i>)	10/11	7/9
		Человек стоит слева от машины (<i>solunda</i>)	–	3/9
		<i>Adam, arabanın sol arkasında duruyor</i> ‘Человек стоит у «левого зада машины»’	1/11	
7		Человек стоит у машины (<i>yanında</i>)	5/11	4/9
		Человек стоит слева от машины (<i>solunda</i>)	3/11	–
		Человек стоит позади машины (<i>arkasında</i>)	5/11	5/9
		<i>Adam arabanın diğer yanında duruyor</i> ‘Человек стоит у другого бока машины’	1/11	

В целом в этом случае наиболее распространена недейктическая стратегия – исходя из направления перемещения автомобиля. Вместе с тем отдельные ответы респондентов показывают, что в целом возможна дейктическая стратегия.

Дейктическая стратегия оказалась неприемлемой только в положении «наблюдатель – лицо – задняя часть машины» (рис. 3).

Характеристика положений, изображенных на рис. 6 и 7, ввиду очевидной противопоставленности двух стратегий вызвала у респондентов наибольшие сомнения: 3/11 в старшей группе и 1/9 в младшей группе выбрали вариант «позади» для обоих рисунков. 1/11 в старшей группе дописал для рис. 7 выражение: *Arabanın diğer tarafında duruyor* ‘Стоит по другую сторону машины’.

В целом, никто из респондентов последовательно не придерживался дейктической стратегии. Из старшей группы 6/11 придерживались недейктической стратегии, среди них: некоторые, затрудняясь, выбирали «нейтральный» ответ *yanında* ‘у’; 3/11 придерживались недейктической стратегии также и в отношении двух лиц (рис. 1), 1/11 отметил возможность различных стратегий в отношении двух лиц, 2/11 придерживались недейктической стратегии в отношении машины и человека, но дейктической в отношении двух лиц. В ответах 5/11 в старшей группе и 9/9 в младшей группе смешаны две стратегии относительно ориентира-автомобиля.

1/11 респондент из старшей группы создал отмеченные в таблице «гибридные» выражения, с правомочностью которых вряд ли можно согласиться.

Выводы: при характеристике положения лица относительно подвижного авториентированного ориентира в старшей группе более последовательно представлена недейктическая стратегия, респонденты младшего возраста непоследовательны в выборе стратегии.

3. Позиция лица относительно искусственного неавториентированного объекта (артефакта), имеющего выраженные стороны (стол, 3 рис.).

8		Человек стоит позади стола (<i>arkasında</i>)	11/11	9/9
		Человек стоит перед столом (<i>önünde</i>)	–	–
		Человек стоит у стола (<i>yanında</i>)	–	–
9		Человек стоит перед столом (<i>önünde</i>)	11/11	9/9
		Человек стоит у стола (<i>yanında</i>)	–	–
10		Женщина стоит слева от стола (<i>solunda</i>)	7/11	7/9
		Мужчина стоит справа от стола (<i>sağında</i>)	7/11	7/9
		Мужчина и женщина стоят перед столом (<i>önünde</i>)	1/11	–

В этом случае последовательно прослеживается дейктическая стратегия:

– в положении «наблюдатель-стол-лицо» (рис. 8) респонденты выбирают выражения «человек стоит позади стола», а в случае «наблюдатель-лицо-стол» (рис. 9) – выражение «человек стоит перед столом»;

– позиция женщины характеризуется как «слева от стола» (рис. 10), позиция мужчины – «справа от стола»; 1/11 респондент из старшей группы использовал

недейктическую стратегию: *Kadın ve erkek masanın önünde duruyorlar* 'Женщина и мужчина стоят перед столом'.

Несмотря на то, что в данном случае респондентам не был предложен вариант *yanında* 'у', ряд из них дописали следующие выражения: *Kadın ve erkek masanın yanlarında duruyorlar* 'Женщина и мужчина стоят по бокам стола' (хотя для *yan* не характерно использование с показателем множественного числа), *Kadın ve erkek, masanın her iki tarafında duruyor* 'Женщина и мужчина стоят с обеих сторон стола', *Kadın ile erkek, masanın iki ayrı yanında duruyorlar* 'Женщина и мужчина стоят с двух разных боков стола', *İki yanında* 'С двух боков', *Kadın ile erkek masada karşılıklı duruyorlar* 'Женщина и мужчина стоят у стола друг напротив друга', *Masanın iki ucunda kadın ile erkek duruyorlar* 'У двух концов стола стоят мужчина и женщина'.

1/9 респондент из младшей группы дописал выражение, соответствующее недейктической стратегии с ориентиром-человеком: *Kadının önünde masa var* 'Перед женщиной стол'.

4. Позиция лица относительно естественного объекта, не имеющего выраженных сторон (дерево, 3 рис.).

11		Человек стоит перед деревом (<i>önünde</i>)	10/11	9/9
		Человек стоит у дерева (<i>yanında</i>)	1/11	
12		Кто-то стоит позади дерева (<i>arkasında</i>)	11/11	9/9
		Кто-то стоит у дерева (<i>yanında</i>)	–	–
13		Девочка стоит у дерева (<i>yanında</i>)	5/11	9/9
		Девочка стоит справа от дерева (<i>sağında</i>)	1/11	1/9
		Девочка стоит перед деревом (<i>önünde</i>)	–	–

В положениях «наблюдатель-лицо-дерево» (рис. 11) и «наблюдатель-дерево-лицо» (рис. 12) все респонденты придерживались дейктической стратегии: «мужчина стоит перед деревом» и «кто-то стоит позади дерева».

В отношении девочки, стоящей у дерева (рис. 13), 5/11 респондентов старшего возраста и все молодые люди ушли от точного указания положения девочки относительно дерева по латеральной оси, выбрав выражение *yanında* 'у', и только по одному респонденту из каждой группы (1/11 и 1/9) параллельно с этим определили ее положение как «справа от дерева». Все это в корне отличается от способа указания положения мужчины и женщины у стола (рис. 10), в отношении

которых подавляющее число респондентов использовали указание справа-слева. 4/11 респондентов старшей группы дописали выражения, уточняющие позицию девочки: *Kız ağaca sarılmış olarak duruyor* 'Девочка стоит, обняв дерево' и подобные.

5. Позиция лица относительно автоориентированного неподвижного объекта-артефакта (ворота – 2 рис.).

14		Гвардеец стоит слева от ворот (<i>solunda</i>)	7/11	–
		Гвардеец стоит перед воротами (<i>önünde</i>)	2/11	5/9
		Гвардеец стоит у ворот (<i>yanında</i>)	6/11	4/9
15		Человек стоит перед воротами (<i>önünde</i>)	11/11	9/9
		Человек стоит у ворот (<i>yanında</i>)	1/11	–

В отличие от характеристики положения девочки у дерева (рис. 13) и аналогично характеристике положения мужчины и женщины у стола, 7/11 респондентов старшей группы указали, что гвардеец (рис. 14) стоит слева от ворот. Это соответствует дейктической стратегии. 1/11 респондент из старшей группы отметил все три варианта как возможные. Все 9/9 респондентов младшей группы ушли от противопоставления право vs. лево, 4/9 использовали указание *yanında* 'у', а 5/9 отметили, что гвардеец стоит не на одной линии с воротами, а ближе к наблюдателю (наблюдатель-гвардеец-ворота). Возможно, что в последнем случае нашел отражение «функциональный подход», когда человек, который хочет пройти через ворота, сначала встречается с охранником.

В отношении лица на рис. 15 все респонденты указали, что он стоит перед воротами, 1/11 респондент из старшей группы отметил также вариант *yanında* 'у'.

6. Взаимное положение двух неподвижных объектов-артефактов.

16		Химчистка (<i>kuru temizleme</i>) слева от аптеки (<i>eczane</i>) (<i>solunda</i>)	7/11	8/9
		Химчистка у аптеки (<i>yanında</i>)	8/11	2/9
		Химчистка справа от аптеки (<i>sağında</i>)	–	1/9

Ситуация на рис. 16 напрямую не относится к теме настоящего исследования, однако рисунок был включен в анкетирование, так как соответствующая ситуация типична и требует уточнения. 7/11 респондентов старшей группы и 8/9 респондентов младшей группы указали, что химчистка находится слева от аптеки, представив, что наблюдатель смотрит на здания со стороны улицы. 1/9 респондент из младшей группы указал, что химчистка расположена справа от аптеки, то есть, в его представлении, наблюдатель выходит из помещения наружу или находится внутри.

Результаты

1. При ориентации человека для языкового сознания носителей турецкого языка имеет значение тип объекта-ориентира.

2. При ориентации объекта-человека относительно ориентира-человека возможны обе стратегии; также можно предположить постепенный переход от дейктической стратегии, которой придерживаются представители старшего поколения, к недейктической – у молодых людей.

3. В отношении крупных самодвижущихся автоориентированных ориентиров (автомобиль) более приоритетна недейктическая стратегия, при этом в некоторых случаях носители пробуют параллельно применить дейктическую стратегию, что порождает логические ошибки.

4. В отношении неподвижных неавтоориентированных ориентиров-артефактов респонденты выбирают дейктическую стратегию, активно используют указания справа-слева, в большинстве случаев соотносят *yan* 'у' только с двумя боковыми сторонами ориентира, редко – с передней.

5. В отношении неподвижных неавтоориентированных ориентиров-натурфактов респонденты выбирают дейктическую стратегию, но обычно уходят от противопоставления справа-слева, в большинстве случаев соотносят *yan* 'у' только с боковой стороной ориентира, редко – с передней.

6. В отношении неподвижных автоориентированных ориентиров-артефактов (ворота) используется дейктическая стратегия. Достаточно частое использование респондентами определения *önünde* 'перед', возможно, связано с функциональными особенностями ориентира в представленной на фотографии ситуации (движение к воротам и через них).

7. В целом для языкового сознания носителей турецкого языка более важной является фронтальная ось и положение объекта между наблюдателем и ориентиром или позади ориентира. Противопоставление слева-справа обычно оказывается не столь важным.

8. Указание *yanında* 'у' в отношении автоориентированных ориентиров может соотноситься с любой из их сторон, а в отношении неавтоориентированных ориентиров редко соотносится с объектами, находящимися между наблюдателем и ориентиром, и не соотносится с объектами, находящимися позади ориентира.

Литература

- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды в 2 т. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Восточная литература, 1995. – С. 629–649. {*Yu.D. Apresyanyan.* Deixis in vocabulary and grammar, and the naïve model of the world // Selected works: In 2 vols. – Vol. 2: Integral description of the language and systematic lexicography. – Moscow: Vostochnaya literatura, 1995. – PP. 629–649.}
- Костомаров 2014 – *Костомаров П.И.* Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2 (58). – Т. 1. – С. 198–203 {*P.I. Kostomarov* Anthropocentrism as the most important feature of modern linguistics // Bulletin of the Kemerovo State University. – 2014. – No. 2 (58). – Vol. 1. – PP. 198–203.}
- Кравченко 1992 – *Кравченко А.В.* Вопросы теории указательности: эгоцентричность, дейктичность, индексальность. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – 210 с. {*A.V. Kravchenko.* Problems of the theory of pointing: egocentricity, deicticity, indexicality. – Irkutsk: Publishing house of Irkutsk University, 1992.}
- Напольнова 2022 – *Напольнова Е.М.* Пространственные и временные отношения в лексической семантике современного турецкого языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2022. – 39 с. {*E.M. Napolnova.* Spatial and temporal relations in the lexical semantics of the modern Turkish language: Dr. Habil. diss. abstract. – Moscow, 2022. – 39 p.}

-
- Сепир 1993 – *Сепир Э.* Статус лингвистики как науки // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – С. 260–267. {*E. Sapir. The status of linguistics as a science // E. Sapir. Selected works on linguistics and cultural studies. – Moscow: Progress, 1993. – PP. 260–267.*}
- Топоров 1983 – *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227–284. {*V.N. Toporov. Space and text // Text: Semantics and Structure. – M.: Nauka, 1983. – PP. 227–284.*}
- Уорф 1960 – *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – Вып. 1. – С. 157–201. {*B. Whorf. The relation of habitual thought and behavior to language // New in Foreign Linguistics. – Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1960. – Issue 1. – PP. 157–201.*}
- Яковлева 1994 – *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 343 с. {*E.S. Yakovleva. Fragments of the Russian linguistic worldview (models of space, time and perception). – Moscow: Gnozis, 1994. – 343 p.*}
- Levinson 2003 – *Levinson S.C.* Space in language and cognition. – Cambridge, 2003.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2022. № 3–4 (36–37), pp. 58–66. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 82.0

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-5

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА КАДИРЖАНА КАФЛЫ

*Ахмед Магомедович Муртазалиев*¹

¹ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия
доктор филологических наук, заведующий отделом литературы и Центром по изучению литературного наследия поэта Расула Гамзатова
ORCID: 0009-0005-6210-6948.
E-mail: ahmurt@mail.ru

© ИЯз РАН, 2022

© Муртазалиев А.М., 2022

Аннотация: Кадиржан Кафлы вошел в историю турецкой литературы как поэт, писатель, публицист и критик. В каждой из этих областей он оставил заметный след, особенно в прозе и публицистике. Его общественно-политическая жизнь, писательская биография, творческие достижения и литературное мастерство представляют определенный интерес и для отечественных исследователей, занимающихся проблемами художественной культуры национальной диаспоры. В статье дается оценка прозаическим произведениям писателя с точки зрения их идейного и художественного своеобразия, а также историко-публицистическим сочинениям на примере книги «Северный Кавказ», в которой автор раскрылся как знаток истории, культуры и быта народов Турции и Кавказа.

Ключевые слова: турецкая литература, Кадиржан/Кадирджан Кафлы, писатель, повесть, рассказ, малый жанр, исторический роман, роман «Северный Кавказ».

Для цитирования: *Муртазалиев А.М.* Своеобразие творчества Кадиржана Кафлы // Российская тюркология. 2022. № 3–4 (36–37). С. 58–66. 10.37892/2079-9160-2022-3-4-5.

The originality of Kadirzhan Kafila's creativity

*Ahmed M. Murtazaliyev*¹

¹ Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Daghestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia
Dr. Habil. in Philology, Head of the Department of Literature and the Center for the Study of the Literary Heritage of the poet Rasul Gamzatov

This is an open access article under the CC BY license

ORCID: 0009-0005-6210-6948.

E-mail: ahmurt@mail.ru

© IL RAS, 2022

© Murtazaliyev A.M., 2022

Abstract: Kadirzhan Kafly entered the history of Turkish literature as a poet, writer, publicist and critic. In each of these areas, he left a notable mark, especially in prose and journalism. His socio-political life, writer's biography, creative achievements and literary skills are of particular interest for the researchers of our country dealing with the problems of artistic culture of the national diaspora. The article assesses the writer's prose works from the point of view of their ideological and artistic originality, as well as historical and journalistic works basing on the book "The North Caucasus", in which the author revealed himself as a connoisseur of the history, culture and way of life of the peoples of Turkey and the Caucasus.

Key words: Turkish literature, Kadirzhan Kafly, Kadircan Kafli, writer, novel, story, small genre, historical novel, novel "North Caucasus".

For citation: Murtazaliyev, A.M. 2022, The originality of Kadirzhan Kafly's creativity, *Russian Turkology*, 3-4 (36–37), pp. 58–66. 10.37892/2079-9160-2022-3-4-5.

I. Введение

Современная турецкая литература, берущая свое начало с эпохи Танзимата, известна своими богатыми многовековыми традициями, талантливыми писателями и их произведениями, вошедшими в сокровищницу мировой художественной культуры. Имена таких мастеров пера, как Ахмет Хамди Танпынар, Омер Сейфеддин, Сабахаттин Али, Назым Хикмет, Азиз Несин, Яшар Кемаль, Орхан Памук и др., известны не только в Турции, но и далеко за ее пределами. Однако, несмотря на богатую историю, оригинальное содержание, жанровое своеобразие, вклад в мировой художественный процесс, турецкая литература все еще остается недостаточно изученным отечественной филологической наукой явлением, многие ее проблемы, темы, персоналии, их творчество ждут своих исследователей, критиков. Как пишет литературовед Мухаррем Каплан, сегодня турецкая литература сравнима с огромной горой, с неисследованными писателями и произведениями, неизученными литературными жанрами [Kaplan 2013: 11].

Одним из авторов, чье творчество все еще не стало объектом серьезной научной оценки, является писатель, поэт, публицист Кадиржан Кафлы (1899–1969), известный в турецких литературных кругах как «пишущая машинка» [Kafli 1942: 245] ввиду его феноменальной трудоспособности и результативности. За исключением обзора небольшого количества публикаций [Alp 1969] его богатое, многожанровое наследие, представленное произведениями прозы, поэзии, историческими сочинениями, публицистическими статьями, переводами, все еще продолжает оставаться мало исследованной филологической наукой страницей современной турецкой литературы.

Тем не менее процесс уже пошел: в 2013 г. в издательстве «KESİT» вышла монография доцента, доктора философии Университета Хаджеттепе (г. Анкара) Мухаррема Каплана «Кадиржан Кафлы и исследование его произведений» («Kadircan Kafli ve eserleri üzerine bir inceleme»). Данный труд является результатом многолетней деятельности автора по сбору, систематизации и научной оцен-

ке многожанрового материала, содержащего как известные, так и впервые вводимые в научный оборот сведения о жизни и творчестве писателя. О своем монографическом исследовании Мухаррем Каплан пишет: «Оценивая в своей работе Кадиржана Кафлы и его произведения, я стремился подтвердить место писателя и его творчества в истории турецкого языка и литературы» [Kaplan 2013: 11]. Книга турецкого литературоведа – это не только ценный вклад в национальное литературоведение, но и дань уважения памяти талантливого писателя, чье оригинальное творчество достойно серьезной филологической оценки.

II. Жизнь и творчество Кадиржана Кафлы

Кадиржан Кафлы родился в Дагестане, в аварском селении Урма. Его настоящее имя Абдулкадыр. В 1907 г. вместе с родителями он эмигрировал в Турцию, где семья поселилась в селении Гюней, основанном дагестанскими мухаджирами. Учился в школах городов Адана и Конья. В 1921 г. окончил педагогическое училище в г. Конья. После продолжительного периода работы учителем начальных классов в 1938 г. окончил литературный факультет педагогического института в г. Анкаре. В последующие годы Кадиржан Кафлы занимался педагогической деятельностью, работал учителем турецкого языка и литературы в различных учебных заведениях.

Важное место в жизни Кадиржана Кафлы занимала общественно-политическая деятельность. Еще в начале 1950-х гг. вступил он на политическую стезю, в 1951 и в 1954 гг. сделал попытку стать депутатом Национального собрания страны, которая оказалась безуспешной. Однако писатель не отказался от своих намерений стать народным депутатом. На выборах 1961 г. от Республиканско-крестьянской национальной партии избирателями города Конья Кадиржан Кафлы был избран в парламент страны. В разные годы он возглавлял «Общество культуры и взаимопомощи Северного Кавказа», был организатором и руководителем Федерации тюркских переселенцев и эмигрантов. Скончался в возрасте семидесяти лет, похоронен в селении Гюней (Турция).

Формирование творческой деятельности Кадиржана Кафлы, которая началась с поэзии, приходится на начало 1930-х гг. Написанные в жанре аруза его стихи впервые были изданы в г. Измире в сборнике «Пенистое море» (1933). Предполагалось опубликовать и второй сборник стихов – «Жемчуг и перламутр», но по неизвестным причинам он остался неизданным. Недолго продолжалось поэтическое творчество Кадиржана Кафлы, хотя «если бы он продолжил идти по этому пути, он стал бы мастером аруза» [Kaplan 2013: 228]. О причинах отказа своего героя продолжать поэтическое творчество Мухаррем Каплан высказывает следующую мысль: «На наш взгляд, важной причиной являлись низкий уровень образованности народа, его социальные нужды и личностные причины, которые не позволяли понимать эти произведения. Другая причина – это сигналы кровоточащей раны внутри поэта. Формат поэзии не позволял ему переносить это» [Kaplan 2013: 229]. Свой отказ от поэтического творчества Кадиржан Кафлы выразил в стихотворении «Смерть моего стиха»:

İçi bir fırtınadan sanki yıkılmış, sönmuş,
Ne o hülyalı bakışlar, ne o sevdalı gülüş.

Yeni bir yese dalan gönlü bırakmış şiri,
Şirin artık bir uzak köhne masaldır sihri.

Vur, başır, sonra vurul, inle, hakaret gör hep,
Gizlenip, ağla ve etrafa şetaret gör hep...
Sonra kalk, neşeli sağlam görün, uğraş ve didin,
Bir dolap beygiriyim ben, ne o «Şirin» mi dedin.

Onu öldürdü geçim derdinin azgın nefesi,
Onu gömdüm garip gönlüme, çıkmaz ki sesi [Kaplan 2013: 228].

Внутри от бури словно упало, угасло,
Ни те томные взгляды, ни улыбка любимой.

Вновь душу оставил лев, впавший в забытье,
Лев – уже далекая старая сказка волшебная.

Бей, кричи, ударь, страдай, унижайся,
Спрятавшись, плачь и в стороне увидь радость...

Потом встань, будь веселой, здоровой, напрягайся, трудись,
Я конь, вертящий ворот, о котором ты сказала: «Он милый».

Его убил тяжелый вздох твоих жизненных страданий,
Я его похоронил в жалком сердце, не издаст звука...¹

Оставив поэзию, в том же 1933 г. Кадиржан Кафлы начал пробовать себя в прозе. Писать рассказы, прозаические произведения малого жанра доставляло ему огромное удовольствие. Его первые рассказы «Священный грех», «Ангел и дьявол», «Мужчина, которого я искала», «Женщина, которую я искал», «Первая любовь» и другие были опубликованы в журнале «Еди гюнь» [Eroğlu 2021]. Эти произведения хорошо были приняты читателями. С тех пор и до конца жизни Кадиржан Кафлы оставался преданным прозе. К сожалению, не все из того, что написано писателем, доступно сегодня читателям и исследователям. Многие его произведения с момента своего первого выхода в свет более не переиздавались и потому стали библиографической редкостью.

К 1940-м гг. Кадиржан Кафлы становится известным в стране прозаиком. В этот период в газете «Ени Сабах» («Новое утро») он начинает вести рубрику «Вчера и сегодня», где публикует статьи и юморески. В 1955 г. становится главным редактором газеты «Тержуман» («Переводчик»), в которой ведет рубрику «Мерхаба» («Здравствуйте»). Через почти полтора десятка лет, в 1968 г., статьей «Шюкран» («Спасибо») он завершает данную рубрику, так как тяжелый недуг лишил его возможности заниматься творческой деятельностью.

Популярность Кадиржану Кафлы как писателю принесли его исторические сочинения: романы, повести и рассказы, посвященные прошлому Турции. В них он раскрылся как глубокий знаток истории, этнокультуры и быта народов разных стран и регионов, в том числе и родины своих предков – Кавказа. «История – основной материал, который использовался в романах Кафлы. Для него история

¹ Подстрочный перевод автора статьи.

была незаменимым тематическим сокровищем» [Kaflı 1942: 91]. Исторической теме писатель посвятил рассказы, повести и романы: «Разбойник», «Шпион», «Грязная рабыня», «Всадник на вороном коне», «Султанша Кёсем», «Султанша Турхан», «Гнездо корсаров», «Вороной конь», «Дочь моря», «Дочь пирата», «Черный орел», «Среди приговоренных», «Кербала», «Конец Омеядов», «Неизвестный герой», «Багдадский падишах Хасан-паша», «Исторические мысли», «Митхат-паша», «Судьба Турции», «Святые Нух и Туфан», «Святые Адам и Ева» и другие сочинения.

Период написания названных произведений приходится на 1930–1950-е гг., когда в Турции активно культивировались националистические, пантюркистские настроения, прославлялись идеи туранизма, османизма, построения общетюркского мира. Поэтому в них явно проявляются философские и мировоззренческие концепции Кадиржана Кафлы – адепта пантюркизма и кемализма. Художественно перерабатывая исторические сюжеты, он часто идеализирует прошлое Турции, субъективно подходит к изображению и оценке жизни и деятельности известных исторических лиц, особенно падишахов, представляя их как личности, чьи деяния достойны воспевания, в том числе и в художественной литературе.

Большинство произведений Кадиржана Кафлы захватывают читателя мастерски построенным, интригующим сюжетом, напряженным развитием действия, живыми, реальными образами персонажей, активно влияющими на окружающий мир. Таким является, в частности, роман «Султанша Кёсем», в котором изображены события, происходившие в истории Турции в средние века. В их центре в течение почти полувека находилась султанша Кёсем. В сжатой, лаконичной форме перед читателем раскрываются драматические перипетии жизни молодой женщины с первого дня ее пребывания в султанском гареме и до самой смерти, когда она, опытная, прошедшая через многие испытания, становится фактическим правителем страны.

Прототипом главной героини «Султанши Кёсем» послужила Махпейкер Кёсем-султан, вторая или третья наложница османского султана Ахмеда I и мать султанов Мурада IV и Ибрагима I. Во время правления сыновей носила титул «валиде-султан» (мать султана) и являлась одной из самых влиятельных женщин в Османской империи. Султанша Кёсем была первой женщиной-правительницей, казненной в истории Османской империи.

Кадиржан Кафлы художественно переработал известные исторические события и факты, дополнив их авторским вымыслом, в том числе изменив реальную историю жизни султанши. Так, по версии автора романа, султанша Кёсем – это бывшая рабыня Анастасия из Боснии. Поэтика романа, развитие действия в нем, образная система построены так, чтобы подчеркнуть особенности характера, ума и поведенческих мотивов главной героини, стремящейся стать полновластной хозяйкой в стране. В борьбе за власть Кёсем не брезгует никакими средствами: интригами, убийствами, заговорами и пр. Но, достигнув вершины власти, она сама становится жертвой системы, сложившейся во многом благодаря ее деятельности – против султанши, ее власти восстают янычары. Один из них – янычар Кушчу Мехмед душил ее, обнаружив в платяном шкафу. Трагическая тональность последних строк текста, передающие картину ужасной смерти султанши, подводит читателя к философским размышлениям о месте и роли личности в истории, ис-

пытывающей немало превратностей судьбы. «Анастасия, выросшая в бедности и лишениях в доме священника, сорок восемь лет прожила в амбициях и интригах в самом большом императорском дворце той эпохи. Ее волнующую и роскошную жизнь завершил узел из занавески, и, не внося во дворец, ее положили в яму длиной в две маховые сажени, которых вполне хватило ей» [Kaflı 1942: 79].

Наряду с художественными произведениями Кадиржан Кафлы создал и ряд научно-популярных работ, в частности: «Северный Кавказ», «Исторические рассказы в эпоху османов», «Митхат-паша», «Судьба Турции», «Эмиграции в Турцию и др. Будучи потомком аварских мухаджиров, особый интерес писатель проявлял к Кавказу и кавказскому зарубежью. Ярko, выразительно эти авторские чувства наблюдаются в его книге «Северный Кавказ», издание которой в 1942 г. стало знаковым событием в культурной жизни северокавказской диаспоры. Прежде всего, ее достоинство в том, что она представляет собой практическое осуществление идеи предыдущих поколений мухаджиров, в частности ее интеллектуальной элиты, о создании истории Северного Кавказа. По сегодняшний день «Северный Кавказ» выдержал несколько изданий² и продолжает пользоваться популярностью в читательской среде, особенно среди потомков северокавказских мухаджиров.

Являясь ценным вкладом в укрепление единства северокавказского общества в Турции, развития в нем кавказоцентристских идей, книга Кадиржана Кафлы способствовала также становлению и развитию в последующие годы в северокавказской диаспоре своей профессиональной историографии. Не менее важную задачу труд Кадиржана Кафлы решает в и плане просветительской миссии в ознакомлении турецкого реципиента с богатым и своеобразным миром Северного Кавказа, его населением, историей, географией, этнокультурой и пр. «О Кавказе на русском, немецком, английском, французском и других языках написано, издано и распространено тысячи томов. Между тем эта тема, будучи важной для Турции и турок, до сих пор нами не разработана. Можно сказать, что наши сведения о Кавказе находятся на уровне знаний о Патагонии» [Kaflı 1942: 7].

О том, что турецкое общество плохо осведомлено о Северном Кавказе, отмечается также в рецензии Османа Каратая на книгу Кадиржана Кафлы: «Мы до сих пор не понимаем геокультуру Кавказа, однако для нас, предпринимających все новые и новые усилия на пути осмысления кавказской культуры и геополитики, это очень хорошо надо понимать» [Karatay 2005: 140].

Таким образом, книга Кадиржана Кафлы внесла свой существенный вклад в рецепцию турецкой общественной и гуманитарной мыслью культурного и эстетического опыта северокавказских народов.

«Северный Кавказ» состоит из трех глав: «Общие сведения», «История», «Искусство и культура». Каждая глава содержит разделы, в которых представлен материал по конкретным направлениям и отраслям жизни народов Северного Кавказа – от исторического прошлого края до образования и науки на период написания книги. Важно отметить, что данное сочинение содержит материалы как из жизни народов, живущих на Северном Кавказе, так и относящиеся к истории, культуре и быту северокавказских мухаджиров в Турции.

² Последнее издание было в 2005 г.

При всей предвзятости негативного отношения автора к советскому строю, к положению северокавказских народов в СССР, все же надо отдать ему должное в том, что он сумел в целом в реалистических чертах охарактеризовать и оценить исследуемый материал. Несмотря на отдельные изъяны, связанные с невозможностью непосредственно наблюдать за жизнью народов Северного Кавказа в новом государстве, писателю все же удалось объективно оценить исторические факты, явления общественной и культурной жизни северокавказских народов разных эпох, в том числе и советского периода.

В частности, Кадиржан Кафлы пишет, что именно в годы Советской власти стало развиваться на Северном Кавказе театральное искусство. И в этом плане «Дагестан был впереди других областей... В 1925 г. в г. Шамилькала³ открылась школа национального театра. Наряду со старыми авторами появились и новые драматурги. На театральных сценах стали ставить пьесы: “Хаким” Малачиханова, “Неблагодарность” и “Надир-шах” Нариманова, “Женитьба” Давудова, а также произведения Темирбулата Бийбулатова и других кумыкских писателей» [Kaflı 1942: 193].

Делая обзор литературы народов Северного Кавказа, Кадиржан Кафлы видит ее как героическую литературу, как художественно-эстетическое явление, порожденное характером и тонким эстетическим вкусом горских народов. Самым сильным и богатым пластом словесного искусства горцев автор считает устное народное творчество. В нем он выделяет сказку как наиболее многочисленный и развитый жанр. В качестве примера называются кабардинская сказка «Хаагур» и ногайская сказка «Сулейман-хан», тексты которых приводятся здесь же.

Писатель высоко оценивает горскую поэзию, где наряду с героическими произведениями много и произведений философского содержания, что, по его мнению, является следствием влияния арабской поэзии. Под влиянием арабской религиозной литературы сформировалась также суфийская лирика, особенно в Дагестане.

Среди дагестанских поэтов 1920-х гг., которые пользовались в народе большой популярностью, упоминаются имена Махмуда из Кахабросо, Омарла Батырая, Етима Эмина, Махмуда Шамседина, творчество которых, как отмечает Кадиржан Кафлы, до революции не собиралось и не издавалось. Тем не менее произведения этих и других авторов были очень популярны в народе, каждый горец знал их наизусть, потому что они содержали в себе национальный дух, в них пелось о страданиях народа, о гнете, которому он, горец, подвергался, о стремлении его к свободе. Одним из таких произведений писатель называет сочинение лакского поэта Сулеймана Чупалава «Абрек Залимхан».

В книге «Северный Кавказ» в отдельный раздел выделены народные песни, о которых говорится, что неизвестно, когда и кем они написаны. Наиболее известным произведением этого жанра называется аварская песня «Марш газавата», которую пели горцы во время боевых походов и атак на врага. Другое популярное произведение – это «Песня горца», которую писатель считает одним из лучших героических стихотворений на Северном Кавказе.

³ С марта 1918 г. по март 1920 г. в ходе Гражданской войны город удерживался антибольшевистскими силами и именовался Шамилькала в честь имама Шамиля. – прим. авт.

В главе «Рассказ, роман и история» представлен материал о творчестве писателей-мухаджиров: адыгейца Айтека Намитока, аварцев Бахаудина Хурша и Зубайдат Шхашлы, кабардинца Мет Иззета Джунатуко, осетина Ахмеда Цаликова, черкесов Омера Сейфедина и Мухаммада Фетгирея. Оценивая их творчество, Кадиржан Кафлы пишет: «Среди северокавказцев, наряду с сильными и известными поэтами, имеется немало и тех, кто пишет рассказы и романы. Часть из них, как и в поэзии, создает свои произведения не на родном языке, а на чужом. Но язык – это лишь средство. Произведения, написанные на чужом языке, пусть это будет даже на русском, не меняют своей сути. Окружающая среда, жизненные обстоятельства, заимствованные культурные ценности вынудили их использовать другой язык. Даже эта ситуация принесла им известность. Многие сюжеты заимствованы с исторической родины, у своих народов, а некоторые написаны под влиянием обстоятельств, в которых они проживали» [Kaflı 1942: 185].

В литературе северокавказской диаспоры Кадиржан Кафлы выделяет творчество Зубайдат Шхашлы, правнучки имама Шамиля, как яркое и самобытное явление. Несмотря на то, что писательница создавала свои произведения в основном на французском языке, ее книги, «повествующие об истории Северного Кавказа и шамилевских войнах, являются национальными произведениями» [Kaflı 1942: 188]. В книге кратко характеризуются прозаические произведения Зубайдат Шхашлы: роман «Абрек», повести и рассказы «Невольница», «Вернувшийся назад», «Историческая встреча», «Крик кавказской женщины» и др.

Сетую по поводу неразвитости и бедности северокавказского романа, Кадиржан Кафлы отмечает творчество Мурад-бея Мизанджи, чьи произведения прославили не только Турцию, но и Северный Кавказ [Kaflı 1942: 190].

Как о талантливом военном писателе пишет Кадиржан Кафлы о Бахаудине Хурше – авторе «замечательных этюдов о военной истории Северного Кавказа. Его статьи и произведения на русском и польском языках об освободительной войне Кавказа являются прекрасными образцами, написанными на эту тему с точки зрения военного стратега» [Kaflı 1942: 191]. В качестве примера приводится книга Бахаудина Хурша «Ахульго», в которой дана объективная и исчерпывающая картина знаменитой обороны аула Ахульго под руководством имама Шамиля.

Созданную еще в начале 1940-х гг. книгу «Северный Кавказ» нельзя назвать совершенной, но, несмотря на это, она не потеряла своей актуальности и в настоящее время. Содержащийся в ней материал по истории, культуре и этнографии народов Северного Кавказа представляет интерес не только для турецких читателей, но и для северокавказских ученых, занимающихся гуманитарными исследованиями: историков, литературоведов, культурологов и др. Вот что об этом пишет в своем предисловии сам автор: «Эту книгу я смог создать после долгого и упорного труда, чтобы дать турецкому читателю общие сведения о Северном Кавказе. В то же время она послужит основой для тех, кто будет в дальнейшем проводить исследования по этой теме» [Kaflı 1942: 7].

III. Заключение

Кадиржан Кафлы был одним из популярных, читаемых писателей Турции первой половины XX в. Авторитетный в литературных и читательских кругах

Турции, внесший существенный вклад в развитие прозаического жанра в турецкой литературе, он достойно продолжил художественно-литературные традиции известных мастеров слова, прежде всего, таких классиков, как Ахмед Мидхат и Омер Сейфеддин. Художественное творчество Кадирджана Кафлы, стоящее на уровне писательского мастерства самых известных турецких литераторов 1940–1960-х гг., является одной из самобытных и талантливых страниц современной турецкой литературы.

Литература

- Alp 1969 – *Alp A.R.* Yarım asırlık eğitimci: Kadircan Kaflı. Eğitim ve kültür [Учитель Полувека: Кадирджан Кафлы. Образование и Культура] // Tercüman. – 1969. – 25. – 01; *Aşkun V.C.* Arkadaşım Kadircan Kaflı [Мой друг Кадирджан Кафлы] // Tercüman. – 1969. – 25. – 01; *Doğan A.* Tarihi roman ve tarihi romanlarda kadın sultanları. [Исторический роман и женщины-султаны в исторических романах.] – Ankara: Yargı Yayınevi, 2005; *Kabaklı A.* Kadircan Kaflı. Gün ışığında köşesi [Кадирджан Кафлы. Освещенный угол] // Tercüman. – 1969. – 24. – 01. {*A.R. Alp.* Teacher of half a century: Kadircan Kaflı. Education and Culture // Tercüman. – 1969. – 25. – 01; *V.C. Aşkun.* My friend, Kadircan Kaflı // Tercüman. – 1969. – 25. – 01; *A. Doğan.* Historical novel and the female sultans in historical novels. – Ankara: Yargı Yayınevi, 2005; *A. Kabaklı.* Kadircan Kaflı. A Lighted Corner // Tercüman. – 1969. – 24. – 01.}
- Eroğlu 2021 – *Eroğlu K.* Kadircan Kaflı'nın görüşleri ile Ziya Gökalp [Взгляды Кадирджана Кафлы на Зию Гёкальпа] // Ülkücü Kadro. – 2021. – 13. – 06. {*K. Eroğlu.* Kadircan Kaflı's opinions on Ziya Gökalp // Ülkücü Kadro. – 2021. – 13. – 06.}
- Kaflı 1942 – *Kaflı K.* Şimali Kafkasya. [Северный Кавказ.] – İstanbul: Vakıt Matbaası, 1942. {*K. Kaflı.* The North Caucasus. – İstanbul: Vakıt Matbaası, 1942.}
- Kaplan 2013 – *Kaplan M.* Kadircan Kaflı ve eserleri üzerine bir inceleme. [Кадирджан Кафлы и исследование его произведений.] – İstanbul: Kesit Yayınları, 2013. {*M. Kaplan.* A research on Kadircan Kaflı and his works. – İstanbul: Kesit Yayınları, 2013.}
- Karatay 2005 – *Karatay O.* Kadircan Kaflı. Kuzey Kafkasya [Кадирджан Кафлы. Северный Кавказ] // Karadeniz Araştırmaları. – Trabzon, 2005. {*O. Karatay.* Kadircan Kaflı. The North Caucasus // Karadeniz Araştırmaları. – Trabzon, 2005.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2022. № 3–4 (36–37), pp. 67–82. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 81.119

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-6

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

«TURCO-SLAVICA» В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Майнура Абильтаяевна Бурибаева¹, Нурсулу Жамалбековна Шаймерденова²,
Джемма Болатовна Аманжолова³, Жанар Даулетпаевна Маликова⁴

¹ Кызылординский университет им. Коркыт Ата, г. Кызылорда, Республика Казахстан
кандидат филологических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-2739-090

Scopus ID: 57215580091

E-mail: mainura_b@mail.ru

² Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан
доктор филологических наук, профессор

ORCID: 0000-0002-2830-8336

E-mail: 777nursulu@mail.ru

³ Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан
кандидат филологических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-3153-5169

E-mail: jemma.aman@gmail.com

⁴ Astana IT University, г. Нур-Султан, Республика Казахстан
кандидат филологических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-2710-5510

E-mail: zhanar20081@mail.ru

© ИЯз РАН, 2022

© Бурибаева М.А., Шаймерденова Н.Ж., Аманжолова Д.Б., Маликова Ж.Д., 2022

Аннотация: «Turco-Slavica» – направление, изучающее языковые и культурные связи тюркских и славянских народов с учетом лингвистическо-исторического анализа, ориентированного в метаязыковом плане на «лингвистическую информативность» и «лингвистическую содержательность» (по терминологии С.И. Коткова) памятников древней письменности. При этом развитие данного направления начиналось параллельно, с одной стороны, с изучения языка памятников русской (шире – славянской) письменности, с другой – с обращения к анализу памятников тюркской письменности. Авторами статьи сделана попытка доказать, что «Turco-Slavica» как лингвистическое направление формировалось постепенно, накапливая исследовательский опыт многих ученых, начиная с возникновения сравнительно-исторического языкознания и все больше вовлекая в исследовательскую

This is an open access article under the CC BY license

парадигму ученых всего мира, которые в своих трудах обращаются к вопросам взаимодействия тюркского и славянского языков на всем протяжении историко-культурного развития народов (особенно в конце XX – начале XXI вв.). Авторы статьи утверждают, что вклад в развитие данного направления в равной степени сделали как ученые-тюркологи, так и слависты, поэтому в статье представлен тезис о том, что важной составляющей развития любого направления являются фигуры ученых, определяющих исследовательскую парадигму лингвоперсонологии. Предлагаемая историография вопроса в большей степени обзорная и краткая по своему содержанию, но вместе с тем охватывает различные по объему и направленности научные исследования, носит аналитический характер. В статье предлагается обобщение состояния науки и исследовательские перспективы. В этой связи использованы приемы анализа и синтеза, основанные на сборе всех научных исследований по данной теме и их последующей интерпретации, а также описательный метод. Авторами сделана классификация существующих исследований в Казахстане, выполненных в аспекте «Turco-Slavica», в соответствии с казахстанскими и мировыми тенденциями развития данного направления. Кроме того, авторы постарались выявить имеющиеся проблемы и наметить дальнейшие перспективы. В современном казахстанском билингвальном и полилингвальном обществе, в котором наблюдается смена научно-образовательных парадигм, усиление внимания к этноязыковому взаимодействию, требуется ввести в учебные планы программы, связанные с языковыми контактами тюркских и славянских языков, а также вопросами историографии казахстанской лингвистической науки.

Ключевые слова: тюркология, славистика, Turco-Slavica, лингвистическое источниковедение, язык, этнос, языковые контакты, тюркизмы.

Благодарность: Работа выполнена по грантовому проекту Министерства образования и науки Республики Казахстан AP09258780 «Germanica в Казахстане: язык, этнос, личность в социолингвистической, лингвоперсонологической и лингводидактической перспективе» на 2021–2023 гг.

Для цитирования: Бурибаева М.А., Шаймерденова Н.Ж., Аманжолова Д.Б., Маликова Ж.Д. «Turco-Slavica» в современном Казахстане: историография вопроса, состояние и перспективы // Российская тюркология. 2022. № 3–4 (36–37). С. 67–82. 10.37892/2079-9160-2022-3-4-6.

“Turco-Slavica” in modern Kazakhstan: historiography, status and prospects

*Mainura A. Buribayeva¹, Nursulu Zh. Shaimerdenova²,
Dzhemma B. Amanzholova³, Zhanar D. Malikova⁴*

¹ Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Kazakhstan
Ph.D. in Philology, Associate Professor
ORCID: 0000-0002-2739-090
Scopus ID: 57215580091
E-mail: mainura_b@mail.ru

² Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan
Dr. Habil. in Philology, Professor
ORCID: 0000-0002-2830-8336
E-mail: 777nursulu@mail.ru

³ Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan
Ph.D. in Philology, Associate Professor
ORCID: 0000-0002-3153-5169
E-mail: jemma.aman@gmail.com

⁴ Astana IT University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan
Ph.D. in Philology, Associate Professor

ORCID: 0000-0002-2710-5510

E-mail: zhanar20081@mail.ru

© IL RAS, 2022

© Buribayeva M.A., Shaimerdenova N.Zh, Amanzholova Dz. B, Malikova Zh. D., 2022

Abstract: “Turco-Slavica” is a direction that studies the linguistic and cultural ties of the Turkic and Slavic peoples, taking into account the linguistic source analysis, which is based in the metalinguistic plan on the “linguistic information content” and “linguistic content” (according to the terminology by S.I. Kotkov) of ancient written monuments. At the same time, the development of this direction began in parallel, on the one hand, with the study of the language of the monuments of Russian (more widely – Slavic) writing, on the other hand, an appeal to the analysis of the monuments of Turkic writing. The authors of the article made an attempt to prove that “Turco-Slavica” as a linguistic direction was formed gradually, accumulating the research experience of many scientists, starting with the emergence of comparative historical linguistics and increasingly involving scientists from all over the world in the research paradigm, who in their works address the issues of interaction between Turkic and Slavic languages throughout the historical and cultural development of peoples (especially at the end of the 20th - beginning of the 21st centuries). The authors of the article argue that both Turkic scientists and Slavists equally made the contribution to the development of this direction, therefore the article presents the thesis that an important component of the development of any direction is the figures of scientists who determine the research paradigm of linguopersonology. The proposed historiography of the issue is largely overview and brief in content, but at the same time, it covers academic research of various scope and direction, and is of an analytical nature. The article proposes a generalization of the state of science and research perspectives. In this regard, methods of analysis and synthesis are used, which are based on the collection of all academic research on a given topic and their subsequent interpretation, as well as a descriptive method. The authors made a classification of existing studies in Kazakhstan, carried out in the aspect of “Turco-Slavica” in close connection with Kazakhstani and world trends in the development of the direction. In addition, the authors tried to highlight the existing problems and outline future prospects. In the modern Kazakh bilingual and multilingual society, in which there is a change in academic and educational paradigms, increased attention to ethno-linguistic interaction requires the introduction into the curricula of issues related to the language contacts of the Turkic and Slavic languages, as well as issues of the historiography of Kazakh linguistic science.

Key words: Turkology, Slavic studies, Turco-Slavica, linguistic source studies, language, ethnoscience, language contacts, Turkisms.

Acknowledgment: The work was carried out under the grant project of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan AP09258780 “Germanica in Kazakhstan: language, ethnicity, personality in the sociolinguistic, linguopersonological and linguodidactic perspective” for 2021–2023.

For citation: Buribayeva, M.A., Shaimerdenova, N.Zh., Amanzholova, D.B., Malikova, Z.D. 2022, “Turco-Slavica” in modern Kazakhstan: historiography of the issue, modern status and prospects, *Russian Turkology*, 3-4 (36–37), pp. 67–82.10.37892/2079-9160-2022-3-4-6.

Введение

Понятие «Turco-Slavica» все чаще появляется в современных исследованиях и требует особого внимания со стороны лингвистов. Оно возникло как синтез слов, обозначающих два важных научных направления – «Turcologia» и «Slavica», и направлено на изучение тюркских и славянских языков в их тесной взаимосвязи с учетом культур референтных им этносов с опорой на историко-лингвистические языковые процессы, социально-экономические обстоятельства,

дипломатические, торговые и другие виды контактов, требующих детального анализа, хронологизации языковых единиц и комплексного описания.

Обратимся к каждому из данных понятий: (1) *Turcologia* ‘тюркология’ (на английском языке часто встречается в варианте «turkology»), по данным ученых, представляет собой «комплекс гуманитарных дисциплин, изучающих языки, историю, литературу, фольклор и культуру тюркских народов» [Тюркология. История всемирной тюркологии 2016]; (2) *Slavica* ‘славистика и/или славяноведение’ обозначает «гуманитарную дисциплину, изучающую язык, литературу, фольклор, историю материальную и духовную культуру славянских народов» [Словарь по языкознанию 1998]. Обратимся к каждому из этих понятий с точки зрения возможности их объединения, необходимости и выработки инструментария и поиска теоретико-методологических основ исследовательской парадигмы. Причем совмещение двух, казалось бы, разных направлений вполне объяснимо и продиктовано билингвальным контекстом не только Казахстана, но и других государств, где издавна наблюдается тесное взаимодействие между тюркскими и славянскими народами. Подготовка специалистов по историко-филологическому направлению «Turco-Slavica» необходима, поскольку позволяет раскрыть тесное взаимодействие двух миров и устранить возникшие исследовательские лакуны в области языкового развития, а также объяснить нежелательные интерпретации и лженаучные представления в данной области.

Лингвистические исследования тюркских и славянских языковых контактов имеют давнюю традицию, однако общие тенденции современной мировой лингвистики позволяют наметить новые аспекты изучения тюрко-славянской проблематики, касающейся диалога двух параллельных, но вместе с тем исторически перекрещивающихся линий. Данная статья не претендует на исчерпывающее освещение вопроса, однако сама постановка проблемы и обзор литературы, имеющейся в распоряжении авторов, позволяет сделать первые шаги для дальнейшего укрепления статуса данного направления.

За длительный период развития филологии, начиная с древнейшего периода и до настоящего времени, в цифровом мире XXI в. собран огромный материал, зафиксированный в лексикографических источниках, а также эксцерпированный из различных изданий, в том числе из материалов Картотек¹. Однако с каждым годом поиски расширяются, и вместе с этим актуализируются вопросы историографии тюрко-славянских взаимодействий, изучения языка памятников тюркской и русской письменности. Комплексному анализу (синхронно-диахроническому, лексикографическому, этнолингвистическому и собственно лингвистическому) процессов взаимодействия языков и культур тюркских народов в евразийском контексте был посвящен научно-исследовательский проект «Язык, этнос, культура в контексте тюрко-славянского взаимодействия», выполненный в 2011 г.

¹ Здесь имеется в виду: 1. Картотека Словаря древнерусского языка XI–XVII вв., которая хранится в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (г. Москва), а его сотрудниками с 1975 г. ведутся работы по изданию серии «Словаря русского языка XI–XVII вв.»; 2. Национальный словарный фонд казахского языка, который состоит из 6 млн картотечной базы и хранится в Институте языкознания имени А. Байтурсынова Комитета науки МОН РК (г. Алматы). Его сотрудниками в настоящее время ведутся работы по созданию Национального корпуса казахского языка.

коллективом ученых Международной тюркской академии по программе Министерства образования и науки Республики Казахстан «Историко-культурное наследие и интеграционные процессы тюркских народов и государств». Отдельные результаты данного исследования представлены в коллективной монографии «Turco-Slavica: язык, этнос, культура в едином пространстве» (авторы: Н.Ж. Шаймерденова, Э.Д. Сулейменова, У.Е. Мусабекова, К.Ж. Айдарбек, Д.Б. Аманжолова), в которой авторы подчеркивают актуальность изучения тюркско-славянских языковых контактов и истоков становления направления «Turco-Slavica». При этом они акцентируют внимание на трудах казахстанских и зарубежных ученых, изучавших язык памятников славянской письменности и языковые контакты [Turco-Slavica 2011]. Однако с момента выхода данного издания прошло более десяти лет, а научные горизонты в этом направлении расширяются, проводятся новые изыскания с опорой на историко-лингвистический контекст. Все это требует историографического обзора и обобщения. В настоящей статье авторами проделан комплексный обзор исследований, выполненных в рамках «Turco-Slavica», с акцентом на менее известную казахстанскую литературу (в силу ограниченного объема тиража, отсутствия в интернет-пространстве) и исследования, проведенные в сотрудничестве с российскими тюркологами в рамках международных проектов по истории тюркологии и славистики.

Историографический обзор исследований по направлению «Turco-Slavica»

Истоки возникновения историко-филологического направления «Turco-Slavica» начинаются с трудов, посвященных изучению в славянских языках слов «восточного» и/или «тюркского» происхождения. В большей степени исследования такого плана представлены по русскому языку, и особо среди них выделяются работы, раскрывающие происхождение слов, заимствованных из восточных языков, в частности в XVIII в. Крайне интересны в этом плане этимологические изыскания профессора И.Г. Добродомова, ученики которого сегодня работают в Казахстане и других странах (Н.Ж. Шаймерденова, Д.С. Кулмаматов, Б.Б. Джаппарова и многие другие).

Хотелось бы предложить краткий обзор лишь с указанием проблематики исследования и ссылок на труды. Первые опыты изучения тюркизмов представлены в журналах XVIII в. и отличаются невысоким исследовательским уровнем, этимологии слов часто бывали, по мнению Д.С. Сагдуллаева, фантастичными [Сагдуллаев 1975]. Первые фундаментальные работы в области изучения тюркских слов принадлежат ученым Казанского университета: Я.О. Ярцову, И. Яковкину, Ф.И. Эрдману, И.Н. Березину и др. Начиная с работ И.С. Срезневского и издания «Материалов для сравнительного и объяснительного словаря грамматики» (1854 г.), а в 30-е гг. XIX в. – с трудов Ф.И. Эрдмана, И.Н. Березина, А.А. Бобровникова, А.К. Казембека, В.В. Григорьева, С.К. Булича, Ф. Миклошича, А.О. Мухлинского постепенно начинается интенсивное изучение тюркизмов, основанное на установлении этимологии заимствований в русском языке из тюркских и восточных языков. Значительный вклад в исследование тюркизмов в лексическом фонде славянских языков в конце XIX – начале XX вв. внесли известные тюркологи П.М. Мелиоранский и Ф.Е. Корш.

Фундаментальные труды ученых (В.В. Радлов, З.А. Алексеев, А.И. Беляев, А. Вышнегорский, И.И. Ильминский, С.А. Лапин, Н.С. Лыкошин, В. Наливкин, М. Наливкина, а позже В.И. Абаев, В.Д. Аракин, Г.Б. Асланов, В.А. Гордлевский, Н.К. Дмитриев, И.Г. Добродомов, К.Г. Менгес, С.Е. Малов, В.М. Насилов, А.Д. Эфендиева, Р.А. Юналеева, М.В. Орешкина и др.) в области «Turco-Slavica» имеют важнейшее значение для современной филологии. Особое место занимает также имя известного тюрколога А.Н. Кононова, который в монографии «История изучения тюркских языков в России» подробно описал историю изучения тюркизмов в русском языке в дооктябрьский период [Кононов 1982].

Большой вклад в развитие «Turco-Slavica» внес Н.А. Баскаков. Его труды стали общеизвестными и уже хрестоматийными [Баскаков 1974]: «Русские фамилии тюркского происхождения» [Баскаков 1979], «Тюркская лексика в “Слове о полку Игореве”» [Баскаков 1985], труды по этнонимике, топонимике, ономастике. В своем библиографическом очерке Н.А. Баскаков в качестве эпиграфа дает латинское выражение «*Feci quod potui, faciant meliora potentes*» («Я сделал все, что мог, пусть, кто может, сделает лучше») [Баскаков 1995], обозначив тем самым как актуальность и сложность проблематики, так и просторные горизонты исследовательского поля. Проведенные им исследования позволили направить филологическую мысль по пути взаимодействия между тюркскими и славянскими языками, поиска научных подходов и понимания важности изучения языковых контактов, а также представляют собой надежную теоретико-методологическую базу для молодых ученых, обращающихся к данному направлению.

Таким образом, вслед за первыми шагами спорадических исследований XVIII в., со второй половины XIX – начала XX вв. начинается изучение памятников тюркоязычных народов в России, и далее внимание ученых привлекают памятники древнерусской письменности, в которых отражаются также тюрко-славянские языковые контакты.

В современной лингвистике постсоветского пространства изучение различных типов текста не теряет своей актуальности и осуществляется в рамках как теории языка и частных языкознаний, так и сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания. Благодаря исследованиям, осуществляемым в лингвоисточниковедческом направлении, в научный оборот вводятся новые тексты древнего периода и средневековья различных жанров, что позволяет глубже рассмотреть не только динамику развития того или иного языка на определенном этапе, но и получить в целом ценные сведения о состоянии науки, делопроизводства, письменной культуре и традициях, литературе того или иного народа, этнокультурных, языковых и других связях между народами.

Памятники тюркской письменности в Казахстане с лингвистической точки зрения имеют более, чем полувековую историю изучения. Первые исследования в этом направлении проводились Г. Айдаровым [Айдаров 1971], А.С. Аманжоловым [Аманжолов 2012], А.К. Курышжановым [Курышжанов 1970; 1973], Х.Х. Махмудовым [Махмудов 1943; 1989], К. Омиралиевым [Омиралиев 2010], Н.Т. Сауранбаевым [Сауранбаев 1944; 1948] и др. В этих трудах заложены поиски ученых, столь важные для исследования истоков и понимания дальнейших контактов между народами. Например, казахский тюрколог А.С. Аманжолов когда-то высказал гипотезу о раннем употреблении греческого письма у тюрков и славян

(одна из граней булгаро-славянского культурного взаимодействия). В своем исследовании, основанном на изучении греко-славянской азбуки, прорезанной на бересте, найденной в 1997 г. при раскопках Талгарского городища (Алматинская область, Республика Казахстан), он выдвинул предположение, что «задолго до славянских просветителей IX в. тюркский языковой мир знал и употреблял древнюю греко-графическую письменность, наряду с оригинальной рунической» [Аманжолов 2008: 7]. Талгарское городище в VIII–XIII вв. играло важную роль на Великом шелковом пути, связывавшем цивилизации Востока и Запада. Византию с Западнотюркским каганатом связывали тесные торгово-экономические, политические и культурные связи, а также с племенным союзом «дулу», откуда происходят тюркоязычные (булгарские) правители Болгарии VII–VIII вв. Расшифровав буквы греко-славянской азбуки на первой и второй бересте, А.С. Аманжолов заключает: «Обстоятельный анализ Одиссеи греко-славянского письма и его греческих прототипов на Евразийском пространстве – задача дальнейших исследований» [Аманжолов 2008].

Предпосылки изучения тюркско-славянских языковых контактов описаны в работе казахстанского исследователя С.А. Тулеубаевой, которая пишет: «(...) изучались сочинения, имеющие отношение к тюркоязычным народам, грузинские, арабские рукописи. В рамках востоковедения в России, зарождение которого исследователи связывают с Петровской эпохой, с момента возникновения проводилась огромная работа по изучению письменного наследия различных народов Востока»². Особую роль сыграли тюркологические изыскания, и данный факт имеет историческое обоснование: «Многовековое взаимодействие славян и тюрков оставило заметный след в языках, обычаях, культурах тех и других» [Тулеубаева 2010].

Обширная литература, опубликованная в Казахстане, позволяет сделать экскурс к разным периодам взаимодействия тюркских и славянских языков. Заслуживают внимание следующие труды ученых:

– *памятники славянской (чаще русской) письменности* (Х.Х. Махмудов, А.С. Аманжолов, Н.И. Гайнуллина, Н.Ж. Шаймерденова, Л.Т. Килея, З.К. Сабитова, Н.А. Сандыбаева, М.А. Бурибаева и др.);

– *устное народное творчество* (Е. Жубанов, Е. Турсынов, Ж. Байзаков, Г. Кусимова, К. Жанабаев, Ж.А. Жунисова, Ш. Ибраев и др.);

– *памятники тюркской письменности* (Г. Айдаров, К. Омиралиев, А. Кайдар, Р. Сыздыкова, А. Курышжанов, А.С. Аманжолов и др.).

Огромный вклад в изучение памятников тюркской письменности внесли казахстанские историки (А. Маргулан, В.П. Юдин, Б.Е. Кумек, М.Х. Абусейтова, Ю.Г. Баранова, Б.Б. Ирмуханов, Ж.М. Тулибаева, А.К. Муминов и др.) и литературоведы (А. Коньратбаев, Б. Кенжетев, Х. Суйиншалиев, А. Кырабаева, Н. Келимбетов, Ш. Ибраев, О. Кумисбаев, М. Жармухамедов, А. Егеубаев и др.).

Интерес представляют научные исследования по этноязыковому взаимодействию Ж.К. Туймебаева [Туймебаев 2005; 2006; 2008], нашедшие отражение в его докторской диссертации [Туймебаев 2008] и многочисленных публикациях.

² В частности, наследие Абу Насыра аль-Фараби, языковая личность которого была в фокусе исследования С.А. Тулеубаевой. – прим. авт.

При этом, как отмечает Э.Д. Сулейменова в книге «Очерки о лингвистах», «к новейшим методологическим подходам и современным репрезентативным методам изучения языкового материала на современном витке развития тюркологии, а также полученные системные результаты и выводы в значительной мере укрепили позиции казахстанской тюркологии, более того, во многом определили ее будущий идеологический курс по тюркологии» [Сулейменова 2020]. Его труды позволяют увидеть смену тюркологического ландшафта и высказать свое видение на актуальные и значимые проблемы.

Все названные исследования охватывают проблемы истории тюркских (казахского), славянских (русского) языков и их языковых единиц в познавательных и коммуникативных процессах, дискурса, стилистики, языковой картины мира, языковой личности, семантики слова в синхронии и диахронии, заимствований, этноязыкового взаимодействия, связанные с различными историко-культурными, социальными и геополитическими изменениями и многое другое.

Для более полного понимания тенденций и результатов исследования названной в статье проблематики следует упомянуть труды казахстанских ученых, посвятивших монографические и диссертационные исследования изучению тюркских слов в современном русском языке, а также в языке памятников русской письменности. К ним относятся работы Х.Х. Махмудова [Махмудов 1943], М.Ш. Мусатаевой и Л.А. Шеляховской [Мусатаева, Шеляховская 1991; 2006], Н.Ж. Шаймерденовой [Шаймерденова 1997], З.К. Сабитовой [Сабитова 2007], М.А. Бурибаевой [Бурибаева 2009] и др. Некоторые исследования были неоднократно опубликованы в казахстанских и зарубежных издательствах [Shaimerdenova 2012; Шаймерденова 2018; Бурибаева 2013; 2014].

К примеру, в трудах известного казахстанского ученого Э.Д. Сулейменовой исследуются вопросы «Turco-Slavica» в аспекте современных этнодемографических процессов с фокусом на взаимодействии казахского и русского языков, этнодемографических особенностях языковой ситуации, языковой идеологии и осуществляемой в Казахстане языковой политики [Turco-Slavica 2011].

В работах Н.Ж. Шаймерденовой [Шаймерденова 1997; 1998; 2003а; 2003б; 2012] рассматриваются проблемы, связанные с раскрытием семантики неизвестных и малопонятных носителям языка слов и выражений, осуществляемых с помощью глосс и иных способов и средств экспликации семантики. Н.Ж. Шаймерденовой термин «глоссы» применяется для обозначения толкований неизвестных, малопонятных слов и выражений, написанных на полях, между строк или внутри текста древних рукописей и старопечатных книг. Лингвистико-ведческое исследование глосс в памятниках письменности XI – начала XVIII вв. также описывается в аспекте тюрко-славянского взаимодействия [Шаймерденова 1997; 2018].

Продолжая традиции своего учителя Н.Ж. Шаймерденовой в изучении глоссирования тюркизмов, М.А. Бурибаева обратилась к материалам Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, лексикографическим, а также архивным источникам. В своих исследованиях она осуществляет анализ тюркской лексики на широком фактическом материале, обращая внимание на процессы, происходящие в истории слов в направлении от вариантов к норме. Объектом изучения М.А. Бурибаевой становятся

тюркские заимствования, включая данные широкого хронологического отрезка (с XI по XXI вв.) и в текстах различных подкорпусов современного русского языка, свидетельствующих о языковых и культурных связях между тюркскими и славянскими народами [Бурибаева 2009; 2014].

В исследованиях Л.С. Баймановой изучаются вопросы немецко-тюркских этноязыковых контактов. При этом автор описывает закономерности освоения тюркизмов в системе немецкого языка на лексическом, фонетическом, грамматическом и словообразовательном уровнях и осуществляет предварительную хронологизацию тюркизмов, а также пути их проникновения в немецкий язык [Байманова 2010].

Начиная с 2007 г. в Казахстане появляются работы, связанные с проблемами семантической эволюции тюркизмов в русском языке. При этом автор З.К. Сабитова предлагает обновленную версию трактовки тюркизмов и рассматривает их как результат действия культурной памяти [Сабитова 2012]. Возникают риторические вопросы: а как иначе и в чем же состоит обновленная версия эволюции тюркизмов? Конечно, сама тема формирования *memory studies* традиционно относится к Московско-тартуской семиотической школе Е. Шацкого [Шацкий 1990] и концепции культурной памяти Я. Ассмана [Assmann 2006; 2008], поэтому трудно согласиться с автором относительно «обновленной версии». В книге «Прошлое в настоящем. Русско-тюркские культурные и языковые контакты» З.К. Сабитова отмечает, что так называемая евразийская специфичность тюркизмов представляет собой «энергетический, культурный симбиоз, вмещающий в себя смыслы, идущие от тюркского языка-источника, и смыслы, связанные с их функционированием в русском языке» [Сабитова 2007].

Таким образом, обзор литературы по предложенной тематике свидетельствует, что в лингвистике и исторической науке остается еще много нерешенных проблем, связанных с освещением вхождения тюркизмов в лексический фонд славянских языков.

Кроме лингвистов, к проблеме интерпретации памятников письменности обращались в разное время поэты, эссеисты, писатели. Так, появились работы О. Сулейменова [Сулейменов 1975], которые вызвали и до сих пор вызывают дискуссии, поскольку представляют собой сплав публицистики и авторской интерпретации текста памятника. Книги О. Сулейменова включают значительные биографические сведения и призывают к дискуссии и осмыслению различных периодов взаимодействия тюрков и славян. Несомненно, работы такого плана вызывают интерес у общественности, но требуют лингвистического анализа. В продолжении данной темы следует отметить публикации переводчика, казахстанского поэта, автора книг «Мир кочевья», «Наследие веков. Казахский этикет» Б.Г. Каирбекова, который дает семантико-этимологическое описание тюркских лингвокультур на материале древних источников [Каирбеков 2008; 2014].

Сегодня ученые задумываются над жанром трудов О.О. Сулейменова и Б.Г. Каирбекова и предлагают интерпретировать их как «история глазами поэта», что, в свою очередь, также способствует формированию новых подходов к раскрытию истории тюркских и славянских культур, описанию этимологии образов.

В последние годы появляется много работ, которые, на наш взгляд, носят публицистический и дискуссионный характер, поэтому в данной статье мы не

останавливаемся на них, но хотели бы привести слова известного академика Д.С. Лихачева, который отмечал важность знания методологии текстологического исследования: «Научная гипотеза требует, чтобы в ее пользу была высказана какая-нибудь аргументация и чтобы было учтено все, что так или иначе может ей противоречить. То же требование предъявляется, в общем, и к научной фантазии, если только эта научная фантазия имеет дело с фактами и памятниками...» [Лихачев 1976; 1978].

Важной стороной историографического обзора литературы по предлагаемой тематике является обращение к фундаментальным исследованиям тюркско-славянского языкового взаимодействия, опирающимся на методологию *лингвистического источниковедения (лингвоисторикологического)* и нашедшим применение в историко-лингвистическом направлении «Turco-Slavica».

Как известно, основоположником лингвистического источниковедения является российский ученый С.И. Котков [Котков 1980], а развитие его объясняется возросшим интересом к истории языка, к ряду нерешенных проблем исторического изучения языка и жизни народов, а также потребностью в публикации архивных источников в полном соответствии с рукописью. Как новое направление в науке, лингвистическое источниковедение возникло на стыке герменевтики и лингвистики и основывается на детальном, всестороннем анализе источников, начиная с факторов, сопровождавших появление текста. После его возникновения в середине XX в. оно стало активно разрабатываться и в казахстанской лингвистике. Как отмечают казахстанские ученые Н.Ж. Шаймерденова и З.Т. Сагитжанова, «задачи теоретического осмысления языка, освещения определенных моментов его современного состояния, а также в известной степени и прогнозирования развития требовали обращения к древним источникам» [Шаймерденова, Сагитжанова 1997].

Исследование любого текста как лингвистического источника с опорой на контекст эпохи, информационную содержательность и аутентичные тексты предполагает в качестве теоретико-методологической базы опираться на лингвистическое источниковедение. Это, в свою очередь, позволяет обратиться к новому исследовательскому аспекту – историческому сознанию, этноязыковому ландшафту в диахронии, что порой бывает крайне сложно описать с позиции современного человека. Здесь необходимо погружение в древние тексты, понимание состояния и восприятия древних книжников, переписчиков и писцов.

Таким образом, аутентичность анализа текстов возможна лишь при комплексном анализе исторического периода, геополитического пространства и результатов деятельности книжников. Вот именно данными факторами доказывається связь истории и лингвистики, в частности «историко-лингвистическая» обусловленность развития «Turco-Slavica», при которой через языковую единицу, историю слова определяются пути взаимодействия различных народов.

Заключение: проблемы и перспективы

Перспективы развития направления «Turco-Slavica» в Казахстане естественным образом связаны с проблемами науки в глобальном масштабе. Данные вопросы необходимо решать не на «местном», «частном» уровне, а в международ-

ных масштабах, объединив усилия ученых в решении глобальной проблемы – проблемы преемственности методологии исследования памятников письменности (тюркской и славянской), сохранения историко-лингвистического наследия ученых предшествующих эпох, непрерывного продолжения исследований с учетом имеющихся достижений исторической и филологической науки рубежа веков.

На наш взгляд, основные проблемы в «Turco-Slavica» в частности и, шире, при исследовании любых языковых контактов, рассматриваемых казахстанскими учеными, сегодня обусловлены прежде всего тем, что в современном билингвальном и полилингвальном контексте Казахстана наблюдается смена образовательных и научных (исследовательских) парадигм, которая связана с переходом на трехступенчатую подготовку кадров по Болонской системе: бакалавриат, магистратура, докторантура (Ph.D.). В данном случае происходят неизбежные изменения и пересмотр подготовки филологов по разным направлениям, в частности по тюркологии, алтаистике, славистике и другим направлениям, которые, конечно, требуют базовых знаний по историографии науки, методологии и персонологии.

В классификаторе специальностей послевузовского образования (магистратура и докторантура) отсутствуют такие шифры специальностей, как «Сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное языкознание», «Текстология», «Сравнительное литературоведение». К тому же, в связи с тем, что вузы Казахстана получили академическую свободу, а также нацелены на коммерциализацию научных результатов и инновационной продукции, каждая кафедра, выпускающая научно-педагогические кадры, самостоятельно определяет дисциплины для преподавания. Возможно, это правильное решение, но есть и другой человеческий фактор – процесс старения или оттока кадров, владеющих древними языками (древнегреческим, латинским, старославянским, чагатайским, древнетюркским, руническим письмом) и сравнительно-исторической грамматикой тюркских и славянских языков. В этой связи в результате отсутствия преподавателей по данным дисциплинам наблюдается постепенное сокращение часов по историко-лингвистическим дисциплинам на филологических факультетах.

Вместе с тем в вузах Казахстана открываются новые направления подготовки кадров и особый интерес вызывает подготовка магистров и докторов философии (Ph.D.) по специальности «Тюркология». Однако в перечне предметов отсутствуют академические курсы, имеющие предметную область в рамках «Turco-Slavica» (например, «Тюркско-славянские языковые контакты», «Сравнительная грамматика тюркских / славянских языков») и др. К тому же в силу «старения» кадров подготовленных выпускников по специальности «Тюркология», умеющих работать с редкими изданиями и с древними источниками, становится все меньше и меньше. Для современного стремительного технологического прорыва требуется изменить траекторию работы профессорско-преподавательского состава, а кропотливая работа, связанная с архивами, с фондами редких книг и древних актов, к сожалению, не находит должной финансовой поддержки и достойной оплаты. В перспективе подобные явления могут сказаться на качестве важной для Казахстана и многих стран предметной области, связанной с языковыми контактами, и требующей наличия высокопрофессиональных специалистов, владеющих фундаментальными знаниями и техникой сопоставления языков.

Таким образом, путь выпускника докторантуры в вузах в лучшем случае завершается защитой диссертации без продолжения научных изысканий, филологических поисков, верификации данных, доказательств и опровержений.

Также среди причин названных тенденций можно отметить и то, что для поступления в докторантуру требуется знание определенного уровня английского языка (IELTS 5.0). В результате докторантами специальностей «Тюркология», «Казахский язык и литература», «Русский язык и литература» стали выпускники с «небазовым» образованием из родственных социально-гуманитарных специальностей, но владеющие английским языком в рамках сдачи экзаменов при поступлении в докторантуру.

Еще одна проблема: отсутствие четкой концепции и государственной программы развития отечественной тюркологии и славистики, подготовки кадров в данной области. Недостаточно финансируются проекты, посвященные изучению языка памятников (тюркской и славянской) письменности, а также участие ученых Казахстана в международных симпозиумах и круглых столах для международного сотрудничества с учеными других стран.

В настоящее время «Turco-Slavica» в Казахстане развивается в трудах отдельных ученых по большей части исключительно из желания продолжать научные традиции или «дело учителя». Новые труды в данной области находятся в поле зрения только избранного круга ученых и не находят массового отклика или живой дискуссии по их содержанию. В целом, в пространстве Казахстана наблюдается разрозненность исследований отечественных ученых в «Turco-Slavica» и недостаточная координация между вузами и научно-исследовательскими институтами.

Вместе с тем данная проблема имеет глобальный характер – это свойственно для многих научных школ как в Казахстане, так и за его пределами. В первую очередь, это связано с утратой научных традиций и межпоколенческих связей. Во-вторых, с разрушением и потерей единого геополитического пространства с «союзными республиками», которое также обеспечивало как сходство научных традиций, так и функционирование единого научного пространства. Отметим, что в Казахстане с 2010 г. отменена обязательная рассылка автореферата диссертации в национальные библиотеки стран СНГ. Это означает, что ученые стран Содружества уже не имеют возможности ознакомиться с новыми исследованиями коллег из соседних государств. Таким образом, вполне естественно стал наблюдаться процесс распада не только единой государственной системы, но и, как следствие этого, изменение координации совместных действий ученых тюркологов и славистов, которые оказались замкнутыми по «национальным квартирам». В период перестройки нарушились, а затем практически полностью прекратились научные контакты, обмен литературой, научной информацией.

Ученые в рамках «Turco-Slavica» с различных позиций обращались к древним источникам, представляя свое видение и языковое чутье лингвистов и историков. Однако на современном этапе требуется серьезный подъем научных исследований в рамках «Turco-Slavica», повторное исследование памятников славянской и тюркской письменности будет способствовать выведению мировой науки на новый уровень.

Тюркологи и слависты Казахстана заинтересованы в продолжении традиционного и научного международного сотрудничества с родственными академиче-

скими институтами и вузами других стран, заинтересованы в сохранении традиционной методологии научных исследований, а также открыты для нового сотрудничества в рамках грантовых проектов и совместной подготовки кадров. Кроме того, сегодня крайне важны дискуссии ученых в области тюрко-славянского взаимодействия, иначе тюркология и славистика, языковые контакты, этимология и история слов все больше теряют научность, а наука теряет свою силу.

Литература

- Айдаров 1971 – *Айдаров Г.* Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. – Алма-Ата: Наука, 1971. {*G. Aidarov.* Language of Orkhon monuments of ancient Turkic writing of the 8th century. – Alma-Ata: Nauka, 1971.}
- Аманжолов 2008 – *Аманжолов А.С.* Греко-славянская азбука из Талгарского городища // Славянские и тюркские языки: грани взаимодействия: сб. научн. тр. по мат. Круглого стола. – Астана, 2008. – С. 7. {*A.S. Amanzholov.* Greco-Slavic alphabet from Talgar settlement // Slavic and Turkic Languages: Facets of Interaction: collection of scientific papers based on the materials of the round table. – Astana, 2008. – P. 7.}
- Аманжолов 2012 – *Аманжолов А.С.* Опыт изучения тюркских языков. – Астана: Фолиант, 2012. {*A.S. Amanzholov.* Experience in the study of Turkic languages. – Astana: Foliant, 2012.}
- Байманова 2010 – *Байманова Л.С.* Тюркизмы в лексической системе немецкого языка. – Кокшетау, 2010. – 173 с. {*L.S. Baimanova.* Turkisms in lexical system of the German language. – Kokshetau, 2010. – 173 p.}
- Баскаков 1974 – *Баскаков Н.А.* Тюркизмы в восточно-славянских языках. – М.: Наука, 1974. {*N.A. Baskakov.* Turkisms in East Slavic languages. – Moscow: Nauka, 1974.}
- Баскаков 1979 – *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. {*N.A. Baskakov.* Russian surnames of Turkic origin / Ed. by E.R. Tenishev. – Moscow: Nauka, Main Edition of Oriental Literature, 1979.}
- Баскаков 1985 – *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М., 1985. – 208 с. {*N.A. Baskakov.* Turkic vocabulary in the “Lay of Igor's Warfare”. – Moscow, 1985. – 208 p.}
- Баскаков 1995 – *Баскаков Н.А.* Я сделал все, что мог... (библиографический очерк 1930–1990). – Бишкек, 1995. – 16 с. {*N.A. Baskakov.* I did everything I could... (a bibliographic essay 1930–1990). – Bishkek, 1995. – 16 p.}
- Бурибаева 2009 – *Бурибаева М.А.* Тюркизмы на страницах древних книг (лексическая вариативность). – Астана: ИД «Сары-Арка», 2009. {*M.A. Buribayeva.* Turkisms on the pages of ancient books (lexical variation). – Astana: Sary-Arka Publishing House, 2009.}
- Бурибаева 2013 – *Бурибаева М.А.* Тюркские слова в русском языке как результат языковых контактов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 1 (22). – С. 99–105. {*M.A. Buribayeva.* Turkic words in Russian as a result of language contacts // Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. – 2013. – No. 1 (22). – PP. 99–105.}
- Бурибаева 2014 – *Бурибаева М.А.* Тюркизмы в русском языке: от вариантов к норме. – М.: Флинта–Наука, 2014. – 320 с. {*M.A. Buribayeva.* Turkisms in Russian: from options to the norm. – Moscow: Flinta–Science, 2014. – 320 p.}
- Каирбеков 2008 – *Каирбеков Б.Г.* Два могучих крыла Пегаса // I Межд. научно-метод. конф. «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы»: сб. ст. – М.: РУДН, 2008. {*B.G. Kairbekov.* Two powerful wings of Pegasus // 1st International Scientific Methodological Conference “Status and Prospects of Methods of Teaching Russian Language and Literature”: collection of articles. – Moscow: RUDN, 2008.}
- Каирбеков 2014 – *Каирбеков Б.Г.* Тюркский мир: божественные метаморфозы (Ак ене, Умай, Кемпир) // Славянская и тюркская письменность и культура в Евразийском пространстве: истоки, традиции, современность: сб. мат. Межд. круглого стола. – Астана, 2014. – С. 18. {*B.G. Kairbekov.* Turkic world: divine metamorphoses (Ak ene, Umai, Kempir) // Slavic and Turkic Writing and Cul-

- ture in the Eurasian Continent: Origins, Traditions, Modernity: collection of materials of academic round table. – Astana, 2014. – P. 18.}
- Кононов 1982 – *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. – Л.: Наука, 1982. – 360 с. {*A.N. Kononov.* History of the Study of Turkic Languages in Russia. Pre-October Period. – Leningrad: Nauka, 1982. – 360 p.}
- Котков 1980 – *Котков С.И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. – М.: Наука, 1980. – С. 5–16. {*S.I. Kotkov.* Linguistic source studies and the history of the Russian language. – Moscow: Nauka, 1980. – PP. 5–16.}
- Курьшжанов 1970 – *Курьшжанов А.К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века «Тюркско-арабского словаря». – Алма-Ата, 1970. {*A.K. Kuryshzhanov.* Study on the vocabulary of the Old Kypchak written monument of the 13th century “Turkic-Arabic Dictionary”. – Alma-Ata, 1970.}
- Курьшжанов 1973 – *Курьшжанов А.К.* Язык старокыпчакских письменных памятников XII–XIV века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1973. {*A.K. Kuryshzhanov.* Language of the Old Kypchak written monuments of the 13th–14th centuries: Ph.D. diss. abstract. – Alma-Ata, 1973.}
- Лихачев 1976 – *Лихачев Д.С.* Гипотезы или фантазии в истолковании темных мест «Слова о полку Игореве» // Звезда, 1976. – № 6. – С. 203–210. {*D.S. Likhachev.* Hypotheses or fantasies in interpreting of dark places of the “Lay of Igor’s Warfare” // *Star.* – 1976. – No. 6. – PP. 203–210.}
- Лихачев 1978 – *Лихачев Д.С.* Догадки и фантазии в истолковании текста «Слова о полку Игореве» (заблуждения О. Сулейменова) // Слово о полку Игореве и культура его времени. – Л.: Худож. лит., 1978. – С. 314. {*D.S. Likhachev.* Guesses and fantasies in interpreting of the text of “Lay of Igor’s Warfare” (O. Suleimenov’s misconceptions) // *Lay of Igor’s Warfare and the Culture of His Time.* – Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1978. – 314 p.}
- Махмудов 1943 – *Махмудов Х.Х.* Тюркизмы в языке русских памятников XI–XIV вв.: дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1943. {*Kh.Kh. Makhmudov.* Turkisms in the language of Russian monuments of the 13th–14th centuries: Ph.D. thesis. – Alma-Ata, 1943.}
- Махмудов 1989 – *Махмудов Х.Х.* Русско-казахские лингвостилистические взаимосвязи. – Алма-Ата: Наука, 1989. {*Kh.Kh. Makhmudov.* Russian-Kazakh linguostylistic relationships. – Alma-Ata: Nauka, 1989.}
- Мусатаева, Шеляховская 1991 – *Мусатаева М.Ш., Шеляховская Л.А.* Словообразовательный словарь тематических групп тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата, 1991. {*M.Sh. Musatayeva, L.A. Shelyakhovskaya.* Dictionary of thematic groups of Turkisms in Russian language. – Alma-Ata, 1991.}
- Мусатаева, Шеляховская 2006 – *Мусатаева М.Ш., Шеляховская Л.А.* Идеографический словарь тюркизмов в русском языке. – Алматы, 2006. {*M.Sh. Musatayeva, L.A. Shelyakhovskaya.* Ideographic dictionary of Turkisms in Russian language. – Almaty, 2006.}
- Насилов 2017 – *Насилов Д.М.* Николай Александрович Баскаков // Отечественные лингвисты XX века / Отв. ред. В.В. Потапов. – М.: Издат. дом. ЯСК, 2017. – С. 71. {*D.M. Nasilov.* Nikolay Alexandrovich Baskakov // *Domestic Linguists of the 20th Century* / Ed. by V.V. Potapov. – Moscow: YaSK Publishing house, 2017. – P. 71.}
- Олжас 2016 – Олжас и я. – М.: Худож.лит., 2016. – 448 с. {*Olzhas and I.* – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 2016. – 448 p.}
- Омиралиев 2010 – *Омиралиев Қ.* Көне түркі әдеби ескерткіштері туралы зерттеулер. [Исследования памятников древнетюркской литературы] – Алматы: Арыс, 2010. {*Q. Omiraliyev (Q. Omiraliyev).* Research on monuments of ancient Turkic literature. – Almaty: Arys, 2010. (In Kazakh).}
- Сабитова 2007 – *Сабитова З.К.* Прошлое в настоящем. Русско-тюркские культурные и языковые контакты. – Алматы: Қазақ университеті, 2007. – 320 с. {*Z.K. Sabitova.* The past in the present. Russian-Turkic cultural and linguistic contacts. – Almaty: Kazakh University, 2007. – 320 p.}
- Сабитова 2012 – *Сабитова З.К.* Двойная рефлексия тюркизмов в русском языке // Филология и культура. – 2012. – № 2. {*Z.K. Sabitova.* Double reflection of Turkisms in Russian // *Philology and Culture.* – 2012. – No. 2.}
- Сагдуллаев 1975 – *Сагдуллаев Д.С.* Тюркизмы в творческом контексте С.П. Бородин (на материале трилогии «Звезды над Самаркандом»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1975. – С. 5. {*D.S. Sagdullayev.* Turkisms in the creative context of S.P. Borodin (based on the material of the trilogy “Stars over Samarkand”): Ph.D. diss. abstract. – Alma-Ata, 1975. – P. 5.}

- Сауранбаев 1944 – *Сауранбаев Н.Т.* Семантика и функция деепричастия в казахском языке. – Алма-Ата, 1944. {*N.T. Sauranbayev. Semantics and the function of adverbial participles in Kazakh language. – Alma-Ata, 1944.*}
- Сауранбаев 1948 – *Сауранбаев Н.Т.* Система сложного предложения в казахском языке. – Алма-Ата, 1948. {*N.T. Sauranbayev. System of complex sentence in Kazakh language. – Alma-Ata, 1948.*}
- Словарь по языкознанию 1998 – Словарь по языкознанию / Под общ. ред. Э.Д. Сулейменовой. – Алматы: Ғылым, 1998. – С. 342. {*Dictionary on linguistics / Ed. by E.D. Suleimenova. – Almaty: Ghylym, 1998. – P. 342.*}
- Сулейменов 1975 – *Сулейменов О.* Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. – Алматы: Жазушы, 1975. {*O. Suleimenov. Az and I. Book of a well-meaning reader. – Almaty: Zhazushy, 1975.*}
- Туймебаев 2005 – *Туймебаев Ж.К.* Проблема анлаутных губных согласных в алтайских языках (ре-визия фонетического закона Рамштедта-Пеллио). – М., 2005. {*Z.K. Tuimebayev. The issue of anlaut labial consonants in Altai languages (revision of the phonetic law of Ramstedt-Pelliot). – Moscow, 2005.*}
- Туймебаев 2006 – *Туймебаев Ж.К.* Становление и развитие алтайской теории и алтаистики. – Туркiстан, 2006. {*Z.K. Tuimebayev. The formation and development of Altai theory and Altaistics. – Turkistan, 2006.*}
- Туймебаев 2008 – *Туймебаев Ж.К.* Теоретические принципы и критерии историко-генетического разграничения тюркско-монгольских лексических параллелей: дис. ... докт. филол. наук. – Астана, 2008. {*Z.K. Tuimebayev. Theoretical principles and criteria for the historical and genetic distinction of Turkic-Mongolian lexical parallels: Dr. Habil. thesis. – Astana, 2008.*}
- Тулеубаева 2010 – *Тулеубаева С.А.* Стратификация языковой личности аль-Фараби в сравнительно-исторической парадигме: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Астана, 2010. – С. 13. {*S.A. Tuleubayeva. Stratification of the linguistic personality of al-Farabi in a comparative historical paradigm: Dr. Habil. diss. abstract. – Astana, 2010. – P. 13.*}
- Туркология. История всемирной туркологии 2016 – Туркология. История всемирной туркологии: коллективная монография / Под ред. Ш.И. Ибраева, К.Н. Келимбетова. – Алматы: Раритет, 2016. – С. 10. {*Turkology. History of the world Turkology: a collective monograph / Ed. by S.I. Ibrayev, K.N. Kelimbetov. – Almaty: Raritet, 2016. – P. 10.*}
- Turco-Slavica 2011 – Turco-Slavica: язык, этнос, культура в едином пространстве: коллективная монография / Отв. ред. проф. Н.Ж. Шаймерденова. – Петропавловск: «Полиграфия», 2011. – 348 с. {*Turco-Slavica: language, ethnos, culture in a single space: a collective monograph / Ed. by N.Zh. Shaimerdenova. – Petropavlovsk: “Polygraphy”, 2011. – 348 p.*}
- Шаймерденова 1989 – *Шаймерденова Н.Ж.* Глоссы в письменных памятниках XI – нач. XVIII вв. как источник для русской исторической лексикологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – С. 16. {*N.Zh. Shaimerdenova. Glosses in written monuments of the 11th – beginning of the 18th centuries as a source for Russian historical lexicology: Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 1989. – P. 16.*}
- Шаймерденова 1997 – *Шаймерденова Н.Ж.* Глоссы как феномен текста. – Алматы: БОРКИ, 1997. – 156 с. {*N.Zh. Shaimerdenova. Glosses as a phenomenon of the text. – Almaty: BORKI, 1997. – 156 p.*}
- Шаймерденова 1998 – *Шаймерденова Н.Ж.* Экспликация семантики языковых единиц и лексикографические дефиниции: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Алматы, 1998. – 41 с. {*N.Zh. Shaimerdenova. Language unit semantics explication and lexicographic definitions: Dr. Habil. diss. abstract. – Almaty, 1998. – 41 p.*}
- Шаймерденова 2003а – *Шаймерденова Н.Ж.* Экспликация семантики лексических единиц. – Алматы: Қазақ университеті, 2003. – 150 с. {*N.Zh. Shaimerdenova. Lexical unit semantics explication. – Almaty: Kazakh university, 2003. – 150 p.*}
- Шаймерденова 2003б – *Шаймерденова Н.Ж.* Отражение тюркско-славянских контактов в глоссах памятников русской письменности // «Studia slavica. Kazakhstan»: доклады казахстанской делегации на XIII международном съезде славистов, Любляна, 15–21 авг. 2003 г. – Алматы, 2003. – Вып. 1. – С. 35–64. {*N.Zh. Shaimerdenova. Reflection of Turkic-Slavic contacts in glosses of monuments of Russian writing // “Studia slavica. Kazakhstan”: reports of the Kazakh delegation to the 13th International Congress of Slavists, Ljubljana, August 15–21, 2003. – Almaty, 2003. – Issue 1. – PP. 35–64.*}

-
- Шаймерденова 2018 – *Шаймерденова Н.Ж.* Глоссы как феномен текста. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2018. – 156 с. {*N.Zh. Shaimerdenova. Glosses as a phenomenon of the text. – 2nd ed., reprint. – Moscow: Flinta, 2018. – 156 p.*}
- Шаймерденова, Сагитжанова 1997 – *Шаймерденова Н.Ж., Сагитжанова З.Т.* Лингвистическое источниковедение. – Алматы, 1997. – С. 3. {*N.Zh. Shaimerdenova., Z.T. Sagitzhanova. Linguistic source studies. – Almaty, 1997. – P. 3.*}
- Шацкий 1990 – *Шацкий Е.* Утопия и традиция. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с. {*Ye. Shatsky. Utopia and tradition. – Moscow: Progress, 1990. – 456 p.*}
- Assmann 2006 – *Assmann A.* History, memory and the genre of testimony // *Poetics Today.* – 27 (2). – PP. 261–273. – URL: <https://doi.org/10.1215/03335372-2005-003>.
- Assmann 2008 – *Assmann A.* Transformations between history and memory // *Social Research.* – 75 (1). – P. 49. – URL: <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&site=eds-live&db=f5h&AN=32455564>.
- Shaimerdenova 2012 – *Shaimerdenova N.Zh.* Glosses in Russian manuscripts from the 11th to 18th centuries: a monograph. – London, 2012. – 132 p.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2022. № 3–4 (36–37), pp. 83–90. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 811.51

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-7

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО МОНГОЛЬСКОМУ И ТЮРКСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ, ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ В.И. РАССАДИНА

*Ханиса Чавдатовна Алишина*¹

¹ Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
доктор филологических наук, профессор, почетный член АН РТ
директор Центра тюркологии ТюмГУ
E-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

© ИЯз РАН, 2022

© Алишина Х.Ч., 2022

Для цитирования: *Алишина Х. Ч.* Международная научная конференция по монгольскому и тюркскому языкознанию, посвященная памяти В.И. Рассадина // *Российская тюркология*. 2022. № 3–4 (36–37). С. 83–90. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-7.

An international scientific conference on Mongolian and Turkic linguistics, dedicated to the memory of V.I. Rassadin

*Khanisa Ch. Alishina*¹

¹ Tyumen State University, Tyumen, Russia
Doctor of Philology, Professor, Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Director of the Center of Turkology of TSU
E-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

© IL RAS, 2022

© Alishina Kh. Ch., 2022

For citation: Alishina, Kh. Ch. 2022, An international scientific conference on Mongolian and Turkic linguistics, dedicated to the memory of V.I. Rassadin, *Russian Turkology*, 3-4 (36–37), pp. 83–90. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-7.

This is an open access article under the CC BY license

15–16 ноября 2022 г. на базе Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова совместно с Калмыцким государственным университетом им. Б.Б. Городовикова прошла Международная научная конференция по монгольскому и тюркскому языкознанию, посвященная памяти Валентина Ивановича Рассадина, первого заведующего кафедрой филологии Центральной и Восточной Азии (ныне кафедра филологии Центральной Азии), отмечающей свое 30-летие. Организатором конференции выступила кафедра филологии Центральной Азии Восточного института Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова. Конференция проводилась в режиме офлайн и онлайн на базе платформы ZOOM. В конференции приняли участие более 70 ведущих российских монголоведов и тюркологов и молодых ученых из НИИ и вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Тюмени, Уфы, Кызыла, Абакана, Читы, Элисты, а также зарубежные ученые из Монголии, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Неаполя, Венеции. Конференцию открыл директор Восточного института **В.А. Родионов**. С приветствиями к участникам обратились ректор БГУ им. Д. Банзарова **А.В. Дамдинов**, главный научный сотрудник, координатор проекта отдела языкознания ИМБТ СО РАН **Е.В. Сундуева**, директор Института калмыцкой филологии и востоковедения КалмГУ им. Б.Б. Городовикова **М.А. Лиджиев**, председатель Совета депутатов Окинского района Республики Бурятия **В.Г. Аюшеев**.

Основная цель конференции – анализ современных научных результатов в области монголоведения, тюркологии с позиций разных отраслей гуманитарного знания, в первую очередь это касается развития, изучения и функционирования монгольских и тюркских языков в современном мире, вопросов изучения исчезающих языков малочисленных народов России.

Актуальность данной проблемы определила выбор темы научного мероприятия, поскольку конференция явилась хорошей платформой для развития отечественного и международного сотрудничества: ученым были созданы условия для обмена результатами исследований, выявлялись тенденции научных исследований по научным направлениям, были привлечены молодые ученые к фундаментальным исследованиям по актуальным научным тематикам. Исследованию этих проблем посвятил свою творческую жизнь профессор В.И. Рассадин. Он впервые осуществил научное описание тофаларского языка и языка сойотов, благодаря чему удалось спасти эти два языка от исчезновения. Сохраняет актуальность

Выступает д.ф.н., профессор, вдова В.И. Рассадина
Светлана Менкеновна Трофимова

и задача исследования монгольских и тюркских письменных памятников, проведение этимологических изысканий в данной области. На Пленарном заседании были заслушаны доклады, посвященные анализу научной деятельности профессора В.И. Рассадина, – рассматривался как его вклад в изучение определенных языковых диалектов, так и в формулирование и решение общих проблем тюркологии и монголоведения: доклад С.М. Трофимовой (г. Элиста) на тему «О просветительской деятельности Рассадина В.И. и его “Картинный словарь сойотского языка”», Л. Болд (г. Улан-Батор) выступил с докладом «В.И. Рассадин – вершина монголоведения», Э. Рагагнин (Венеция) озвучила доклад на тему «Несколько замечаний об уйгуро-урянхайском языке», доклад С.А. Крылова (г. Москва) «О применении дистрибутивно-статистического подхода в сфере корпусной монголистики», П.П. Дашинимаева (г. Улан-Удэ) выступила с докладом «Глагольная аспектуальность как триггер методологии полидисциплинарности», доклад Б. Хабтагаевой (г. Неаполь) на тему «О разнообразии сартульского бурятского говора». Пленарные доклады излагались через призму научных взглядов В.И. Рассадина, подчеркивая его вклад в развитие идей тюрко-монгольской языковой общности, развитие и сохранение языка и письменности сибирских тюркских народов.

Представленные доклады – не только дань уважения имени Ученого, но и показатель любви к личности великого гуманиста, к человеку широкого дарования. На четырех секциях, которые работали по четырем направлениям: «Актуальные вопросы современной монгольской и тюркской филологии», «Вопросы грамматической и лексико-семантической типологии монгольских и тюркских языков», «Функционирование монгольских и тюркских языков в межкультурном пространстве», «Исследования монгольских и тюркских письменных памятников», был заявлен 71 доклад, заслушано 65 докладов.

Выступления вызвали живой отклик у слушателей, по всем докладам задавались вопросы. Широкий круг тем, которым были посвящены выступления и об-

суждения, отражает современный прогресс монгольской и тюркской филологии у нас в стране и за рубежом. Ряд затронутых в докладах вопросов имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение: отраженные в них результаты научных исследований, несомненно, найдут применение при преподавании различных тюркских и монгольских языков, при составлении словарей и других справочных изданий и будут в дальнейшем использоваться не только филологами, но также специалистами в области истории, этнографии и культурологии.

В дополнение можно отметить, что участники конференции подчеркнули необходимость расширения научных контактов и интеграционных проектов межрегионального и международного уровня в области тюрко-монгольских языковых и культурных контактов, что позволит расширить научные контакты, повысить научную эффективность гуманитарных исследований. Уяснение лингвистических и социокультурных процессов, происходивших и происходящих в регионах проживания тюркских и монгольских народов, способствует более глубокому пониманию их цивилизационной самобытности, духовных потребностей и способов вербального самовыражения, что в свою очередь определяет сбалансированность внутренней и внешней политики, проводимой Российской Федерацией.

В период работы конференции в Главном корпусе Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова прошло торжественное открытие мемориального кабинета имени доктора филологических наук, профессора, академика РАЕН, ветерана труда и войны, ветерана Сибирского отделения Академии наук, несовершеннолетнего узника фашистских концлагерей, выдающегося российского востоковеда, монголоведа, тюрколога, специалиста по сравнительно-исторической алтаистике и изучению монгольских и тюркских языков Сибири и Центральной-Азии, создателя письменностей для малочисленных тюркских народов – тофаларов и сойотов, прекрасного знатока культуры, этнографии и фольклора монгольских и тюркских народов, одного из основателей восточного факультета, организатора и первого заведующего кафедрой филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета, директора Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета Валентина Ивановича Рассадина.

Мероприятие открыла проректор по науке БГУ В.В. Номогоева, которая отметила, что открытие именных кабинетов уже стало доброй традицией в университете, подчеркнула особую роль Валентина Ивановича Рассадина в становлении востоковедения в университете. Почтить память профессора Рассадина прибыли делегации Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, Монгольского национального университета, Окинского района Республики Бурятия, Центра культуры коренных народов Прибайкалья (г. Иркутск), представители Тувинского института гуманитарных и прикладных исследований, Тувинского государственного университета, Кызылского президентского кадетского училища, а также первый ректор Бурятского государственного университета Степан Владимирович Калмыков и директор Центра культуры коренных народов Прибайкалья (г. Иркутск) Александр Андреевич Амазгаев.

На открытии именованного кабинета, посвященного профессору В.И. Рассадину, присутствовала его супруга Светлана Менкеновна Трофимова. В своем выступлении она отметила, что для Валентина Ивановича годы, отданные факультету,

Участники конференции в мемориальном кабинете им. В.И. Рассадина

кафедре, делу их становления и развития были самые счастливые в жизни, когда он общался с молодежью, передавал свои знания и умения, лично участвовал в воспитании новых поколений востоковедов, в том числе молодых ученых, кандидатов наук, смог передать кафедру в надежные молодые руки. Супругой были переданы в дар кабинету более 40 книг, автором которых является В.И. Рассадин. С воспоминаниями о Валентине Ивановиче как жизнерадостном, сильным духом, трудолюбивом человеке, любящем отца и семьянине выступили дочь Елена Валентиновна Алексеева, сын Игорь Валентинович Рассадин.

Коллективом кафедры филологии Центральной Азии к открытию именного кабинета, расположившегося в аудитории турецкого языка 8410, была подготовлена серия стендов о жизни, научном наследии, экспедиционной, педагогической деятельности В.И. Рассадина. На мероприятии прозвучали приветствия (см. Приложение 1) и теплые воспоминания коллег и учеников Валентина Ивановича.

Поступили предложения от члена Российского комитета тюркологов, доктора филологических наук, профессора Тюменского государственного университета Х.Ч. Алишиной установить памятник или бронзовый бюст создателю сойотской письменности профессору Рассадину Валентину Ивановичу в районном центре Окинском района, присвоить имя Валентина Ивановича Рассадина Сорокской сойотской школе-интернату.

На открытии кабинета были продемонстрированы фильмы о Валентине Ивановиче: Владимира Жарова «За гранью ... Валентин Рассадин» (БГТРК, 2006 г.)

и КалмГУ «Предначертано судьбой» (2019 г.). Научная библиотека подготовила выставку трудов великого ученого.

по материалам официального сайта Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова

Приложение

К ОТКРЫТИЮ МЕМОРИАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ В БУРЯТИИ

15 ноября 2022 г. на Международной научной конференции по монгольскому и тюркскому языкознанию в Бурятском государственном университете им. Д. Банзарова открылся мемориальный кабинет имени профессора Рассадина Валентина Ивановича, доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента РАЕН, основателя и первого заведующего кафедрой филологии Центральной Азии, отмечающей нынче свое 30-летие.

Для меня Валентин Иванович является примером безукоризненного служения науке и верности однажды выбранному пути.

Имя Валентина Ивановича широко известно на всем пространстве России и за ее пределами. Он родился в г. Пскове, учился на о. Сахалине, высшее образование получил в г. Ленинграде, аспирантуру окончил в г. Новосибирске, работал в г. Дархан Монгольской Народной Республики, в г. Улан-Удэ Республики Бурятия, в г. Элиста Республики Калмыкия. Имя профессора Рассадина известно во всем международном научном сообществе. Он постоянно поддерживал научные связи с учеными Монголии, Китая, Японии, Южной Кореи, Турции, Финляндии, Чехии, Польши, Венгрии, Германии, Франции, США, Австрии, Литвы.

В.И. Рассадин – крупнейший в мире специалист в области сравнительно-исторического монгольского и тюркского языкознания, известный исследователь малочисленных тюркских народов, языков и диалектов Саяно-Алтайского региона России и Монголии.

Общественное признание заслуг уважаемого ученого достойно отражено в его научных званиях и государственных наградах. Доктор филологических наук, профессор Валентин Иванович Рассадин – заслуженный деятель науки Российской Федерации, Республики Бурятия, Республики Калмыкия, передовик науки Монголии, член-корреспондент Российской академии естественных наук, почетный профессор Монгольского университета «Гурван эрдэни», «Заслуженный профессор Бурятского государственного университета», «Почетный доктор Академии наук Монголии», иностранный член-корреспондент Международного финно-угорского научного общества (Финляндия), член Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, «Почетный доктор Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук», награжден золотой медалью «Хубилай-хан» Академии наук Монголии, награжден серебряной медалью «За заслуги в развитии науки Республики Саха (Якутия)», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», награжден орденом Дружбы, орденом «Полярная звезда» Монголии, медалью «За вклад в развитие Калмыцкого государственного университета».

Мы будем помнить Валентина Ивановича как выдающегося педагога, создателя письменности для коренных бесписьменных малочисленных тюркских народов – сойотов и тофаларов, автора букварей, картинных и академических словарей, собственной педагогической методики, человека, сумевшего личным примером показать, как много может сделать для России преданный своему делу ученый.

Глубокая преданность науке, истинная порядочность, уникальная работоспособность Валентина Ивановича Рассадина являются примером для подражания тысячам молодых коллег и учеников.

Валентин Иванович прожил достойную жизнь. Мои воспоминания о профессоре В.И. Рассадине неразрывно связаны с его супругой Светланой Менкеновной, потому что они жили и работали вместе. Это была очень достойная пара. После того, как Валентина Ивановича не стало, ей одной досталось преодолеть неисчислимые трудности и преграды, много сил вложить для продолжения общего дела по сойотскому, тофаларскому, бурятскому, калмыцкому языкам. Соавторы С.М. Трофимова и В.И. Рассадин издали «Сойотский букварь», «Литературное чтение на тофаларском языке. 1 класс», «Литературное чтение на тофаларском языке. 2 класс», «Литературное чтение на тофаларском языке. 3 класс», «Литературное чтение на тофаларском языке. 4 класс», другие редкостные учебные пособия. И эта работа продолжается! Сегодня Светлана Менкеновна целенаправленно трудится над созданием учебника по сойотскому языку для детей, проживающих в с. Сорок Республики Бурятия.

Научное сообщество благодарно профессору Трофимовой Светлане Менкеновне за подготовку, организацию и проведение в 2019 г. Международной научной конференции, посвященной памяти Валентина Ивановича, 30-летию создания им тофаларской письменности и 20-летию создания сойотской письменности. Светланой Менкеновной была проделана колоссальная работа по изданию к началу форума «Русско-тофаларского детского разговорника», «Программы предварительного (добукварного) устного курса по развитию тофаларской речи». В том году были напечатаны большие монографии: «Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности», «Сложение пласта традиционной бытовой лексики монгольских языков (на примере халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков): сравнительно-исторический аспект». Десятки книг, в том числе сборник конференции «Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований», были подарены всем участникам юбилейного форума доктором филологических наук, профессором Светланой Менкеновной Трофимовой. В целом, у меня остались неизгладимые впечатления от щедрости калмыцкого народа, Калмыцкого государственного университета, его ректора Бадмы Катиновича Салаева, проректора Кермен Евгеньевны Бадмаевой, профессорско-преподавательского коллектива. Я полюбила Калмыкию на всю жизнь!

Большая часть жизни Валентина Ивановича прошла в Бурятии. Память об уникальном человеке и профессионале хранят стены ведущего вуза г. Улан-Удэ. «Колоссальная работоспособность. Фанатичная любовь к науке. Личных интересов для него не существует», – с такой характеристики начинались здесь первые шаги кандидата наук В.И. Рассадина. В Бурятском государственном университе-

те по-прежнему работают ученики и соратники великого российского ученого. Дитя войны, он сполна познал и голод, и холод... 51 кандидата и 6 докторов филологических наук выпестовал профессор Валентин Иванович Рассадин! Студенты университета по его трудам защищают дипломы, аспиранты пишут диссертации, на полках библиотеки хранятся его книги, в том числе выпущенные университетским издательством.

Человек – легенда. Сухие строки биографии профессора В.И. Рассадина заставляют особенно остро чувствовать, насколько фундаментальным и значимым он был не только для региона, но и для научного мира страны. Мы, тюркологи, боготворим имя великого ученого! Сегодня Вы открываете на кафедре филологии Центральной Азии именную аудиторию Валентина Ивановича Рассадина, она станет вашим вкладом в увековечение памяти выдающегося исследователя Азии, подчеркнет его роль в развитии филологического образования в Республике Бурятия. Это событие продиктовано вашим неутомимым желанием и верой, что Бурятский университет должен занять достойное место среди лучших вузов РФ. От всей души поздравляю вас, уважаемые коллеги, с этим знаменательным событием. Желаю вам дальнейших успехов и благополучия!

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2022. № 3–4 (36–37), pp. 91–94. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 811.51

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-8

ОТКРЫТИЕ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ В Г. ПЕНЗЕ В ЧЕСТЬ Э.Р. ТЕНИШЕВА

*Юлай Валиевич Псянчин*¹

¹ Государственное автономное учреждение «Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии» Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия
доктор филологических наук, профессор
ученый секретарь
e-mail: yulayps@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2022

© Псянчин Ю.В., 2022

Для цитирования: Псянчин Ю. В. Открытие мемориальной доски в г. Пензе в честь Э.Р. Тенишева // Российская тюркология. 2022. № 3–4 (36–37). С. 91–94. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-8.

Opening of the memorial plaque in Penza in honor of E.R. Tennishev

*Yulai V. Psyanchin*¹

¹ the State Autonomous Institution Bashkir Research Centre for Apitherapy and Beekeeping, Ministry of Agriculture of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
Ph.D. in philology, professor
scientific secretary
e-mail: yulayps@yandex.ru.

© IL RAS, 2022

© Yulai V. Psyanchin, 2022

For citation: Psyanchin, Yu. V. 2022, Opening of the memorial plaque in Penza in honor of E.R. Tennishev, *Russian Turkology*, 3-4 (36–37), pp. 91–94. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-8.

2022 год стал знаменательным для отечественной тюркологии: 25 апреля состоялась торжественная церемония открытия мемориальной доски выдающемуся советскому и российскому лингвисту-тюркологу, монголоведу, педагогу-просветителю, члену-корреспонденту Российской академии наук, заведующему Отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН в 1963–2004 гг., уроженцу г. Пензы, ученому с мировым именем Тенишеву Эдхяму (Эдгему) Рахи-

This is an open access article under the CC BY license

мовичу (1921–2004)¹. Символичным было то, что данное мероприятие прошло в день 101-летия Э.Р. Тенишева.

Год назад, 21–23 апреля 2021 г., в г. Пензе состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Языки культуры в контексте исторического наследия: к 100-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева» в рамках проекта «Первая Международная научно-практическая конференция “Пензенский регион: история и культура”», посвященная 100-летию со дня рождения Эдхяма Рахимовича Тенишева².

Организаторами конференции тогда выступили Правительство Пензенской области, Всемирный конгресс татар, Федеральная национально-культурная автономия татар, Региональная общественная организация «Татарская национально-культурная автономия Пензенской области», Региональная общественная организация «Общество татарских краеведов» Республики Татарстан, Региональная общественная организация краеведов Пензенской области, Пензенский государственный университет, Пензенский государственный аграрный университет.

По итогам конференции была принята резолюция, где в пункте 9 было отмечено, что «по завершении ремонта здания по адресу: г. Пенза, ул. Московская 74, установить памятную доску Э.Р. Тенишеву (по данному адресу ранее располага-

¹ Открытие мемориальной доски в честь Тенишева Эдхяма Рахимовича. – 25.04.2022. – URL: <https://penza.tatar/blog/25-04-2022/747.html> (дата обращения: 18.10.2022); В Пензе открыли мемориальную доску Эдгему Тенишеву. – 25.04.2022 – URL: <https://www.zspo.ru/pressroom/news/86713/> (дата обращения: 20.10.2022); В Пензе открыли мемориальную доску Эдгему Тенишеву. – 26.04.2022. – URL: https://www.penzainform.ru/news/social/2022/04/26/v_penze_otkrili_memorialnuyu_dosku_edgemu_tenishevu.html (дата обращения: 25.10.2022); В областном центре увековечили память об академике Российской академии естественных наук, докторе филологических наук, профессоре Эдгеме Тенишеве. – 26.04.2022. – URL: <https://penza.er.ru/activity/news/penze-otkrili-memorialnuyu-dosku-otechestvennomu-tyurkologu-edgemu-tenishevu> (дата обращения: 28.10.2022).

² Псянчин Ю.В., Мухамеджанова В.Ф., Самочкина Г.Х. Международная научно-практическая конференция «Языки культуры в контексте исторического наследия: к 100-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева» (Пенза, 21–23 апреля 2021 г.) // Российская тюркология. – 2001. – № 1–2 (30–31). – С. 108–121.

лась школа, в которой учился наш великий земляк). Соответствующее обращение направлено в Администрацию г. Пензы»³.

Мемориальная доска в честь Тенишева Эдхяма Рахимовича установлена при грантовой поддержке Правительства Пензенской области.

Место для нее выбрано неслучайно – это улица Московская, 74, где еще до войны располагалась школа № 2, в которой и учился будущий великий ученый-тюрколог.

Идейный вдохновитель и организатор мероприятия, председатель РОО «Татарская национально-культурная автономия Пензенской области» РОО Жиганша Зейнятуллович Туктаров обратился словами благодарности к Губернатору Пензенской области Олегу Владимировичу Мельниченко и добавил, что это первая мемориальная доска, посвященная татарину, уроженцу города Пензы.

На торжественном мероприятии присутствовали первый заместитель председателя правительства Пензенской области О.В. Ягов, председатель исполкома Всемирного конгресса татар Д.Ф. Шакиров, председатель Пензенской городской Думы В.Б. Мутовкин, глава Администрации г. Пензы А.Н. Басенко, члены РОО «Татарская национально-культурная автономия Пензенской области», председатели районных обществ татарской культуры, представители научного сообщества г. Пензы и регионов и религиозные деятели. От имени коллег и учеников Э.Р. Тенишева выступил представитель Башкортостана Ю.В. Псянчин. Во всех приветственных речах прозвучали искренние слова гордости за то, что Эдхям Рахимович всю свою сознательную жизнь достойно представлял свою родину – г. Пензу и Пензенскую область.

Первый заместитель председателя правительства Пензенской области Олег Ягов в своем выступлении подчеркнул большую роль в развитии отечественного тюркского языкознания уроженца г. Пензы. Ученый совершил три экспедиции по Центральной Азии, результатом которых стала публикация многочисленных исследований по тюркологии. Профессор является автором почти 300 научных работ, переведенных на китайский, турецкий, немецкий, итальянский и французский языки. Эдгем Рахимович внес большой вклад в развитие культуры родного края в составе Совета Лермонтовского гуманитарного фонда «Тарханы», татарского общества «Якташлар». При его содействии создавалась Пензенская энциклопедия.

³ Там же, с. 119.

Право открытия мемориальной доски было предоставлено первому заместителю председателя правительства Пензенской области О.В. Ягову, заместителю председателя Законодательного собрания Пензенской области В.В. Полукарову, председателю РОО «Татарская национально-культурная автономия Пензенской области» РОО Ж.З. Туктарову и ученику Э.Р. Тенишеву, представителю гуманитарной науки Башкортостана, доктору филологических наук, профессору Ю.В. Псянчину.

После этого мероприятия участники посетили Администрацию г. Пензы.

Татарская национально-культурная автономия Пензенской области провела первый масштабный *ифтар* (традиционный ужин для постящихся во время священного месяца Рамадан) с участием: первого заместителя председателя правительства Пензенской области О.В. Ягова, председателя исполкома Всемирного конгресса татар Д.Ф. Шакирова, главы г. Пензы В.Б. Мутовкина, главы Администрации г. Пензы А.Н. Басенко, имамов и муфтиев Пензенской области, Саратовской области, главы Духовного управления мусульман Поволжья, муфтия Саратовской области М.А. Бибарсова, представителей татар Пензенской области, занятых в сфере бизнеса и общественно-политической деятельности.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2022. № 3–4 (36–37), pp. 95–100. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 16

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-9

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ЗЫЛЫХА БАКЫЕВНА МУХАМЕДОВА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

*Аманмухаммет Нурмухаммедов*¹

¹ Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули
АН Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан
кандидат филологических наук, главный научный сотрудник

© ИЯз РАН, 2022

© Нурмухаммедов А., 2022

Для цитирования: Нурмухаммедов А. Зылыха Бакыевна Мухамедова (к 100-летию со дня рождения) // Российская тюркология. 2022. № 3–4 (36–37). С. 95–100. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-9.

Zylyha Bakyyevna Muhamedova (to her 100th anniversary)

*Amanmuhammet Nurmuhamedov*¹

¹ Magtymguly Institute of Language, Literature, and National Manuscripts,
Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashkhabad, Turkmenistan
Ph.D. in Philology, Chief Researcher

© IL RAS, 2022

© Nurmuhamedov A., 2022

For citation: Nurmuhamedov, A. 2022, Zylyha Bakyyevna Muhamedova (to her 100th anniversary), *Russian Turkology*, 3-4 (36–37), pp. 95–100. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-9.

Наверняка есть желающие узнать о том, кто из числа туркменских женщин в первые годы советского периода проявил огромное желание получить образование и посвятить свою жизнь науке, а также стал одной из первых, получивших ученую степень в Туркменистане. Задумавшись об этом, я вспомнил о Зылыхе Бакыевне Мухамедовой, первой получившей ученую степень в области языкознания и, впоследствии, покорившей новые научные высоты. Жизненный и творческий путь этой смелой и трудолюбивой туркменской девушки по праву может стать

This is an open access article under the CC BY license

примером для молодого поколения. Поэтому я посчитал должным познакомить уважаемых читателей с ее научным творчеством и пройденным жизненным путем.

З.Б. Мухамедова родилась 9 января 1922 г. в с. Мулькюсуп Векильбазарского района Марыйской области. Ее отец Баки Мухамедов (1899–1938) был образованным человеком и работал в государственных и партийных органах [Мухиев, Куренов 1988: 24–25; Оразова 1980: 587].

Она начала учиться в семилетней школе им. И.С. Тургенева Иолотанского района, затем продолжила обучение в средней школе № 18 г. Ашхабада и окончила ее в 1938 г. 1938-й стал для нее самым трудным годом: она потеряла отца и мать и осталась сиротой. В период с 1938 по 1941 гг. девочка получает высшее образование, отучившись на факультете языка и литературы Туркменского государственного педагогического института им. А.М. Горького. После окончания института Зылыха там же начинает свой трудовой путь в должности заведующей кафедрой литературы. В 1945 г. интересующаяся наукой девушка поступает в аспирантуру Института языков и письменностей народов СССР Академии наук СССР. Будучи еще в возрасте 26 лет, она под руководством проф. Н.К. Дмитриева готовит диссертацию на тему «Язык Астрабадской рукописи дивана Махтумкули», а в 1948 г., успешно защитив ее на ученом совете Института языкознания Академии наук СССР, удостоивается ученой степени кандидата филологических наук. В 1948–1949 гг. молодой ученый работала старшим научным сотрудником в Институте национальных школ Академии педагогических наук в г. Москве.

В период с 1949 г. до конца своей жизни (1984 г.) З.Б. Мухамедова работала в Институте языка и литературы Академии наук Туркменистана на различных должностях, как:

- заведующий отделом современного туркменского языка;
- заведующий отделом истории языка;
- заведующий отделом рукописей;

– в 1973–1984 гг. старший научный сотрудник отдела истории и диалектологии туркменского языка [Мухиев, Куренов 1988: 24–25].

В июне 1951 г. произошла большая историческая перемена в научно-культурной жизни Туркменистана. Туркменский филиал Академии наук СССР был преобразован в Академию наук Туркменской ССР и был избран состав ее академиков и членов-корреспондентов. Именно тогда Зылыхе Мухамедовой оказывается большое доверие, и ее также избирают членом-корреспондентом Академии наук ТССР.

Далее хотелось бы остановиться на описании профессиональной деятельности ученого в последние годы и проведенных ею больших исследованиях в области науки и культуры. Одной из первых работ молодого ученого после прихода в Академию наук Туркменистана стало ее активное участие в составлении объемного «Русско-туркменского словаря», изданного в г. Москве в 1956 г. В этом словаре она составила список русских слов, начинающихся с букв «А, И, М, Н, П, Р, С» и разработала туркменские значения этих слов. Таким образом, З.Б. Мухамедова внесла значительный вклад в издание качественного словаря. Здесь будет уместным сказать, что данный труд стал одним из настольных словарей, используемых туркменскими ученым на протяжении семидесяти лет.

Продолжая свои научные исследования, в 1969 г. З.Б. Мухамедова успешно защитила свою докторскую диссертацию [Мухамедова 1969], подготовленную на русском языке, на ученом совете Института языкознания АН СССР на тему «Исследования по истории туркменского языка XI–XIV вв. по данным арабоязычных филологических сочинений (тюркские языки)» и получила степень доктора филологических наук. Впоследствии этот труд был издан издательством «Ылым» тиражом в 1000 экземпляров под названием «Исследования по истории туркменского языка XI–XIV вв.» и распространен среди читателей [Мухамедова 1973]. Можно познакомить читателей с некоторыми моментами содержания этой книги.

На первых страницах книги приводятся краткие сведения об ученых X–XIV вв., творивших на арабском языке: М. Кашгари, Челеби, Мустафе сына Абдуллаха (Абдуллах оглы Мустафа), Абу Хаййане и других; их личностях, высказанных мнениях о туркменах. В разделе «Лексика» этой работы приводятся личные имена, встречающиеся в рукописях X–XIV вв. (*Aýhan, Günhan, Deňizhan* и т. д.); слова, обозначающие родство (*ata, ene, kaýun, karyndaş, baldyz, ogul, kyz, ögeý, baja*); существительные, используемые в астрономии (*Aý* ‘луна’, *Gün* ‘солнце’, *Zöhre ýyldyz* ‘Венера’, *Myrnyh ýyldyz* ‘Марс’, *Ýedigen* ‘Большая Медведица’, *Temirgazyk ýyldyz* ‘Полярная звезда’); а также названия, обозначающие род и племя (*çawdyr, kaýu, afşar, baýat, eýmir, ýazgyr, igdir, beçenek* и т. д.), и даются пояснения к ним.

Большую часть книги З.Б. Мухамедовой занимает составленный в алфавитном порядке словарь из около 800 туркменских слов, собранных из древних сочинений, которым даются обширные пояснения. В своей книге ученый отмечает, что «нет сомнения в том, что языки внешних народов не смогли сильно повлиять на изменение состава языков огузов, проживавших в Центральной Азии. Туркменский язык сформировался на основе языков огузских и кипчакских племен» [Мухамедова 1973: 205–210].

З.Б. Мухамедова была многосторонним и эрудированным ученым. Она интересовалась не только историей туркменского языка, но и занималась переводами произведений с туркменского на русский язык и наоборот. У нее есть много до-

стойных похвалы трудов в этой сфере, и об этом свидетельствуют нижеследующие работы. В 1948 г. был издан роман известного туркменского писателя Берды Кербабаяева «Решающий шаг», перевод которого с туркменского на русский язык сделала З. Мухамедова совместно с А. Садовским. Она также отредактировала и подготовила предисловие к туркменскому переводу поэмы А.С. Пушкина «Евгений Онегин», сделанному туркменскими поэтами Маммедом Сеидовым и Анна Ковусовым. Ученый стала одним из активных переводчиков на туркменский язык произведений видных писателей и поэтов русской литературы, таких как Пушкин, Некрасов, Гоголь, Крылов, Чехов, и на русский язык стихотворений туркменских классических поэтов Махтумкули, Кемине, Молланепеса, Зелили. Она также является автором нескольких статей о качестве таких переводов – здесь можно вспомнить труд ученого по переводу на русский язык древнего произведения «Огузнаме» Салыра-баба. Около 150 статей, связанных с вышеупомянутыми работами ученого, были опубликованы в передовых журналах, таких как: «Известия» АН ТССР, российских «Советская тюркология», «Вопросы языкознания», «Советское востоковедение», «Народы Азии и Африки» [Diçiler 2019: 587–589].

Опубликованные научные работы З.Б. Мухамедовой можно разделить на нижеследующие пять основных направлений:

- 1) переводы на туркменский язык произведений писателей и поэтов русской классической литературы;
- 2) переводы на русский язык произведений туркменской литературы;
- 3) сбор, фиксация, описание и разъяснение значений слов, принадлежащих исторической лексике туркменского языка;
- 4) проведение научно-исследовательских работ по истории туркменского языка;
- 5) подготовка ученых кадров в области лингвистики.

Свидетельством достойной работы, проведенной З.Б. Мухамедовой по подготовке ученых-языковедов, являются защиты под ее научным руководством кандидатских диссертаций Э. Каджаровой [Каджарова 1964], Д. Мамедкулыевым [Мамедкулыев 1965], А. Кулиевым [Кулиев 1967], О.С. Оразовой [Оразова 1980], а также в качестве доктора наук ее научные рецензии на некоторые диссертации в роли официального оппонента [Абдрахманова 1972; Нурмухаммедов 1974]. Здесь можно упомянуть, что Зылыха Бакиевна до конца жизни поддерживала контакты и всегда с благодарностью относилась к своим учителям и коллегам, видным российским тюркологам Н.К. Дмитриеву, Э.Р. Тенишеву, Н.А. Баскакову, Е.В. Севортяну, Э.А. Груниной, Л.С. Левитской.

У З.Б. Мухамедовой была также большая авторитетная семья. Став мамой, она воспитала и вырастила одного сына и двух дочерей. Ее супруг Сапар Ахаллы Энсари – известный туркменский ученый-лингвист и литературовед. Мы верим, что имя члена-корреспондента АН Туркменистана, доктора филологических наук З.Б. Мухамедовой будет всегда упоминаться в научно-культурных кругах среди других имен выдающихся ученых.

Литература

Абдрахманова 1972 – *Абдрахманова М.* Устойчивые словосочетания с числительными в туркменском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1972. {*M. Abdrahmanova.* Collocations with numerals in the Turkmen language: Ph.D. diss. abstract. – Ashkhabad, 1972.}

- Каджарова 1964 – *Каджарова Э.* Прошедшее время изъявительного наклонения в письменных памятниках туркменского языка XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1964. {*E. Kadzharova.* The past tense of indicative mood in monuments of writing of the Turkmen languages of the 18th–19th centuries: Ph.D. diss. abstract. – Ashkhabad, 1964.}
- Кулиев 1967 – *Кулиев А.* Термины родства в туркменском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1967. {*A. Kuliyeu.* Kinship terms in the Turkmen language: Ph.D. diss. abstract. – Ashkhabad, 1967.}
- Мамедкулыев 1965 – *Мамедкулыев Д.* Языковые особенности дестана «Шасенем и Гарип»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1965. {*D. Mamedkulyyev.* Linguistic peculiarities of the “Shasenem and Garyp” dastan: Ph.D. diss. abstract. – Ashkhabad, 1965.}
- Мухамедова 1948 – *Мухамедова З.Б.* Язык Астрабатских рукописей дивана Махтумкули. – М., 1948. {*Z.B. Muhamedova.* The language of Astrabad manuscripts of Magtymguly’s diwan. – Moscow, 1948.}
- Мухамедова 1969 – *Мухамедова З.Б.* Исследования по истории туркменского языка XI–XIV вв. по данным арабоязычных филологических сочинений (Тюркские языки – 665): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1969. {*Z.B. Muhamedova.* Research on history of the Turkmen language of the 11th–14th centuries according to data of philological works, written in Arabic (The Turkic languages – 665): Dr. Habil. diss. abstract. – Moscow, 1969.}
- Мухамедова 1973 – *Мухамедова З.Б.* Исследования по истории туркменского языка XI–XIV вв. – Ашхабад: «Ылым», 1973. {*Z.B. Muhamedova.* Research on history of the Turkmen language of the 11th–14th centuries. – Ashkhabad: “Ylym”, 1973.}
- Мухиев, Куренов 1988 – *Мухиев Х., Куренов С.* Туркмен дилчилери. [Туркменские языковеды.] – Ашгабат: «Магарыф», 1988. {*H. Muhiyev, S. Kurenov.* The Turkmen linguists. – Ashkhabad: “Magaryf”, 1988. (In Turkmen.)}
- Нурмухаммедов 1974 – *Нурмухаммедов А.* Фрикативные согласные звуки в туркменском языке (эксп.-фон. иссл.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1974. {*A. Nurmuhammedov.* Fricative consonants in the Turkmen language (an experimental research in phonetics and phonology): Ph.D. diss. abstract. – Ashkhabad, 1974.}
- Оразова 1980 – *Оразова О.С.* Туркменская лексика в произведениях русских писателей Туркменистана: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1980. {*O.S. Orazova.* Turkmen vocabulary in works of Russian writers of Turkmenistan: Ph.D. diss. abstract. – Ashkhabad, 1980.}
- Dilçiler 2019 – *Türkiye dışındaki türk dünyası türkologları. Dilçiler.* [Тюркологи тюркского мира за пределами Турции. Языковеды.] – Ankara: Akçağ, 2019. {*The Turkologists of Turkic World (outside Turkey/Türkiye). The Linguists.* – Ankara: Akçağ, 2019. (In Turkish.)}

Список основных печатных трудов З.Б. Мухамедовой

- Б. Кербабаев.* Роман «Решающий шаг». – Художественный перевод (сопереводачик А. Садовский). – 1948. – 43 п.л. {*B. Kerbabayev.* “Decisive move”. A Novel. – Translated from Turkmen (co-translator: A. Sadovsky). – 1948. – 43 printer’s sheets.}
- «Медный всадник». А.С. Пушкин в туркменском переводе. – № 2. – Ашхабад: Туркменский филиал АН СССР, 1950. – 1,2 п.л. {“The Bronze Horseman” by A.S. Pushkin in Turkmen translation. – No. 2. – Ashkhabad: Turkmen branch of the Academy of Sciences of USSR, 1950. – 1,2 printer’s sheets.}
- Туркменские народные сказки Марыйского региона. (Ред.) – М.–Л., 1954. – 10,5 п.л. {The Turkmen fairy tales of Mary region. (Ed.) – Moscow–Leningrad, 1954. – 10,5 printer’s sheets.}
- Аннануров А.* Вопросы синтаксиса в плане перевода с русского на туркменский язык. (Ред.) – Ашхабад: Туркменгосиздат, 1956. {*A. Annanurov.* Issues of syntax in translation from Russian into Turkmen. (Ed.) – Ashkhabad: Turkmen State Publishing House, 1956.}
- К вопросу о личной ономастике у туркмен // Труды ИЯЛИ АН ТССР. – 1957. – Вып. II. – 1 п.л. {On the issue of Turkmen onomastics // Works by the Language and Literature Institute of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR. – 1957. – Issue 2. – 1 printer’s sheet.}
- Русско-туркменский словарь. (Составитель букв «А, И, М, Н, П, Р» и части статей на букву «С», один из редакторов) – М., 1956. – 90,2 п.л. {Russian-Turkmen Dictionary. (Compiled words begin-

- ning with Russian letters «А, И, М, Н, П, Р» and (partly) beginning with the letter «С», one of the editors) – Moscow, 1956. – 90,2 printer’s sheets.}
- Исследования по истории туркменского языка XI–XIV вв. – Ашхабад: изд. Ылым, 1973. – 14 п.л. {Research on history of the Turkmen language of the 11th–14th centuries. – Ashkhabad: “Ylym”, 1973. – 14 printer’s sheets.}
- Исследования по истории туркменского языка XI–XIV вв. по данным арабоязычных филологических сочинений (Тюркские языки – 665): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1969. {Research on history of the Turkmen language of the 11th–14th centuries according to data of philological works, written in Arabic (The Turkic languages – 665): Dr. Habil. diss. abstract. – Moscow, 1969.}
- Опыт исследования числительных в историческом плане // Türkmen diliniň taryhyndan derňew. [Исследования по истории туркменского языка.] – Ашхабад: «Ылым», 1973. – 3 п.л. {Experience of research on numerals from historical perspective // Compilation of studies on the history of the Turkmen language. – Ashkhabad: “Ylym”, 1973. – 3 printer’s sheets.}
- Пушкин А.С. «Евгений Онегин», перевод на туркменский язык А. Ковусова и М. Сейидова. (Предисловие, редактирование перевода, перевод примечания А.С. Пушкина, словарь) – Ашхабад: «Туркменистан», 1974. {“Eugene Onegin” by A.S. Pushkin, translated into Turkmen by A. Kovusov and M. Seyidov. (Foreword, editing, translation of notes by A.S. Pushkin, vocabulary) – Ashkhabad: “Turkmenistan”, 1974.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2022. № 3–4 (36–37), pp. 101–109. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 929

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-10

ВКЛАД Н.Ф. КАТАНОВА В ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И БЫТА КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

*Валентина Николаевна Тугужекова*¹

¹ Южно-Сибирский филиал Института истории материальной культуры РАН, г. Абакан, Россия

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия

профессор

E-mail: vtuguzhekova@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2022

© Тугужекова В.Н., 2022

Аннотация: В востоковедении Н.Ф. Катанов известен как ученый-энциклопедист. Широкий диапазон его интересов: язык, литература, фольклор, история, археология, этнография, нумизматика, музееведение... Область его научных интересов соприкасалась не только с историей и культурой тюркоязычных, но и славянских, угро-финских, китайского, японского, арабского, персидского и индийских народов. Он владел почти всеми европейскими языками, многими восточными, знал также древние и мертвые классические языки, свободно читал тюркские руны, шумерскую клинопись, египетские и китайские иероглифы, санскритское письмо, арабскую вязь, древнеуйгурскую и арамейскую графику. Биографы Н.Ф. Катанова сообщают, что он в своих трудах использовал данные 113 языков народов мира.

Н.Ф. Катанов – яркое свидетельство развития в России тюркологической науки и национальных гуманитарных исследований. Феномен его личности и наследия в истории отечественного востоковедения и культуры народов России активно стал изучаться в последние годы. Статья приурочена к 160-летию юбилею ученого.

Ключевые слова: Катанов, востоковедение, тюркология, Аскиз, Красноярск, Петербург, университет, путешествие, народы, Сибирь.

Для цитирования: Тугужекова В.Н. Вклад Н.Ф. Катанова в изучение культуры и быта коренных народов Южной Сибири // Российская тюркология. 2022. № 3–4 (36–37). С. 101–109. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-10.

N.F. Katanov's contribution to culture and everyday life study of indigenous peoples of South Siberia

*Valentina N. Tuguzhekova*¹

¹ South Siberian branch of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Abakan, Russia

Dr. Habil. in History, Leading Researcher

This is an open access article under the CC BY license

Katanov Khakassian State University
Professor
E-mail: vtuguzhekova@yandex.ru

© IL RAS, 2022

© Tuguzhekova V.N., 2022

Abstract: In the field of Oriental studies N.F. Katanov is well known as polymath. His range of interests was extremely wide: language, literature, folklore, history, archeology, ethnography, numismatics, museology... The sphere of his scientific interests was not only in history and culture of Turkic-speaking peoples, but also Slavic, Finno-Ugric, Sinitic, Japanese, Arabic, Persian, and Hindustani ethnic groups. He mastered almost all the languages of Europe, many Oriental languages, as well as extinct ancient languages; read fluently the Turkic runes, as well as writing systems used in Sanskrit, Arabic, Old Uyghur, and Aramaic. N.F. Katanov's biographers noted that he used the data of 113 languages of the world in his work.

N.F. Katanov's life is an evidence of progress in the field of Turkology and national humanity studies in Russia. The phenomenon of his personality and heritage in the history of Russian Orientalistics is under research, especially during the last years.

Key words: Katanov, Oriental studies, Turkology, Askiz, Krasnoyarsk, Saint Petersburg, university, trip/journey/travel/expedition, peoples/ethnic groups, Siberia. The article is dedicated to the 160th anniversary of the scientist.

For citation: Tuguzhekova, V.N. 2022, N.F. Katanov's contribution to culture and everyday life study of indigenous peoples of South Siberia, *Russian Turkology*, 3-4 (36–37), pp. 101–109. DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-10.

В мае 2022 г. научная общественность Хакасии отметила 160-летие со дня рождения хакасского ученого Николая Федоровича Катанова. В г. Абакане в ХГУ им. Н.Ф. Катанова прошла научная конференция, посвященная этой знаменательной дате. В сентябре 2022 г. в г. Красноярске в рамках Исторического форума «Народы Сибири и Дальнего Востока» работала секция «Николай Федорович Катанов – выдающийся российский востоковед (к 160-летию со дня рождения)».

Научная и педагогическая деятельность Н.Ф. Катанова весьма разнообразна. Известный российский тюрколог Г.И. Исхаков писал: «Если ученые тюркологивостоковеды О. Бетлинк, А.М. Кастрен, В.В. Радлов, И.Н. Березин и другие заложили фундамент востоковедения в России, то профессор Н.Ф. Катанов своим самоотверженным трудом, путем тщательного изучения и многолетних исследований языка, культуры народов Востока обогатил эту науку новыми данными в области лингвистики, истории, археологии и этнографии и тем самым встал в ряд крупнейших ученых мира» [Исхаков 1964: 70].

Николай Федорович Катанов родился 6 (18) мая 1862 г. в степной местности Изюм (Узюм) в 17 км от с. Аскиз на левом берегу реки Абакан.

Позднее в автобиографии он писал: «Отец мой был татарин племени Сагай, а мать татарка племени Каш, колена Пюрют, отец по профессии был улусный писарь своего племени» [Кызласов 2001: 14]. Н.Г. Доможаков в своем докладе, посвященном 95-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова, отметил, что родился Николай Федорович от качинки Чаптыковой (Кизековой) и сагайца Федора Катанова [Доможаков 1958: 6]. С.Н. Иванов тоже считал, что девичья фамилия матери Н.Ф. Катанова была Чаптыкова [Иванов 2003: 41].

Детские годы Н.Ф. Катанова прошли в с. Аскиз. После смерти родителей он остался на попечении своего дяди Ефима Семеновича Катанова. Е.С. Катанов работал учителем в Аскизской школе и одновременно работал с 1874 г. письмоводителем Степной думы [Очерки 2008–2009: 13].

В Аскизе Н.Ф. Катанов учился в местной школе, а в августе 1876 г. отправился на лодке по Енисею в г. Красноярск. Здесь он поступил в Красноярскую классическую гимназию.

Все восемь лет учебы в гимназии Николай Катанов писал одной ручкой и одним пером, которые очень берег, а свой ученический пенал хранил до конца жизни [Очерки 2008–2009: 16, 17].

В гимназии он слыл талантливым, аккуратным, добросовестным учеником. В 1894 г. Н.Ф. Катанов заканчивает с золотой медалью гимназию и едет в г. Петербург для продолжения образования. В августе 1894 г. он поступает в Петербургский университет на восточный факультет.

Следует отметить, что учеба на факультете восточных языков впоследствии сыграла важную роль в формировании научных интересов будущего ученого. В университете Н.Ф. Катанов вместе с другими студентами разряда арабо-персидско-турецко-татарской словесности изучал широкий комплекс востоковедных и общегуманитарных дисциплин, в числе которых следует назвать арабский, персидский и «турецкие» (тюркские) языки – живые (татарский, башкирский, казахский, османский) и мертвые (чагатайский), историю и литературу тюркских народов, русскую историю и словесность, историю Востока, мусульманское право [Иванов 2003: 15].

Н.Ф. Катанов уже в студенческие годы отличался трудолюбием, любознательностью и настойчивостью. Будучи студентом, помимо посещения учебных

занятий Н.Ф. Катанов самостоятельно занимался у академика В.В. Радлова по турецко-татарским наречиям, у профессора В.П. Васильева – по истории народов Востока. Особо следует отметить роль В.В. Радлова в формировании Н.Ф. Катанова как исследователя тюркских языков.

На будущие воззрения и научные интересы Н.Ф. Катанова повлияли и «четверги» на квартире Н.М. Ядринцева, на которых бывали известные литераторы, общественные деятели: В.М. Семевский, Г.Н. Потанин, В.В. Радлов, М.В. Певцов, В.П. Острогорский, Д.Н. Мамин-Сибиряк и др. Общение в кругу этих людей, несомненно, способствовало возникновению его интереса к исследованию истории и быта народов Сибири.

Университет Н.Ф. Катанов окончил вполне сложившимся ученым.

После окончания Петербургского университета молодого специалиста Академия наук направляют в сложную и длительную экспедицию в Сибирь и Восточный Туркестан (1888–1892).

Эта экспедиция по значимости и сбору общегеографических, лингвистических и историко-этнографических материалов стоит в ряду известных путешествий в Среднюю Азию, Монголию, Сибирь и Восточный Туркестан, осуществленных во второй половине XIX – начале XX вв. Как известно, среди участников этих масштабных по научной и культурной значимости экспедиций были Ч.Ч. Валиханов, Г.Н. Потанин, Н.М. Пржевальский, братья Г.Е. и М.Е. Грумм-Гржимайло, В.И. Роборовский, В.В. Радлов, П.И. Лерх, В.А. Обручев, П.К. Козлов, Г.Н. Цыбиков, Н.И. Веселовский, В.В. Бартольд, В.А. Жуковский, К.Г. Залеман и др. В период своего путешествия и в дальнейшем Н.Ф. Катанов постоянно обращался к этим и другим опубликованным материалам, посвященным географии, истории, этнографии и культуре народов Центральной Азии [Валеев, Тугужекова 2011: 14].

В декабре 1888 г. Николай Катанов выехал из г. Санкт-Петербурга в Сибирь. 19 января 1889 г. он прибыл в г. Красноярск, позднее – в г. Минусинск и с. Аскиз.

Первая его экспедиция была совершена в Урянхайский край. Из г. Минусинска он выехал 7 марта 1889 г. Подробный маршрут своего путешествия «с целью исследования быта и языка урянхайцев» Н.Ф. Катанов описал в своем письме В.В. Радлову. Основными пунктами своих экспедиционных разъездов он избрал 14 торговых заведений русских купцов, расположенных в бассейне рек Турана, Улуг-кема и Бом-кемчика. Всего во время путешествия было пройдено около 700 верст. В этот период были собраны тувинские песни, загадки, сказки, повестья и шаманские молитвы.

Из этой поездки по территории Тувы он вернулся в с. Аскиз 27 августа 1889 г. В своем письме от 15 сентября 1889 г. Н.Ф. Катанов написал В.В. Радлову: «Дневник путешествия, со включением в него сказок, песен, загадок и шаманских молитв, со включением также описания обычаев Урянхайского народа и рисунков клейм родовых (тамги) и рисунков на предметах домашнего обихода имею представить в скором времени для напечатания Императорскому Русскому Географическому обществу» [Валеев, Тугужекова 2011: 11].

Основным итогом комплексных исследований Тувы стала рукопись Н.Ф. Катанова «Очерки Урянхайской земли», которая имеет неопределимое значение в истории Тувы. В 2011 г. тувинский ученый А.К. Кужугет опубликовала этот дневник [Катанов 2011].

После этой экспедиции, находясь в Аскизе и Минусинске в сентябре-декабре 1889 г., Н.Ф. Катанов занимался перепиской и переводами собранных тувинских текстов. Кроме того, он записывал сказки (нымах), песни (тахпах) и загадки (тапчан нымах) «минусинских татар» – хакасов.

Определяя итоги и новые задачи дальнейшей работы, Н.Ф. Катанов писал своему наставнику В.В. Радлову 26 декабря 1889 г. из Аскиза: «Недели через три я выеду для исследования карагасов, обитающих в Канской и Нижнеудинской тайгах; в настоящее время я собрал богатый материал по части наречий и обычаев абаканских татар (сагайцев, качинцев и бельтиров)» [Очерки 2008–2009: 34, 35].

Следующая этнографическая экспедиция в Восточные Саяны была предпринята в январе-феврале 1890 г. и посвящена полевому лингвистическому и этнографическому исследованию карагасов (тофаларов). Основной путь пролегал через Канский округ (верховья р. Агул) в направлении г. Нижнеудинска.

Из верховьев р. Бирюсы Нижнеудинского округа в письме В.В. Радлову от 18 февраля 1890 г. Н.Ф. Катанов сообщал о проделанной работе: «Записал уже многое; между прочим: название костей карагасских; названия 12 месяцев года; названия рек и речек; названия деревьев; предания о происхождении 5 карагасских костей; обычаи племени: при рождении, женитьбе и похоронах, обряд посвящения горному и водяному духу коней и оленей; о жизни шаманов; о количестве племени Карагасов и количестве содержимых ими оленей и проч.» [Валеев, Тугужекова 2011: 12].

Итоги этого периода экспедиции были опубликованы в статье Н.Ф. Катанова «Поездка к карагасам в 1890 году» [Катанов 1891].

Весна 1890 г. – февраль 1891 г. связаны с проживанием в с. Аскизе и г. Минусинске и с интенсивной работой по обработке разнообразных материалов, собранных Н.Ф. Катановым в предшествующие периоды экспедиций.

Кроме того, летом 1890 г. Н.Ф. Катанов посетил восемь китайских центров (Хотан, Кашгар, Ак-су, Кучар, Каракаш, Бая, Логучен и Старый Турфан), где познакомился с языком тюркского населения Восточного Туркестана. Впервые путешествия Н.Ф. Катанова по Сибири, Дзунгари и Восточному Туркестану были опубликованы в 2017 г. [Катанов 2017].

В следующий период путешествия с февраля по ноябрь 1891 г. в центре полевых исследований Н.Ф. Катанова находились тюркоязычные народы (уйгуры, казахи и другие этносы) Восточного Семиречья (Тарбагатай). Наиболее важным итогом экспедиций 1890–1891 гг. стал сбор огромного массива фольклорных материалов: «исторические рассказы о войнах в Вост. Туркестане, песни, распеваемые в главные мусульманские праздники, песни эротические, толкования слов, загадки и пословицы», а также «языка Казак-киргизов, состоящих в ведении Тарбагатайского хебей-амбана, живущего (...) в г. Дурбульджине». Оригинальные тюркские тексты, собранные во время экспедиции, записывались и впоследствии публиковались Н.Ф. Катановым в принятой академической транскрипции этого периода.

Обобщенные материалы экспедиции, собранные в восточных районах Семиреченской области и г. Чугучак с 24 февраля по 19 октября 1891 г., изложены Н.Ф. Катановым в отчете, направленном Русскому географическому обществу.

С 13 мая по 7 ноября 1891 г. Н.Ф. Катанов также жил в г. Чугучак (Китай) с тем, чтобы «подготовиться к путешествию по Китаю».

Наиболее протяженными по времени и значимыми по итогам научной экспедиции стали комплексные исследования основных тюркских этносов Синьцзяня.

Эта последняя экспедиция была проведена с ноября 1891 г. по март 1892 г. в Хамийском оазисе и завершилась в марте-мае 1892 г. в Турфане. Специальный паспорт на китайском, русском и маньчжурском языках для продвижения в Хами и Турфан был получен в октябре 1891 г. при содействии российских консулов.

В целом на китайской территории Восточного Туркестана Н.Ф. Катанов находился 18 месяцев [Катанов 2017: 20–22].

Он закончил путешествие по китайскому Восточному Туркестану, прибыв в мае 1892 г. в Джаркент Семиреченской области.

Завершающим этапом масштабного научного путешествия Н.Ф. Катанова стали июнь-декабрь 1892 г., когда он проживал в с. Аскиз и г. Минусинске. Здесь Н.Ф. Катанов совершал поездки в Минусинском округе Енисейской губернии, изучая языки и этнографию тюркоязычных групп Минусинской котловины и предгорий Западных Саян – бельтиров, сагайцев, койбалов и качинцев. В основном он записывал «шаманские рассказы и молитвы бельтиров, каларов, сагайцев и качинцев» [Патачаков 1964: 126].

Следует особо отметить, что в целом во время путешествия 1889–1892 гг. в центре комплексного исследования Н.Ф. Катанова были хакасы, он всецело изучал их язык и быт. Н.Ф. Катанов посетил основные географические зоны кочевьев сагайцев, качинцев, бельтиров, каргинцев – бассейны речек Таштыпу, Еси, Аскизу, Камышту, Ташебе, Бее и реки Абакан – и составил уникальные записи об их расселении, верованиях, хозяйстве, административном управлении, этногенезе, миссионерской деятельности, памятниках народной литературы и т. д.

К сожалению, до сегодняшнего дня не все материалы первой экспедиции Н.Ф. Катанова опубликованы. В 1926 г. жена Катанова Александра Ивановна отправила часть рукописей мужа немецкому профессору Бангу. В Германии в 1933 г. ученик профессора Банга К. Менгес опубликовал часть этих материалов.

В 1943 и 1947 гг. в г. Берлине К. Менгес издал второй и третий выпуски рукописей Катанова [Кокова 2012: 132], содержащие лингвистические и этнографические материалы этой экспедиции. Из последующих экспедиций Н.Ф. Катанова опубликованы отчеты о поездках в Минусинский округ Енисейской губернии, совершенных в 1896 г. и летом 1899 г.

Ценность этих отчетов Н.Ф. Катанова уникальна. Здесь представлен этнический состав хакасов к XIX в., народные предания о происхождении отдельных родов (сеоков), численный состав ряда групп, их верования. Все племена хакасов, как считал Н.Ф. Катанов, исповедовали одновременно христианство и шаманство. На землях хакасов действовали тогда церкви: в Абакане, Аскизе, Усть-Абаканске, Синявине и Усть-Фыркале.

Особое внимание в своих отчетах Н.Ф. Катанов уделял шаманам. Он писал: «Шаманы, несмотря на запрещения миссионеров, шаманят ежегодно в июне и июле (до 20 числа), притом в полных костюмах, во всех почти улусах и даже вблизи сел». В поездке 1896 г. Н.Ф. Катанов присутствовал при трех камланиях: 1 июля 1896 г. при домашнем жертвоприношении койбальского шамана Улкана, 3 июля при нагорном жертвоприношении того же шамана и 10 июля при домаш-

нем жертвоприношении койбальской шаманки Соткан» [Катанов 1897: 22–27]. Н.Ф. Катанов подробно описал эти обряды, которые позволяют нам соприкоснуться с таинством камлания шаманов.

В работах Н.Ф. Катанова, вышедших по итогам экспедиций, затронуты различные стороны жизни хакасов, их обряды, обычаи, верования, язык.

По итогам экспедиции 1896 г. Н.Ф. Катанов писал: «Мною описаны следующие обычаи: наречение имени младенцу, свадьба и погребение, кроме этого описано гадание о потере на жженой бараньей лопатке» [Катанов 1897: 22–27].

Последнюю поездку в родные места Н.Ф. Катанов совершил летом 1909 г., однако до конца своей жизни сохранил любовь и преданность к изучению истории и культуры своего народа.

Материалы экспедиций позволили Н.Ф. Катанову определить и сформировать научные направления, а также осуществить публикации разнообразных материалов по истории и культуре тюркских народов Сибири, Восточного Туркестана, Поволжья и Приуралья. На протяжении 1894–1911 гг. Н.Ф. Катанов опубликовал более 170 работ, посвященных языку, литературе, истории, археологии и этнографии [Катанов 2017: 26].

В этот период выходит его главный труд «Опыт исследования урянхайского языка» [Катанов 1903], сделавший его всемирно известным тюркологом.

К сожалению, на сегодняшний день нет полной библиографии трудов Н.Ф. Катанова. Так, сам Н.Ф. Катанов в своей автобиографической анкете 18 августа 1921 г. указывает 382 работы, опубликованные им в разных изданиях по вопросам языка, литературы, фольклора, истории, этнографии, культуры многих тюркских народов.

Турецкий профессор Осман Серткас составил библиографию работ Н.Ф. Катанова, указав 256 работ, в то время как С.Н. Иванов – 181 [Тугужекова 2006: 99–100]. Однако известно, что неизданное наследие Н.Ф. Катанова насчитывает около 15 тыс. страниц рукописей. Только в Национальном архиве Республики Татарстан в личном фонде Н.Ф. Катанова находится 551 единица хранения за 1874–1916 гг. [Тугужекова 2006: 100].

Определенная работа была проведена в Республике Хакасия в канун празднования 150-летия со дня рождения Н.Ф. Катанова. 2012 год был объявлен годом Н.Ф. Катанова, были выделены средства на издание его работ. Так, в ХакНИИЯЛИ были опубликованы «Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Н.Ф. Катанова. Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения. 16–19 мая 2012 г.». В 2-х т. (2012); Образцы народной литературы тюркских племен (2012); Катанов Н.Ф. Избранные работы. В 2-х т. (2012); Ученые Казани о Н.Ф. Катанове. Сборник статей (2002–2012); Эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова (к 150-летию со дня рождения) и др.

Наследие Н.Ф. Катанова требует дальнейшего изучения. Научный вклад ученого в развитие гуманитарных наук неоценим, он связан с комплексным исследованием языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Синьцзяна, Поволжья и Приуралья. Он оказал огромное влияние на развитие отечественной тюркологии, этнографии и фольклористики.

Литература

- Валеев, Тугужекова 2011 – *Валеев Р.М., Тугужекова В.Н.* Профессор Н.Ф. Катанов и его вклад в изучение этнографии и фольклора тюркских народов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 1. – С. 14. {*R.M. Valeev, V.N. Tuguzhekova.* Professor N.F. Katanov and his contribution to ethnography and folklore studies related to the Turkic peoples of Central Asia // New Tuva Researches. – 2011. – No. 1. – P. 14.}
- Доможаков 1958 – *Доможаков Н.Г.* Николай Федорович Катанов. – Абакан, 1958. {*N.G. Domozhakov.* Nikolay Fyodorovich Katanov. – Abakan, 1958.}
- Иванов 1973 – *Иванов С.Н.* Николай Федорович Катанов. Очерки жизни и деятельности. – Изд. 2-е. – М., 1973. {*S.N. Ivanov.* Nikolay Fyodorovich Katanov. A sketch of his life and work. – 2nd edition. – Moscow, 1973.}
- Исхаков 1964 – *Исхаков Г.И.* Тюркологическая деятельность профессора Казанского университета Николая Федоровича Катанова (1862–1922) // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. – Казань, 1964. {*G.I. Iskhakov.* Nikolay Fyodorovich Katanov's (1862–1922) turkological work as a professor at Kazan University // Problems of Turkology and of History of Oriental Studies. – Kazan, 1964.}
- Каримуллин 1985 – *Каримуллин А.Г.* Н.Ф. Катанов – библиограф и книговед // В кн.: Книги и люди. Исследование. – Казань, 1985. {*A.G. Karimullin.* N.F. Katanov: bibliographer and book researcher // In: Books and People. A Research. – Kazan, 1985.}
- Катанов 1891 – *Катанов Н.Ф.* Поездка к карагасам в 1890 году // Записки русского географического общества. – 1891. – Т. XVI. – Вып. 2. – С. 133–230. {*N.F. Katanov.* A trip to Karagas people in 1890 // Notes of the Russian Geographical Society. – 1891. – Vol. 16. – Issue 2. – PP. 133–230.}
- Катанов 1897 – *Катанов Н.Ф.* Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 году в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань, 1897. {*N.F. Katanov.* A description of journey realized from May 15 to September 1, 1896 over the Minusinsky District of Yeniseysk Governorate. – Kazan, 1897.}
- Катанов 1901 – *Катанов Н.Ф.* Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии, совершенной летом 1899 г. – Казань, 1901. {*N.F. Katanov.* A description of journey over the Minusinsky District of Yeniseysk Governorate, realized in the summer of 1899. – Kazan, 1901.}
- Катанов 1903 – *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903. {*N.F. Katanov.* An attempt at research of the Uriankhai language with indication of its main genetic connections to other languages of the Turkic root. – Kazan, 1903.}
- Катанов 2011 – *Катанов Н.Ф.* Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 г. по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества / А.К. Кужугет. – Кызыл, 2011. {*N.F. Katanov.* A draft of the Uriankhai land. A journal of travel, realized in 1889 at the behest of the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Russian Geographical Society / A.K. Kuzhuget. – Kyzyl, 2011.}
- Катанов 2017 – Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оною Н.Ф. Катановым / отв. ред. Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова, Д.Е. Мартынов. – Казань, 2017. {Heritage of Russian Turkology of the 19th century: “A trip across Siberia, Dzungaria and East Turkestan”. A journal of travel realized in 1890 at the behest of the the Imperial Geographical Society by its member-employee N.V. Katanov / ed. by R.M. Valeev, V.N. Tuguzhekova, D.Ye. Martynov. – Kazan, 2017.}
- Кокова 2012 – *Кокова И.Ф.* Н.Ф. Катанов. – Абакан, 2012. {*I.F. Kokova.* N.F. Katanov. – Abakan, 2012.}
- Кызласов 2001 – Материалы словаря С.А. Венгерова. 1897 г. // Николай Федорович Катанов. Автобиография и библиография. – Изд. 2-е, допол. – Составитель *И.Л. Кызласов.* – М.–Абакан, 2001. {*S.A. Vengerov's* dictionary data. 1897 // Nikolay Fyodorovich Katanov. Autobiography and bibliography. – 2nd edition, expanded. – Comp. by *I.L. Kyzlasov.* – Moscow–Abakan, 2001.}
- Очерки 2008–2009 – Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии // Научные и отв. ред. *Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова.* – Казань–Абакан, 2008–

2009. {N.F. Katanov and humanities around the turn of the century: a sketch of history of Russian Turkology // Scientific and chief editors: *R.M. Valeyev, V.N. Tuguzhekova*. – Kazan–Abakan, 2008–2009.}

Патачаков 1964 – *Патачаков К.М.* Катанов как хакасовед // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Вып. X. – Серия филологическая. – Абакан, 1964. {*K.M. Patachakov*. Katanov as a Khakassologist // Scientific notes of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (KhakNIYaLI). – Issue 10. – Philology Series. – Abakan, 1964.}

Тугужекова 2006 – *Тугужекова В.Н.* Вклад Н.Ф. Катанова в изучение истории и культуры хакасского этноса // Наследие Н.Ф. Катанова. История и культура тюркских народов Евразии. Доклады и сообщения Международного научного семинара. 30 июня – 1 июля 2005 г. – Казань, 2006. {*V.N. Tuguzhekova*. N.F. Katanov's contribution to history and culture study of the Khakass ethnos // N.F. Katanov's Heritage. History and culture of the Turkic peoples of Eurasia. Lectures and reports of International Scientific Seminar. June 30 – July 1, 2005. – Kazan, 2006.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2022. № 3–4 (36–37), pp. 110–117. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 81.11

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-11

АРХИВНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Н.Ф. КАТАНОВ¹
(1862–1922)

Г.Ф. Благова²

Казанскому профессору Николаю Федорович Катанову, «старейшему из учеников и сотрудников Радлова», А.Н. Самойлович посвятил лаконичный некролог [Самойлович 1922б: 104], а позже – подробную статью об этом ученом, над которой он работал, как это помечено в окончании статьи, «Ленинград, апрель 1922 г. – декабрь 1924 г.» [Самойлович 1924: 113]. Некролог предварен печальным списком потерь. «Росту семьи русских тюркологов препятствовали и препятствуют не только общие культурные условия России, но и неисповедимый рок: после проф. П.М. Мелиоранского (1906) мы за короткое время с 1915 г. потеряли двух его учеников – Писарева и Бравина, ученика В.А. Гордлевского – Заварина, сотрудника Э.К. Пекарского по якутскому словарю – студента Никифорова, исследователя обычного права якутов – Виташевского, автора работ о балкарах – Караулова, собирателя материалов по этнографии таранчинцев и киргизов – Пантусова, знатоков быта и языка сартов – супругов Наливкиных, собирателя материалов по сартскому кукольному театру – Комарова, составителя османско-русского и русско-османского словаря – Цветкова, полиглотов академиком Корша и Залеман, Е.А. Малова, изучавшего татар-мещеряков и чувашей, нашего шейха акад. В.В. Радлова, знаменитого путешественника-фольклориста Потанина, собирателя материалов по музыке турецких народов – Рыбакова, сагайца тюрколога Майнагашева, собирателя древнекыргызских древностей Адри-

¹ Статья была опубликована в книге: История тюркологии второй половины XIX – начала XX века в России: в 2 ч. // Институт языкознания РАН. – М.: Восточная литература, 2012. – С. 261–270. Статья публикуется в связи с 160-летним юбилеем Н.Ф.Катанова и 95-летним юбилеем Г.Ф.Благовой.

² **Благова Галина Федоровна** (1927–2013) – доктор филологических наук, профессор, советский и российский ученый-востоковед, тюрколог, историк науки.

анова и вот теперь, на этих днях – казанского проф. Н.Ф. Катанова, старейшего из учеников и сотрудников Радлова» [Самойлович 1922б: 104]. Ему вторил Гордлевский: «Жестокий мор напал в 1922 г. на туркологов: за короткий период в три-четыре месяца ушли Н.Ф. Катанов, В.Д. Смирнов, за ними – П.А. Филёв» [Гордлевский 1968: 415].

В статье 1922 г. Самойлович продолжил список «наших дорогих, тяжелых, роковых утрат». «В 1913 г. приступил к продолжению старых работ Кастрена и Радлова и позднейших – Катанова по лингвистическому и этнографическому исследованию населения Абаканской долины второй, начинающий ученый из абаканских турков, ⟨...⟩ даровитый С.Д. Майнагашев, ⟨...⟩ получивший краткую этнолого-лингвистическую подготовку частным образом у Радлова и других ленинградских востоковедов. Обнародованные работы молодого турколога давали все основания ожидать от него блестящего продолжения трудов его знаменитых предшественников, но он погиб во время гражданской войны. Непрерывно работающий сторожевой пост туркологии в Ленинграде готовил на смену Катанову и Майнагашеву третьего сибиряка-турколога, первого лингвиста из якутов, С.А. Новгородова, но ранняя смерть отняла у нас его» [Самойлович 1924: 112].

Обширность списка понесенных роковых утрат, в том числе и очень молодых, – один из горестных факторов развития отечественной тюркологии, который был открыт ее историографом для 1915–1920-х гг., но который оказался действующим и для 30-х гг. XX в., в том числе и для семьи А.Н. Самойловича.

Н.Ф. Катанов по происхождению принадлежал Востоку – он был первым ученым из абаканских тюрков. Еще в бытность учеником Красноярской гимназии «под влиянием известного алтайского турколога В.И. Вербицкого и по советам знаменитого казанского турколога Н.И. Ильминского он приступил к лингвистическому изучению родных племен Минусинского края, а по окончании стал читать и проверять на месте образцы народной словесности ⟨...⟩, собранные М.А. Кастреном и В.В. Радловым, а также собирать новые материалы. К 1884 г., когда Н.Ф. окончил гимназию с золотой медалью, у него уже имелось три «сочинения о сагайском наречии», доставленные им в Казань. Благодаря этим работам, Н.Ф. при переходе из гимназии на факультет восточных языков Петербургского университета официально вступил в семью ученых, будучи в 1884 г. избран членом-сотрудником Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Это был, так сказать, первый шаг по закреплению Катанова за Казанью. Главным учителем Катанова в университете был проф. Березин, но истинным его руководителем был В.В. Радлов, на дому у которого с 1885 г. Н.Ф. изучал «общетюркскую фонетику» и под наблюдением которого он в бытность студентом издал «несколько заметок о наречии сагайцев»».

По окончании университета в 1888 г. Катанов был оставлен при нем проф. Березиным для приготовления к научно-учебной деятельности и тогда же, по ходатайству академиков В.П. Васильева и В.В. Радлова, получил ученую командировку от Академии наук и Российского географического общества в Сибирь, Монголию и Туркестан, Западный и Восточный (Китайский), в которой пробыл четыре года (1889–1892). Насколько материалы, добытые Катановым в этой командировке, ценились П.М. Мелиоранским, засвидетельствовал Самойлович: «Когда в 1902 г. я отправился в первую научную студенческую командировку

к туркменам, мой учитель проф. П.М. Мелиоранский порекомендовал мне вместо программы ознакомиться с “Письмами Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана”» [Цит. по: Самойлович 1924: 112].

По возвращении из этого трудного и сопряженного с риском для жизни путешествия Н.Ф. Катанов сдал в декабре 1893 г. магистранский экзамен, а месяцем ранее, 9 ноября 1893 г., при содействии В.В. Радлова и В.Р. Розена был определен экстраординарным профессором в Казанский университет, в котором «приступил к занятиям в январе 1894 г. по турецким наречиям, а с 1895 г., кроме того, по арабскому и персидскому языкам» [Самойлович 1924: 107–108].

Из обследованных им стран Катанов вывез «богатые научные материалы, доставившие ему европейскую известность среди специалистов» [Самойлович 1924: 104]. Из изданных материалов, писем и отчетов Н.Ф. Катанова видно, сколь обширен был круг вопросов, которые его интересовали во время четырехлетнего путешествия и последующих поездок к тюркским народам, очевидно, в значительной мере по указанию Радлова [Самойлович 1924: 110].

«Турецкий мир во всяком случае не в меньшей степени, чем русская культура и общечеловеческая наука, должен хранить и хранит благодарную память о первом ученом из сагайцев и о втором после проф. Казем-бека европейском туркологе из турков.

На протяжении многих лет Н.Ф. Катанов проявлял в Казани весьма разностороннюю и интересную деятельность, выдвинувшую его как одного из немногих незаменимых местных работников. На педагогическом поприще он подвизался сначала в университете, затем в духовной академии и в последние годы в Северо-Восточном институте. Он состоял, кроме того, директором тогдашнего городского Лихачевского музея, а позднее организовал этнографический музей при духовной академии. С 1894 г. он был секретарем, а с 1898 г. председателем Общества археологии, истории и этнографии и редактором его трудов, принимал участие в работах Переводческой комиссии, занимал пост цензора мусульманских изданий и другие административные посты, выступал с публичными лекциями по вопросам востоковедения, сотрудничал в изданиях Казанского университета, Общества археологии, Северо-Восточного института, а также в общей местной прессе, (...) причем его печатные произведения не ограничивались пределами туркологии и вообще востоковедения и кругом научных только интересов, выезжал в Петербург для участия в казенных совещаниях по “иностранному” просвещению, поддерживал научные связи с Западной Европой, в частности с Германией, Венгрией и Финляндией.

Н.Ф. Катанов состоял в переписке с востоковедами Сибири, Туркестана, Кавказа и других краев, проявлял живой действенный интерес к судьбам провинциального ориентализма, существенно дополняя в этом отношении деятельность своих петербургских учителей и товарищей. Катанов содействовал изданию якутских материалов Троцанского, таранчинских и киргиз-казацких Пантусова, Диваева и т. д. и пользовался среди провинциальных востоковедов известностью крупного авторитета» [Самойлович 1924: 108].

По сведениям А.Н. Самойловича, Катанов состоял в переписке с В.В. Радловым и К.Г. Залеманом: «В Азиатском музее Российской академии наук имеются письма Катанова в собраниях Радлова и Залемана, в обоих – по шести всего-навсего»

[Там же: 109]. Из письма к Залеману от 15 января 1904 г. об Э.К. Пекарском: «О Ваших заказах я напишу ему подробно. Вообще я жалел бы, если бы ему не удалось напечатать свой словарь на счет Академии, тем более что этот словарь много лучше Бётлингковского». Из трех писем к А.Н. Самойловичу в одном заключена благодарность за присылку некролога П.М. Мелиоранского – «работы о жизни и трудах наилучшего из туркологов, безвременно скончавшегося» [Там же: 109].

Обращаясь специально к рассмотрению результатов тюркологической деятельности Н.Ф. Катанова, Самойлович писал: «Если старший ученик Березина, Максимов, всецело принадлежал старой тюркологической школе, если младший ученик Березина, Мелиоранский, полностью принадлежал, особенно благодаря влиянию В.Р. Розена, к новой тюркологической школе, будучи ее основателем на бывшем факультете восточных языков, то Н.Ф. Катанов в силу вышеуказанных обстоятельств оказался фактически в промежуточном положении между обеими школами, не будучи в состоянии согласовать свою работу со своими безусловными симпатиями к новой школе.

Н.Ф. Катанов явился выдающимся продолжателем одной только части тюркологической деятельности В.В. Радлова, части, которая состояла в собирании материалов по языку, народной словесности и этнографии современных турецких народов и занимала преимущественно первый – сибирский – период научной жизни нашего общего учителя. Катанову удалось в этой области достигнуть результатов, увенчавших его широкой славой в кругу соответствующих специалистов Европы³. К 1904 г. Н.Ф. Катанов состоял членом Société des sciences et lettres в г. Лувен, Ungarische ethnographische Gesellschaft в г. Будапеште, Финно-угор-

³ Выдающийся востоковед Н.Ф. Катанов обогатил отечественную тюркологию незаурядными научными трудами, касающимися сибирских татар. Им была проведена трудоемкая работа по выявлению, систематизации всех имен собственных, что позволило выпустить в свет двухтомный «Алфавитный указатель имен, встречающихся в “Образцах народной литературы тюркских племен...”». Значительную долю этих материалов составляют данные по сибирско-татарской ономастике.

Историограф Галина Федоровна Благова отмечает, что с 1888 по 1892 г. Катанов в составе научной экспедиции Академии наук посещал Сибирь, Монголию, Китайский Туркестан, изучал обычаи, быт, язык, фольклор местных тюркских народов.

Заслуга Н.Ф. Катанова в том, что он единственный из всех ученых-тюркологов сумел ввести в научный оборот большой пласт архивных документов сибирских татар, написанных арабским алфавитом. Бесценные старинные средневековые рукописи, хранившиеся в архиве Тобольского государственного музея, в 1895–1904 гг. были кодифицированы великим ученым Николаем Федоровичем Катановым и опубликованы в «Ежегоднике Тобольского губернского музея». Это «Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке» (ЕТГМ, 1895–1896, вып. 5), «Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в город Искер» (ЕТГМ, 1897, вып. 7), «Предание тобольских татар о происхождении киргизского народа» (ЕТГМ, 1897, вып. 7), «Предание тобольских татар о грозном царе Тамерлане» (ЕТГМ, 1898, вып. 9), «Погребальные обряды тобольских татар» (1898, вып. 9), «Известия Лоренца Лянге о Сибири и сибирских инородцах» (ЕТГМ, 1904, вып. 14), «О религиозных войнах шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири» (ЕТГМ, 1904, вып. 14) (прим. Х.Ч. Алишиной).

ского общества в г. Гельсингфорсе и многих русских ученых обществ и учреждений. Известности Катанова на Западе способствовало и то, что он выступал на немецком языке в западноевропейских журналах, в частности в будапештском “Keleti Szemle”» [Там же: 110].

Из главных печатных трудов Н.Ф. Катанова по тюркологии в его магистерской диссертации «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» (Казань, 1903) затронуты вопросы сравнительной тюркской грамматики – неудачно, как полагает (вслед за П.М. Мелиоранским) А.Н. Самойлович [Самойлович 1924: 111; ср. Мелиоранский 1904: 0150 и сл.]. При этом Самойлович признает, «что наиболее ценной частью этого труда являются материалы по урянхайскому языку и их фонетико-грамматическое описание, что наиболее важным недостатком книги являются “не вполне удовлетворительное знакомство автора с современной фонетикой, современными научными взглядами и приемами (...)”, общее впечатление от книги получается такое, что она – сочинение не вполне научное, стоящее как бы посредине между такими трудами, как например, известное “Über die Sprache der Jakuten” О. Бётлингка, и массою грамматик других турецких наречий» [Самойлович 1924: 111].

В.А. Гордлевский в некрологе «Памяти Н.Ф. Катанова» отозвался таким образом об этой одной из главных работ Катанова: «Монография Катанова об урянхайском языке (содержащая свыше полутора тысяч страниц) наглядно говорит об усидчивости автора: наблюдения над языками сведены в громадных сравнительных таблицах; за очерком о языке следуют тексты, в транскрипции и в переводе, многочисленные указатели, в конце – обзор-пересказ литературы, печатной и рукописной, об урянхайцах. Но Катанов только перенял то, что писали другие, а созидательный, творческий элемент у него отсутствует (...). Неотшлифованные камни клал он для здания тюркологии, но, как говорят османцы, “всякому камню свое место”. Историк востоковедения сумеет оценить труд, долгий и бескорыстный, внесший обильный доброкачественный материал по языкам, до Катанова мало обследованным» [Гордлевский 1968: 401].

А.Н. Самойлович также признал: «Громадную ценность представляет второй крупный труд Н.Ф. Катанова в двух томах “Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым (СПб., 1907). Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым, часть IX”. В этом труде объединены лингвистические, этнографические и фольклорные материалы на перечисленных наречиях, собранные Катановым как в юности (1878–1884), так и во время четырехлетнего путешествия 1889–1892 гг.» [Самойлович 1924: 111–112].

В целом же действие сокрушительной критики было таково, что «удостоенный (в 1907 г.) Казанским университетом степени доктора сравнительного языкознания *honoris causa*», «первоклассный востоковед» (так назвал его Б.Вс. Миллер) Н.Ф. Катанов в течение последних 20 лет стал все больше отходить от тюркского языкознания (см. также: [Гордлевский 1968: 400]) и, напротив, уделять основное внимание этнографии и истории. Он издает два исторических документа Екатерины II о древностях Волги и Кавказа (с предисловием и примечаниями; 1907); высказываясь по поводу реставрации башни Суюмбеки в г. Казани (1907),

рассказывает о ее создании (1908); отдельной статьей отмечает 30-летие Общества археологии, истории, этнографии (1978–1908) и сообщает о новых приобретениях Общества (1908). Его интересуют история изучения родных краев – труды шведа Страленберга по России и известия Лоренца Ланга о Сибири и сибирских инородцах [Катанов 1903; 1905], предания присаянских племен о прежних делах и людях [Катанов 1909], обработка сочинения писателя XVII в. Н.Г. Спафария «Описание первья части вселенныя, именуемой Азия...» [Катанов 1910]. В 1920 г. он обнаружил курс лекций «Восточная хронология» [Катанов 1920б], а также учебные пособия и добавления к ним [Катанов 1912; 1913].

Извлечения из этих, а также иных материалов были обработаны в виде многочисленных статей, главным образом на русском, отчасти же на немецком языке и напечатаны соответственно в российских и заграничных журналах. Перу Н.Ф. Катанова принадлежит, кроме того, ряд работ по мусульманской библиографии, археологии и нумизматике. Н.К. Дмитриев конкретизирует: «Катанову принадлежат отдельные статьи по татарской и башкирской диалектологии, татарскому фольклору и этнографии, а также учебные пособия из области татароведения. Катанов по своей деятельности был связан с известным татарским просветителем Каюмом Насыри» [Дмитриев 1946: 68]. Когда в 1917 г. в г. Казани возник Северо-Восточный археологический и этнографический институт, Катанов взял на себя чтение лекций по истории Золотой Орды, обзор источников местного края, восточную нумизматику, восточную хронологию, а тюркологический курс был передан С.Е. Малову [Гордлевский 1968: 400].

В последние годы жизни, «когда в Казани, уже в 1920–1921 гг. устроена была “Выставка культуры народов Востока”, в комиссию вошел и Катанов и составил краткое описание “Монет Востока”. Регистратор, описатель Катанов был превосходный. (...) Крупная фигура был для Казани Катанов (...)» [Там же: 401].

Последняя из его лингвистических работ посвящена чувашским словам в болгарских и татарских памятниках [Катанов 1920а].

Преподавательской деятельностью – в Казанском университете, в Духовной академии, с 1917 г. в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте – Н.Ф. Катанов успешно занимался начиная с 1893 г. почти до самой смерти; первоначально он «широко понимал задачи преподавания, – у него значатся курсы и лингвистический (сравнительная грамматика тюркских языков), и литературный (османская, чагатайская, общетюркская народная литература), и этнографо-исторический, и др.», а также арабский и персидский языки [Там же: 400]. У Н.Ф. Катанова-историка ученицей (студенткой Казанского университета с 1918 г.) была будущий академик М.В. Нечкина. На мемориальном заседании Общества археологии, истории и этнографии, посвященном памяти ученого, наряду с тремя профессорами она выступила (внепрограммно) с сообщением о работе Николая Федоровича со студентами, о его по-человечески теплому отношении к ним, особенно ценимом в это суровое время, о его юморе (см. письмо № 6 С.Е. Малова А.Н. Самойловичу от 4.XI.1922 [Самойлович 2008: 227]; дневниковую запись М.В. Нечкиной [Нечкина 2004–2005]). Этот эпизод живописует Катанова как педагога.

Как считал А.Н. Самойлович, в 1924 г. «первой заботой уцелевшей части русских тюркологов является теснейшее их объединение между собой и с това-

рищами по профессии из других народов в пределах СССР для совместного, планомерного и интенсивнейшего продолжения трудов своих и тех, кого с нами уже нет, и для дружного проявления инициативы в деле всестороннего обеспечения интересов нашей научной области, в частности – издания или по крайней мере охраны рукописного богатства покойных и здравствующих наших тюркологов, а второй заботой, не менее важной, чем первая, является подготовка и привлечение в нашу опустошенную семью новых работников и специалистов, и любителей, особенно из среды самих турецких народов, большая часть коих входит в СССР» [Самойлович 1924: 113].

О том, как выполнялись эти задачи («заботы» – по А.Н. Самойловичу, «сдвиги» – по Н.К. Дмитриеву, младшему современнику Самойловича, свидетелю его жизни за последние почти 15 лет), можно прочитать в статье Дмитриева «Труды русских ученых в области тюркологии» (1946): «После 1917 г. радикально изменились общие условия тюркологической работы. Отметим наиболее характерные черты этих сдвигов. Прежде всего нужно указать на то, что после Октябрьской революции в изучении тюркских языков и культур стали принимать активное участие сами националы. Если раньше это явление было эпизодическим (Феизханов, Османов, Курбангалее и др.), то теперь мы можем назвать не один десяток имен, завоевавших себе известность научной работой в области тюркологии. (...) Одновременно с этим возникли новые тюркологические центры: Баку, Ташкент, Уфа, Махачкала, Алма-Ата, Фрунзе, Якутск и др. Изменился и метод тюркологической работы. Вместо индивидуальных (...) изысканий стали применяться комплексные обследования языка и фольклора на базе современной филологической методологии. (...) Башкирия, которая до революции в языковом отношении была совершенно не изучена, в советское время провела более 16 языковых и фольклорных экспедиций. Научное руководство этими предприятиями осуществлялось учреждениями и работниками Академии наук СССР, Ленинградского гос. университета и др. Постепенно создавались новые кадры на местах, которые продолжали в стационарном порядке работу временных языковых экспедиций» [Дмитриев 1946: 68–69].

Литература

- Гордлевский 1968 – *Гордлевский В.А.* Избр. соч. Т. IV: Этнография, история востоковедения, рецензии. – М., 1968.
- Дмитриев 1946 – *Дмитриев Н.К.* Труды русских ученых в области тюркологии // Уч. зап. МГУ им. М.В. Ломоносова / Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. – М., 1946. – Т. III. – Кн. 2.
- Катанов 1903 – *Катанов Н.Ф.* Швед Филипп-Иоганн Страленберг и труды его по России и Сибири (нач. XVIII в.) // ИОАИЭЖ. – 1903. – Т. XIX. – Вып. 2.
- Катанов 1905 – *Катанов Н.Ф.* Известия Лоренца Ланга о Сибири и сибирских инородцах // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1905. – Вып. 14.
- Катанов 1909 – *Катанов Н.Ф.* Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Сб. в честь 70-летия Г.Н. Потанина. – СПб., 1909. – С. 265–288 (Зап. РГО по Отд. этнографии, т. XXXIV).
- Катанов 1910 – *Катанов Н.Ф.* Обработка сочинения писателя XVII в. Н.Г. Спафария «Описания первая части вселенная...». – Казань, 1910.
- Катанов 1912 – *Катанов Н.Ф.* Краткий татарско-русский словарь. – Казань, 1912.
- Катанов 1913 – *Катанов Н.Ф.* Транскрипция и глоссарий к пословицам и рассказам I части букваря Г.Н. Ахмарова. – Казань, 1913.

-
- Катанов 1920а – *Катанов Н.Ф.* Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. – Казань, 1920.
- Катанов 1920б – *Катанов Н.Ф.* Восточная хронология. Из курса лекций, читанных в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте в 1918/1919 учебн. году. – Казань, 1920.
- Мелиоранский 1904 – *Мелиоранский П.М.* [Рец. на:] Н.Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка // ЭВОРАО. – 1904. – Т. XV.
- Нечкина 2004–2005 – Дневники академика М.В. Нечкиной / Публ. подгот. Е.Р. Курапова, С.В. Копылова // Вопросы истории: (1919–1920). – 2004. – № 10; (1922). – 2005. – № 1.
- Самойлович 1922а – *Самойлович А.Н.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. – Петроград, 1922 (перепеч. [Самойлович 2005: 77–87]).
- Самойлович 1922б – *Самойлович А.Н.* Памяти Н.Ф. Катанова // Восток. – М., 1922. – Кн. 1. – С. 104–105.
- Самойлович 1924 – *Самойлович А.Н.* Профессор Н.Ф. Катанов – первый ученый из абаканских турков // Жизнь Бурятии. – 1924. – № 6 (Верхнеудинск). – С. 107–113.
- Самойлович 2005 – *Самойлович А.Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника / сост. и отв. ред. тома Г.Ф. Благова, Д.М. Насилов // Классики отечественного востоковедения [серия основана в 2001 г.]. – М., 2005.
- Самойлович 2008 – *Самойлович А.Н.* Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка. Биография / Сост., автор статей и биографии Г.Ф. Благова // Очерки по истории тюркского языкознания в России [серия основана в 2008 г.]. – М., 2008.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2022. № 3–4 (36–37), pp. 118–117. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 81.11

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-12

ЮБИЛЯРЫ ЭТОГО ГОДА

К ЮБИЛЕЮ ИЗВЕСТНОГО ТУРЕЦКОГО ТЮРКОЛОГА ШЮКРЮ ХАЛЮКА АКАЛЫНА

*Caştegin Suergulovич Turgunbayer*¹

¹ доктор филологических наук, доцент кафедры современных тюркских языков и литератур, Университет Диджле, г. Диярбакыр, Турция;
e-mail: c.turgunbayer@dicle.edu.tr

© ИЯз РАН, 2022

© Ж.С. Тургунбаер, 2022.

To the anniversary of prominent Turkish turkologist Şükrü Halûk Akalın

*Caştegin Turgunbayer*¹

¹ Ph.D. in philology, associate professor, Department of Modern Turkic Dialects and Literature, Dicle University, Diyarbakir, Turkey; e-mail: c.turgunbayer@dicle.edu.tr.

© IL RAS, 2022

© Turgunbayer C.S., 2022.

Шюкрю Халюк Акалын – один из ведущих турецких лингвистов-тюркологов, автор многих научных книг, статей, докладов, составитель нескольких печатных и электронных словарей. Долгие годы вел преподавательскую и научную деятельность в Университетах Чукурова и Хаджеттепе, в течение одиннадцати лет (2001–2012) работал председателем Турецкого лингвистического общества (ТЛО). На протяжении всей своей сорокатрехлетней академической жизни занимался различными вопросами тюркологии, особое внимание уделял проблемам турецкого языка, турецкой лексикологии и лексикографии, турецкого языка жестов.

Ш.Х. Акалын родился в г. Адане в 1956 г. Еще проходя учебу в лицее в 1973–1975 гг., он стал автором многих новостных статей, так как совмещал учебу с работой газетным репортером в Стамбуле. После окончания лицея Ш.Х. Акалын продолжил обучение в бакалавриате, а затем и в аспирантуре (докторантуре) отделения турецкого языка и литературы факультета литературы Стамбульского

This is an open access article under the CC BY license

университета, куда поступил в 1975 г. Успешно защитив диссертацию в диссертационном совете, в котором состояли ведущие турецкие тюркологи Мертол Тулум, Кемаль Эраслан, Нури Юдже, Осман Фикри Серткая, Ш.Х. Акалын получил ученую степень доктора филологии по специальности «Современный турецкий язык». Проработав некоторое время учителем литературы в одном из лицеев Стамбула, в августе 1980 г. Ш.Х. Акалын приступил к работе в бюро по публикациям книг знаменитого путешественника XVII в. Эвлии Челеби. В марте 1983 г. он прошел конкурс и был принят на работу преподавателем кафедры турецкого языка и литературы Университета Чукурова, а в августе 1989 г. – назначен на должность ассистент-профессора той же кафедры. В 1990 г. Ш.Х. Акалын успешно прошел научную аттестацию в Университете Хаджеттепе и получил звание доцента кафедры современного турецкого языка. Активно занимаясь исследованиями в области грамматики и лексики турецкого языка, он руководил множеством исследовательских проектов, научных диссертаций, касающихся лексики азербайджанского, кыргызского, шорского и телеутского языков, писал многочисленные статьи, составлял словари, выступал с докладами на конференциях.

Летом 1992 г. он вместе с супругой около месяца провел в г. Кемерово, где изучал шорский и телеутский языки, общаясь с носителями. Спустя 30 лет, опираясь на аудио- и видеоматериалы, собранные им в Южной Сибири, Ш.Х. Акалын подготовил документальный фильм об этой поездке. В 1995 г. он совместно с Н.Н. Курпешко-Таннагашевой составил, а затем опубликовал в Турции «Словарь шорского языка» (*Şor Sözlüğü*). Совместно с Жаштегином Тургунбаером Ш.Х. Акалын перевел на турецкий язык телеутско-русский словарь Л.Т. Рюминой-Сиркашевой и Н.А. Кучигашевой, который был опубликован ТЛО.

В 1996 г. Ш.Х. Акалын был назначен профессором кафедры современных тюркских языков и литературы факультета гуманитарных и естественных наук Университета Чукурова.

В 1995 г. ученый был избран членом Научного совета ТЛО. В конце 1994 г., на заре появления в Турции Интернета, профессор один из первых создал свою личную веб-страницу. В дальнейшем он плотно занялся исследованиями по компьютерной обработке турецкого языка, использованию турецкого языка в компьютерных программах, внедрению турецкого контента в интернет-среду, а также

Среди телеутов в научной экспедиции в селе Беково Кемеровской области вместе с супругой в 1992 г.

переводом английских терминов на турецкий язык. В рамках данных исследований Ш.Х. Акалын руководил проектом «Словарь компьютерных терминов» при поддержке ТЛО.

В 1996 г. он основал Центр тюркологических исследований при Университете Чукурова, который возглавлял в течение пяти лет. В 1997 г. ученый создал в интернет-среде сетевой кластер «Мир тюркологии». В 1998 г. Ш.Х. Акалын был избран членом исполнительного совета ТЛО, в том же году ученый основал виртуальную тюркологическую группу, а затем учредил «Виртуальный журнал тюркологических исследований» (*Sanal Türkoloji Araştırmaları Dergisi*), который является первым в мире виртуальным журналом по тюркологии, продолжающим свое существование и по сей день.

13 апреля 2001 г. Ш.Х. Акалын был назначен на должность председателя ТЛО трехсторонним указом, подписанным президентом, премьер-министром и вице-премьер-министром Турции. На этом посту ученый уделял особое внимание оцифровке печатных ресурсов Общества, таких как «Толковый словарь турецкого языка» (*Türkçe Sözlük*), «Сводный словарь диалектов турецкого языка» (*Derleme Sözlüğü*), «Исторический словарь турецкого языка» (*Tarama Sözlüğü*) и словари терминов по различным отраслям науки и искусства. Под руководством Ш.Х. Акалына девять словарей были размещены на веб-сайте ТЛО и стали доступными широкой аудиторией.

В 2005 и 2011 гг., благодаря интенсивным усилиям ученых и экспертов, входивших в состав рабочей группы, сформированной под руководством Ш.Х. Акалына, вышли в свет десятое и одиннадцатое издания обновленных версий Большого толкового словаря турецкого языка.

Ш.Х. Акалын, придавая особое значение исследованиям проблем терминологии, первым способствовал созданию в рамках ТЛЮ рабочих групп, которые, взаимодействуя с соответствующими специалистами, разрабатывали терминологическую базу в области медицины, фармацевтики, сестринского дела, ветеринарии, экономики, эконометрики и международных отношений. В то же время турецкий ученый лично входил в состав рабочих групп по разработке терминов, связанных со стоматологией, экономикой, эконометрикой и международными отношениями. Кроме того, Ш.Х. Акалын руководил группой, подготовившей программное обеспечение к электронному словарю, – благодаря этому программному обеспечению все данные терминологических словарей, опубликованных ТЛЮ, были объединены в единую базу.

Одновременно с этим Ш.Х. Акалын уделял большое внимание работе ТЛЮ по поиску эквивалентов к иностранным заимствованиям, которая проводилась большой комиссией с участием не только лингвистов, но и специалистов из других областей знаний, переводчиков, представителей искусства, – эта деятельность ТЛЮ привлекла особое внимание общественности. Также именно Ш.Х. Акалын инициировал изучение турецкого языка жестов в ТЛЮ.

На праздновании 1000-летия Махмуда Кашгарского
в президиуме собрания с руководителями КНР. Пекин, 2008 г.

В период своего руководства ТЛЮ он укрепил связи Общества практически со всеми странами и особенно с Российской Федерацией, приглашая зарубежных ученых на научные конференции и симпозиумы, проводившиеся в Турции. За время пребывания на посту председателя ТЛЮ Ш.Х. Акалын не раз участвовал в заседаниях Российского комитета тюркологов.

Будучи главой ТЛЮ, ученый закрепил практику проведения семинаров по изучению турецких диалектов, в частности, организовал четыре семинара в приграничных городах Турции, по завершению которых участники семинаров смогли посетить Сирию, Азербайджан, Болгарию и Грецию для сбора и анализа языкового материала на тюркских языках.

В течение девяти лет Ш.Х. Акалын готовил для государственной турецкой радиотелевизионной корпорации и лично проводил теле- и радиопередачи, посвященные различным проблемам турецкого языка.

На открытии научного Симпозиума в Монголии с И.В. Кормушиным и другими ведущими мировыми тюркологами. 2011 г.

На собрании Российского комитета тюркологов с ведущими российскими учеными. Слева направо: К.М Миннуллин, Х.Ш.Акалын, И.В.Кормушин, А.В.Дыбо, Д.М. Насилов, Д.Д.Васильев. Казань, 2009 г.

Проф. Х.Ш.Акалын среди российских коллег.
Дмитриевские чтения, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019 г.

В 2012 г. Ш.Х. Акалын по собственному желанию покинул пост председателя ТЛЮ, после чего вернулся к преподавательской и научной работе на отделении турецкого языка факультета литературы Университета Хаджеттепе. В период с 2013 по 2016 гг. ученый заведовал данным отделением, а с 2016 по 2018 гг. занимал должность декана факультета литературы. В 2014 г. при Университете Хаджеттепе Ш.Х. Акалын основал первый и единственный в Турции Центр лексикографии, которым руководил в течение последующих семи лет. Кроме того, основав в 2018 г. кафедру турецкого языка жестов в Университете Хаджеттепе, Ш.Х. Акалын положил начало исследованиям турецкого языка жестов, в том числе ввел эту дисциплину в программы подготовки магистров и аспирантов (докторантов).

В настоящее время Ш.Х. Акалын продолжает исследования по проблемам турецкой лексикологии и лексикографии, поражая своей работоспособностью учеников и последователей.

Отдельно стоит упомянуть о страсти ученого к коллекционированию. Собранная Ш.Х. Акалыном коллекция рукописей и литографий османско-турецких словарей представляет собой культурное достояние, которым могут похвастаться немногие библиотеки.

В 2017 г. в г. Стамбуле Ш.Х. Акалын представил эту коллекцию на выставке «Турецкая лексикография: от прошлого к настоящему», а затем опубликовал рукописные и печатные словари из данной коллекции в книге под тем же названием, в которой подробно описал историю развития турецкой лексикографии.

Еще одна не имеющая аналогов в мире коллекция Ш.Х. Акалына представлена литографиями, открытками и марками с изображениями как раскрашенных вручную, так и изданных печатным способом известных турецких литературных деятелей османского и республиканского периода турецкой истории.

В 2019 г. Ш.Х. Акалын организовал еще одну выставку под названием «Люди и их наследие: наши писатели на открытках и марках», а в подготовленной им одноименной книге представил вниманию широкой публики выставочные экспонаты – открытки, фотографии и марки с подробным описанием истории их происхождения.

За научную и административную деятельность Ш.Х. Акалын был удостоен множества высоких наград, последняя из которых, приуроченная к Году турецкого языка, была вручена ему в 2017 г. от имени Президента Турецкой Республики за весомый вклад в развитие и изучение турецкого языка. Награду Ш.Х. Акалыну вручил лично президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган. В 2019 г. Сумгаитский государственный университет Азербайджана присвоил ученому звание почетного доктора. В 2020 г. Объединенным советом министерств культуры тюркских республик (ТЮРКСОЙ) Ш.Х. Акалын был награжден медалью «Немет» за исследования тюркских языков и вклад в развитие научной мысли в области тюркологии. 16 ноября 2022 г. Институт языкознания Национальной академии наук Азербайджана присвоил Ш.Х. Акалыну звание почетного доктора.

Кроме того, ученый состоит в редакционных советах и редакционных коллегиях многих авторитетных международных журналов по тюркологии, в число которых входит и журнал «Российская тюркология».

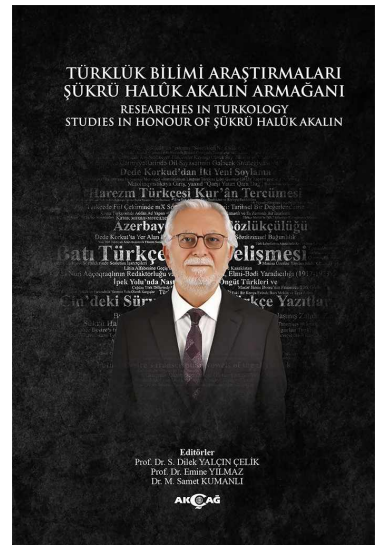
В общей сложности профессор опубликовал 25 книг, стал автором 25 разделов в коллективных монографиях, 96 статей и 57 докладов, большинство из которых были представлены им на зарубежных конференциях. Немаловажно отметить, что Ш.Х. Акалыну принадлежит и ряд статей, написанных им на русском языке и опубликованных в ведущих российских журналах.

Под руководством ученого было защищено 20 магистерских и 14 докторских диссертаций, благодаря чему в мир тюркологии пришли новые ученые высочайшего уровня подготовки.

Многие из учителей, учеников и последователей Ш.Х. Акалына стали авторами статей для международного сборника тюркологических исследований в честь юбилея ученого, который был опубликован в Турции в ноябре 2022 г.¹ Сборник вышел в турецком издательстве «Акчаг» (Akçağ), известном публикациями фундаментальных работ в области тюркологии.

В данном сборнике, подготовленном под редакцией С. Дилека Ялчина Челика, Эмине Йылмаз и М. Самет Куманлы, опубликованы статьи пятидесяти четырех тюркологов из Азербайджана, Хорватии, Казахстана, Венгрии, Польши, России, Сербии и Турции. Главный редактор С.Д.Я. Челик в предисловии к Сборнику отмечает, что при подготовке этого коллективного труда ученые всего мира руководствовались желанием выразить свое особое почтение и признательность Ш.Х. Акалыну.

М.С. Куманлы подробно описал академическую карьеру Ш.Х. Акалына (стр. 17–23) – на основании этого раздела была написана первая часть настоящей статьи. С. Ялчинкая составил библиографию трудов ученого (стр. 25–44).

¹ Тюркологические исследования: сборник статей, посвященный Шюкрю Халюку Акалыну. – Анкара: Издательство Акчаг, 2022. – 740 с. (Türklükbilimi Araştırmaları Şükrü Haluk Akalın Armağanı. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2022. – 740 s.)

Наиболее значительный вклад в Сборник внесли ученые из Турции (33 статьи). В исследовании О.Ф. Серткай «Две новые генеалогии в рукописи “Деде Коркут”» дается критика публикаций о двух новых генеалогиях в недавно найденной рукописи «Деде Коркут», отмечаются ошибки, встречающиеся в работах Мустафы Синана Качалина, впервые обработавшего рукопись, и Ахмета Биджана Эрджиласуна, опубликовавшего ее позже, а также приводятся скорректированные тексты этих двух новых генеалогий.

В статье Н. Юдже «Политическая ситуация в Анатолии в годы развития западно-турецкого языка» рассматриваются вопросы становления турецкой письменности в Анатолии в XII–XIII вв. Отмечая существование различных мнений о влиянии восточно-тюркского языка на письменность в Анатолии, Н. Юдже делает акцент на огузском происхождении письменности этого региона в свете политической ситуации в Анатолии того времени.

В статье Б.Т. Аксу «Структурные особенности и различия в произношении названий городов и районов» анализируются звуковые и структурные характеристики топонимов в Турции, их происхождение, произношение и определение в них ударных слогов.

М. Озйетгин в статье «О тюрках-несториянцах онгутах, проживавших вдоль Великого шелкового пути, и письменных памятниках, выполненных сирийским письмом на тюркском языке, найденных в Китае» исследует языковые особенности датируемых XIII–XIV вв. письменных памятников онгутов – одной из несториано-христианских тюркских общин Средней Азии, живших в районе Ордос во Внутренней Монголии, на северной границе Китая. В статье представлена транскрипция памятников, а также содержится их фонетический, морфологический и семантический анализ.

Э. Йылмаз в статье «Народная этимология в историко-этимологическом словаре Андреаса Титце» дает оценку образцам народной этимологии в «Историко-этимологическом словаре турецкого языка» Андреаса Титце, включающего в себя турецкую историческую лексику, собранную им на протяжении XX в.

В Сборник входят две статьи ученых из Российской Федерации. Статья «Тюрко-латинская грамматика Иеронима Мегизера “*Institutionum linguae Turcicae libri quatuor*” (1612): характеристика лексикографического материала» подготовлена Ф.Ш. Нуриевой, М.М. Петровой и М.М. Сунгатуллиной. В ней исследуется тюрко-латинская грамматика Иеронима Мегизера, являющаяся одним из важных источников для тюркского языкознания и истории тюркологии; после краткого описания предыдущих работ известных ученых-тюркологов по указанной теме затрагиваются различные аспекты истории изучения данной грамматики и дается детальный лексикологический анализ.

Статья «Лексические особенности заголовков турецкого новостного медиатекста (2017–2020 гг.): функционально-стилистический подход» авторства Е.А. Огановой и О.А. Алексеевой посвящена исследованию лексических особенностей заголовков турецких новостных медиатекстов с точки зрения функционально-стилистического подхода. В ходе исследования, построенного на анализе 450 новостных заголовков, был выделен и подразделен на подгруппы особый заголовочный жаргон, выявлены различия в заголовках информагентств и газетных материалов, проведено сопоставление лексического оформления тела и заголовка в новостных материалах.

В Сборнике представлена также статья польского ученого Марека Стаховского (Marek Stachowski) «Father Desiré's transcription (1768), vowels of the Diyarbakır dialect, and North Bulgarian Turkish», в которой анализируются некоторые тенденции в эволюции гласных в турецком диалекте Диярбакыра на материале транскрипционных текстов отца Дезире (Géry Desiré) – французского священника, использовавшего их для обращения в католицизм туркоязычных армян, живших в Диярбакырском регионе (1768 г.), а также проводится сравнение этих текстов с североболгарским диалектом турецкого языка.

В статье венгерской исследовательницы Е. Кинчеш-Надь (É. Kincses-Nagy) «*Quşnaçlık Bästlärning İşi*» предметом изучения являются тюркские слова, используемые для обозначения магов, прорицателей, народных лекарей и людей, обладающих магическими способностями. В древних текстах кроме слова *kat* ‘колдун, прорицатель, маг’, *bögü* ‘мудрец, волшебник’, *arvıçı* ‘заклинатель; колдун’ под влиянием монгольского языка после XIII в. слово *baçışi* стало употребляться в значении ‘маг, шаман, шарлатан’. В среднетюркском языке в результате контактов между народами можно найти новые слова: *parikhan*, *falbin* (← персидский), *taub* (← арабский) и *kuşnaç* в значении ‘провидец, народный врачеватель, шаман’. В статье на основе словарей и различных текстов дается определение значений слова *kuşnaç*, выдвигается тезис о его этимологии.

В статье другой венгерской исследовательницы Э. Ташнади (E. Tasnádi) «Французско-турецкая грамматика и словарь венгра Яноша Бешше (1829)» подробно рассматривается труд венгра Яноша Бешше (XIX в.), написанный на французском языке с некоторыми примечаниями на венгерском языке, представляющий собой грамматику турецкого языка и включающий в себя обширный список идиом, фрагментов бесед на бытовые темы, а также трехязычный словарь.

М. Джинджич (M. Đinđić) из Сербии предоставил статью «Словарь Сербской академии наук и искусств как источник тюркизмов, не включенных в словарь Шкалича», в которой рассматриваются тюркизмы, зафиксированные в 21-томном «Большом сербско-хорватском словаре письменных и народных диалектов» Сербской академии наук и искусств.

Тюркологические исследования в Азербайджане представлены статьями одиннадцати тюркологов. Так, в статье Камала Абдуллы «Введение в мифолингвистику, или “Черная гора, лежащая напротив”» исследуется глагол *yatmak* и приводятся аргументы, доказывающие случаи его употребления в переносном значении.

Мехсион Нагысойлу в статье «Азербайджанско-турецкая лексикография в средние века» описывает основные этапы, которые прошла тюркская лексикография начиная с труда «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгари, и делает акцент на азербайджанской лексикографии в средние века, подробно анализируя тюркскую лексику в словаре Хюсамеддина Хойи «Дар Хюсама» (*Tuhfe-i Hüsam*).

Кемале Элекберова в своей статье «О заимствованиях из турецкого языка в азербайджанском разговорном языке» рассматривает лексическое взаимовлияние между турецким языком и языками бывших советских тюркских республик, которое началось после распада СССР в начале 90-х гг. XX в. В статье приводятся примеры использования таких турецких слов, как *açılım* ‘прорыв’, *başkan* ‘председатель’, *önder* ‘лидер, предводитель’, *yalanlamak* ‘опровергать’ и др., в современном азербайджанском языке.

Несомненно, данное издание, являясь значимым событием в мировой тюркологии, отражает основные направления современных мировых тюркологических исследований и может служить полноценным научным источником.

Библиография основных научных трудов Ш.Х. Акалына

1987–1990

Ebü'l-Hayr-ı Rumî, Saltuk-name I-II-III. – Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı, 1987–1990. (XV. yüzyıl Anadolu Türk destanlarından Saltukname'nin transkripsiyonlu ve edisyon kritik metnini Ş.H. Akalın hazırlamıştır. Ş.H. Akalın'ın hazırladığı metin Azerbaycancaya çevrilerek 2007 yılında üç cilt olarak yayımlanmıştır). {Эбюль-Хайр-и Руми, Салтук-наме. I–II–III. – Анкара: Министерство культуры и туризма, 1987–1990.} {Ebü'l-Hayr-ı Rumî, Saltuk-name I–II–III. – Ankara: Ministry of Culture and Tourism, 1987–1990.}

1995

Şor Sözlüğü / Ş.H. Akalın, N.N. Tannagasheva-Kurpeshko. – Adana: Türkoloji Araştırmaları, 1995. {Словарь шорского языка / Ш.Х. Акалына, Н.Н. Таннагашева-Курпешко. – Адана: Тюркологические исследования, 1995.} {Dictionary of the Shor Language / Ş.H. Akalın, N.N. Tannagasheva-Kurpeshko. – Adana: Turkological Studies, 1995.}

2000

Teleüt Ağzı Sözlüğü / L.T. Ryumina-Sirkasheva, N.A. Kuchigasheva; Türkçe çevirisini yapanlar: Ş.H. Akalın, C. Turgunbaev. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2000. (Turgunbaev C. ile birlikte Ryumina-Sirkasheva L. T. ve Kuçigaşeva N. A.'dan çeviri). {Словарь телеутского языка / Сост.: Л.Т. Рюмина-Сиркашева и Н.А. Кучигашева / Пер. на тур. яз.: Ш.Х. Акалына, Ж. Тургунбаев. – Анкара: Турецкое лингвистическое общество, 2000.} {Dictionary of the Teleut Language / Comp. by L.T. Ryumina-Sirkasheva, N.A. Kuchigasheva; translated into Turkish by Ş.H. Akalın, C. Turgunbaev. – Ankara: Turkish Language Association, 2000.}

2005

Yazım Kılavuzu / Ş.H. Akalın, R. Toparlı, H. Zulfikar, B. Yücel, Z. Korkmaz. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2005. (Ş.H. Akalın'ın çalışma grubu başkanı olarak katkıda bulunduğu baskılar). {Справочник по орфографии турецкого языка / Сост.: Ш.Х. Акалына, Р. Топарлы, Х. Зульфикар, Б. Юджел, З. Коркмаз. – Анкара: Турецкое лингвистическое общество, 2005.} {Spelling Rulebook / Comp. by Ş.H. Akalın, R. Toparlı, H. Zulfikar, B. Yücel, Z. Korkmaz. – Ankara: Turkish Language Association, 2005.}

Türkçe Sözlük / Ş.H. Akalın, R. Toparlı, N. Gözaydın, H. Zulfikar, M. Argunşah, N. Demir, B.T. Aksu, B. Gültekin. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2005. (Ş.H. Akalın'ın çalışma grubu başkanı olarak katkıda bulunduğu baskılar). {Словарь турецкого языка / Сост.: Председатель рабочей группы Ш.Х. Акалына, Р. Топарлы, Н. Гөзайдын, Х. Зульфикар, М. Арғунишах, Н. Демир, Б.Т. Аксу, Б. Гюльтекин. – Анкара: Турецкое лингвистическое общество, 2005.} {Turkish Dictionary / Comp. by Ş.H. Akalın, R. Toparlı, N. Gözaydın, H. Zulfikar, M. Argunşah, N. Demir, B.T. Aksu, B. Gültekin. – Ankara: Turkish Language Association, 2005.}

2008

Bin Yıl Önce Bin Yıl Sonra Kâşgarlı Mahmud ve Divânu Lugâti't-Türk. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2008. {Тысяча лет назад и тысяча лет спустя Махмут Кашгари и его «Диван Лугат ат-Турк». – Анкара: Турецкое лингвистическое общество, 2008.} {A Thousand Years Ago and a Thousand Years Later Mahmud al-Kashgari and Divânu Lugâti't-Türk. – Ankara: Turkish Language Association, 2008.} (В честь тысячелетия со дня рождения Махмуда Кашгари его труд был переведен на русский, китайский, английский, французский и уйгурский языки).

Resimli Okul Sözlüğü / Ş.H. Akalın, R. Toparlı, B.T. Aksu. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2008. {Иллюстрированный школьный словарь / Сост.: Ш.Х. Акалына, Р. Топарлы, Б.Т. Аксу. – Анкара: Турецкое лингвистическое общество, 2008.} {Illustrated School Dictionary / Comp. by Ş.H. Akalın, R. Toparlı, B.T. Aksu. – Ankara: Turkish Language Association, 2008.}

2011

Seyyah-ı Âlem Evliya Çelebi. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2011. {Путешественник Алем Эвлия Челеби. – Анкара: Турецкое лингвистическое общество, 2011.} {Traveller Alem Evliya Çelebi. – Ankara: Turkish Language Association, 2011.}

2014

Türk İşaret Dili / Ş.H. Akalın, A.Z. Oral, S. Cavkaytar. – Eskişehir: Anadolu Üniversitesi Açıköğretim Fakültesi, 2014. {Турецкий язык жестов / Сост.: Ш.Х. Акалын, А.З. Орал, С. Джавкайттар. – Эскишехир: Факультет заочного образования Университета Анadolу, 2014.} {Turkish Sign Language / Comp. by Ş.H. Akalın, A.Z. Oral, S. Cavkaytar. – Eskişehir: Department of Distance Education, Anadolu University, 2014.}

2015

Türkçede Batı Kökenli Kelimeler Sözlüğü / Ş.H. Akalın, R. Toparlı, G. Gülsevin, M. Öner, E. Boz, H. Şirin, Ö. Öztekten, Ö. Ay, M.Y. Kaya. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2015. {Словарь западных заимствований в турецком языке / Сост.: Ш.Х. Акалын, Р. Топарлы, Г. Гюльсевин, М. Онер, Э. Боз, Х. Ширин, О. Озтектен, О. Ай, М.Ю. Кая. – Анкара: Турецкое лингвистическое общество, 2015.} {Dictionary of Western Borrowings in Turkish / Comp. by Ş.H. Akalın, R. Toparlı, G. Gülsevin, M. Öner, E. Boz, H. Şirin, Ö. Öztekten, Ö. Ay, M.Y. Kaya. – Ankara: Turkish Language Association, 2015.}

2017

Geçmişten Günümüze Türk Sözlükçülüğü. – Ankara: Elginkan Vakfı, 2017. {Турецкая лексикография от прошлого к настоящему. – Анкара: Фонд Элгинкан, 2017.} {Turkish Lexicography from Past to Present. – Ankara: Elginkan Foundation, 2017.}

2019

Памяти драгоценного Дмитрия Михайловича Насилова // Sözüм munda qalir barir bu özüm... Scripta in memoriam D.M. Nasilov: коллективная монография / ред. Е.А. Оганова. – М.: Издательство МБА. – С. 341–342. {In memory of the precious Dmitry Mikhailovich Nasilov // Sözüм munda qalir barir bu özüm... Scripta in memoriam D.M. Nasilov: a collective monograph / ed. by Е.А. Оганова. – Moscow: Izdatelstvo MBA, 2022. – PP. 341–342.}

2020

Eren H. Eren Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü. – Ankara: Türk Dil Kurumu. (Prof. Dr. Hasan Eren'in Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü'nün notlarından ve müsveddelerinden yararlanarak Prof. Dr. Akalın tarafından hazırlanan yeni yayımı). {Эрен Х. Этимологический словарь турецкого языка проф. Хасана Эрена / Сост.: Ш.Х. Акалын, опираясь на записки и черновики этимологического словаря турецкого языка Хасана Эрена. – Анкара: Турецкое лингвистическое общество, 2020.} {Eren H. Etymological Dictionary of the Turkish Language by Prof. Hasan Eren / Comp. by Ş.H. Akalın using notes and drafts of Hasan Eren's Etymological Dictionary of the Turkish Language. – Ankara: Turkish Language Association, 2020.}

Новые разработки в турецкой лексикографии: электронные и онлайн-словари Турецкого лингвистического общества // Вопросы тюркской филологии / ред. М.М. Репенкова, Е.А. Оганова. – М.: Издательство МБА, 2020. – С. 35–49. {New developments in Turkish lexicography: electronic and online dictionaries compiled by Turkish Language Association // Issues of Turkic Philology / ed. by М.М. Repenkova, Е.А. Oganova. – Moscow: Izdatelstvo MBA, 2020. – PP. 35–49.}

2022

Geçmişten Günümüze Türk İşaret Dili. – Ankara: Elginkan Vakfı, 2022. {Турецкий язык жестов от прошлого к настоящему. – Анкара: Фонд Элгинкан, 2022 г.} {Turkish Sign Language from Past to Present. – Ankara: Elginkan Foundation, 2022.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

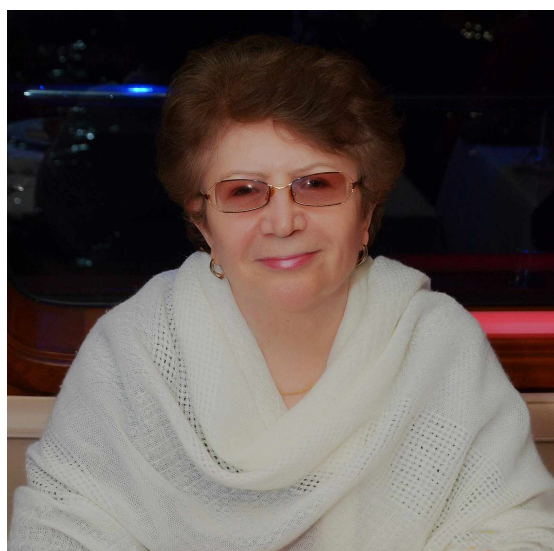
2022. № 3–4 (36–37), pp. 129–135. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 81.11

DOI 10.37892/2079-9160-2022-3-4-13

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И СОБИРАТЕЛЬ ФОЛЬКЛора (К ЮБИЛЕЮ Т.М. ХАДЖИЕВОЙ)

Researcher and collector of folklore
(On the anniversary of T.M. Khadzhieva)

Известный ученый, фольклорист Танзиля Мусаевна Хаджиева родилась в Казахстане. После окончания филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета с красным дипломом она поступила в аспирантуру ИМЛИ РАН и в 1980 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию по поэтике карачаево-балкарского нартского эпоса. С 1980 по 2004 гг. Т.М. Хаджиева работала в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований в секторе фольклора и литературы. Все эти годы принимала участие в фольклорно-этнографических экспедициях Института. Работая в КБИГИ, продолжала сотрудничать с учеными отдела фольклора ИМЛИ У.Б. Далгат и А.И. Алиевой. Была ответственным редактором книги А.И. Алиевой «Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях» (Нальчик, 1983).

В 1988 г. Т.М. Хаджиева издала сборник «Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев» (*Малжъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия*

This is an open access article under the CC BY license

чыгъармачылыкълары (Нарт эпос. Миф эм жашау-турмуш поэзия) / сост., вступ. ст., комм. Т.М. Хаджиевой. Нальчик, 1988). Один из его больших разделов составили образцы мифологической и обрядовой поэзии, благопожелания, заклинания, заговоры и другие архаические жанры карачаево-балкарского фольклора, хранящиеся в архиве КБИГИ. Предисловие Т.М. Хаджиевой, предпосланное данному сборнику (с. 7–21), – одно из первых подробных исследований в фольклористике карачаевцев и балкарцев их обрядово-мифологической поэзии. Данная тема поднимается Т.М. Хаджиевой и в последующих ее статьях.

В эти годы по рекомендации отдела фольклора ИМЛИ Т.М. Хаджиева начала готовить к изданию академический двуязычный том карачаево-балкарского нартского эпоса в серии «Эпос народов Евразии» (до 1992 г. – «Эпос народов СССР»), который вышел в 1994 г. (отв. ред. А.И. Алиева; научн. консульт. У.Б. Далгат; сост.: Р.А.-К. Ортабаева, Т.М. Хаджиева, А.З. Холаев; вступ. ст., комм. и глоссарий Т.М. Хаджиевой).

В рецензии на этот том главный редактор серии «Эпос народов Евразии», член-корреспондент Российской академии наук Э.Р. Тенишев писал: «Издание карачаево-балкарского нартского эпоса отвечает самым высоким требованиям современной текстологии народного эпоса. Тщательно подготовлен научный аппарат к эпическим текстам, основанный на глубоком знании истории, этнографии, фольклора, духовной культуры балкарцев и карачаевцев. Вступительное исследование Т.М. Хаджиевой, предворяющее публикацию эпических текстов, отличается глубиной проникновения в суть исследуемого эпического памятника, который рассматривается в сопоставлении не только с нартскими сказаниями соседних кавказских народов, но и с эпосом целого ряда тюркоязычных и монгольязычных народов. Это позволило автору выявить не только генетические и типологические связи карачаево-балкарского эпоса с эпосом других народов, но и раскрыть его неповторимое своеобразие».

Высокую оценку этой работе дал в своей рецензии и известный тюрколог, доктор филологических наук, профессор Х.Г. Кор-Оглы: «Особо следует сказать об исследовании Т.М. Хаджиевой, предпосланном публикации текстов. Это первое исследование нартского эпоса балкарцев и карачаевцев, выполненное с учетом достижений не только отечественной, но и мировой науки о героическом эпосе. Т.М. Хаджиева убедительно раскрывает специфику карачаево-балкарского нартского эпоса, в котором кавказские и локальные самобытные эпические традиции сочетаются с эпическими традициями и тюркских, и монгольских народов. Публикация карачаево-балкарского эпоса в серии “Эпос народов Евразии” стала событием в отечественном эпосоведении».

В 2014 г. Т.М. Хаджиева подготовила данный том к изданию и на английском языке (*The Narts. The Heroic Epos of the Karachay and Balkar People / Compiled by Tanzilya M. Khadjieva, Azret Z. Kholayev, Rimma A.-K. Ortabayeva. Introduction, commentary and glossary by Tanzilya M. Khadjieva. Translated from the Russian by David G. Hunt*).

Т.М. Хаджиева является одним из составителей, автором Предисловия (С.3–22) тома «Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев. Т. 2. Нартские песни» (Нальчик, 2020).

Хаджиева Т.М. с д.ф.н. А.И.Алиевой (ИМЛИ РАН)
и с членом Британского фольклорного общества, профессором Дэвидом Хантом,
переводчиком на англ.яз. карачаево-балкарского нартского эпоса, 2017 г.

Танзиля Мусаевна работает в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН с 2005 г. С 2005 по 2012 гг. была ученым секретарем отдела фольклора, в настоящее время является ведущим научным сотрудником.

Т.М. Хаджиевой подготовлен и издан в различных российских и зарубежных издательствах ряд книг и статей по нартскому эпосу и другим жанрам фольклора карачаевцев и балкарцев. Ее работы получали поддержку грантов РГНФ, РФФИ и Программ фундаментальных исследований ОИФН РАН. Она участник многих российских и международных научных конгрессов и конференций. Сотрудничает с учеными Англии, Турции, Абхазии, Кыргызстана, Казахстана.

Говоря о человеческих качествах Танзили Мусаевны, нельзя не отметить ее интеллигентность, отзывчивость и доброжелательность. Ее по праву считают одним из основателей карачаево-балкарской научной фольклористической школы.

За свою многолетнюю научную деятельность Т.М. Хаджиева награждена орденом Дружбы РФ (1999), памятной медалью к 150-летию основоположника балкарской литературы К. Мечиева (2010), медалью им. Ислама Крымшамхалова в номинации «Литература и литературоведение» (2014). Она лауреат Международной премии КЧР им. У.Дж. Алиева (1997), Лауреат государственной премии КБР в области литературы и искусства (2022).

Участники Годичного Пленума Российского комитета тюркологов.
Москва, ИЯз РАН, 2014 г.

Участники научной конференции, посвященной юбилею
ИИЯЛИ АН РТ им. Г. Ибрагимова. Казань, 2019 г.

Коллектив кафедры карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова от всей души поздравляет Танзилю Мусаевну с юбилеем и желает ей доброго здоровья, неиссякаемой творческой энергии и благополучия!

Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН и редакция журнала «Российская тюркология» выражают искреннюю признательность Танзиле Мусаевне за активное участие в составе комитета и в работе редколлегии журнала.

Библиография основных работ Т.М. Хаджиевой

- Карачаево-балкарское народное поэтическое творчество / Составление, вступительная статья и комментарии *Т.М. Хаджиевой*. – Нальчик, 1985. {Karachay-Balkar folk poetry / Edition, introduction, and commentaries by *T.M. Khadzhiyeva*. – Nalchik, 1985.}
- Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / Сост. *Р.А.-К. Ортабаева, Т.М. Хаджиева, А.З. Холыев*. Вступ. ст., комм. и глоссарий *Т.М. Хаджиевой*. Пер. *Т.М. Хаджиевой, Р.А.-К. Ортабаевой*. Ред. национ. текстов *А.А. Жанпыев*. Отв. ред. *А.И. Алиева*. Научн. конс. *У.Б. Далгат*. – М.: Вост. литература, 1994. – 656 с. {The Narts. A heroic epos of Balkar and Karachay people / Comp. by *R.A.-K. Ortabayeva, T.M. Khadzhiyeva, A.Z. Kholayev*. Introduction, commentaries and glossary by *T.M. Khadzhiyeva*. Translated by *T.M. Khadzhiyeva, R.A.-K. Ortabayeva*. Edition of national texts by *A.A. Zhappuyev*. Editor-in-chief: *A.I. Aliyeva*. Scientific adviser: *U.B. Dalgat*. – Moscow: Vostochnaya literatura, 1994. – 656 p.}
- Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия / Составитель, автор вступительной статьи *Т.М. Хаджиева*. – Нальчик, 1997. {Karachay-Balkar folklore. A chrestomathy / Edition and introduction by *T.M. Khadzhiyeva*. – Nalchik, 1997.}
- Карачаево-балкарские сказки, предания, легенды. В 2 т. / Составление, вступительная статья и комментарии *Т.М. Хаджиевой*. – Нальчик, 1998–2000. {Karachay-Balkar fairy-tales, lore, legends. In 2 vol. / Edition, introduction, and commentaries by *T.M. Khadzhiyeva*. – Nalchik, 1998–2000.}
- Словесные памятники депортации. Народные песни и стихи балкарских и карачаевских поэтов (1943–1957) / Составление, вступительная статья и комментарии *Т.М. Хаджиевой*. – Нальчик, 1997. {Verbal monuments of the deportation. Folk songs and verses of Balkar and Karachay poets (1943–1957) / Edition, introduction, and commentaries by *T.M. Khadzhiyeva*. – Nalchik, 1997.}
- Карачаево-балкарская литература // Серия: Антология тюркских литератур. – Т. 22. [Составители: *Т. Хаджиева, Т. Хаччаева, А. Геляева*. Вступительная статья *Т.М. Хаджиевой* (С. 48–63).] – Анкара, 2002. – 623 с. (Karachay-Malkar Edebiyatı // Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi. – Cilt 22. – Ankara, 2002. – 623 s.) {Karachay-Balkar literature // Series: Anthology of Turkic literatures. – Vol. 22. [Ed. by *T. Khadzhiyeva, T. Khapchayeva, A. Gelyayeva*. Introduction by *T.M. Khadzhiyeva* (pp. 48–63).] – Ankara, 2002. – 623 p.}
- The Narts. The heroic epos of the Karachay and Balkar people / Compiled by *Tanzilya M. Khadjieva, Azret Z. Kholayev, R.A.-K. Ortabayeva*. Introduction, Commentary and Glossary by *Tanzilya M. Khadjieva*. Translated from the Russian by *David G. Hunt*. М., Progress ID, 2014. – 624 p.
- Хаджиева Т.М.* Мифологические, трудовые и семейно-обрядовые песни балкарцев и карачаевцев // Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев. Мифологические и обрядовые песни и наигрыши. Т. 1. – Нальчик, 2015. – С. 24–50. {Mythological, work, and household ritual songs of Balkars and Karachays // Anthology of folk music of Balkars and Karachays. – Mythological and ritual songs and melodies. – Vol. 1. – Nalchik, 2015. – pp. 24–50.}
- Фольклор карачаевцев и балкарцев в записях и публикациях XIX – середины XX века / Составители, авторы вступительного слова и комментариев *А.И. Алиева, Т.М. Хаджиева*. Подготовка текстов и общая редакция *Т.М. Хаджиевой*. – Нальчик: Эльбрус, 2016. – 544 с. {Folklore of Karachays and Balkars in notes and publication of the 19th–middle 20th centuries / Editors, authors of the introduction and commentaries: *A.I. Aliyeva, T.M. Khadzhiyeva*. Preparation of texts and general edition by *T.M. Khadzhiyeva*. – Nalchik: Elbrus, 2016. – 544 p.}
- Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев. Т. 2. Нартские песни / Составители тома *А.И. Рахаев, Т.М. Хаджиева, Х.Х. Малкондуев*. Авторы вступительных статей *Т.М. Хаджиева, А.И. Рахаев*. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2020. – 272 с. {Anthology of folk music of Balkars and Karachays. Vol. 2. – The Nart songs / Comp. by *A.I. Rakhaev, T.M. Khadzhiyeva, H.H. Malkonduev*. Introduction by *T.M. Khadzhiyeva, A.I. Rakhaev*. – Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovykh, 2020. – 272 p.}

Kafkas Halk Destanları. Karaçay ve Malkarların Nart Destanları. Anonim / Derleyen: *Tanzilia Hadjjeva*. Türkçesi: *Laura Kochkarova*. [Кавказские народные эпические песни/сказания: Карачаевские и балкарские нартские эпические песни/сказания / Ред. *Танзиля Хаджиева*. Турецкий перевод *Лаура Кочкарова*.] – İstanbul: VakıfBank Kültür Yayınları, 2022. – 197 s. – ISBN 978-625-7447-44-7. {Caucasian folk epic songs/epos. Karachay and Balkar Nart epic songs/epos. Anonymous works / Ed. by *Tanzilya Hadzhieva*. Turkish text by *Laura Kochkarova*. – İstanbul: VakıfBank Kültür Yayınları, 2022. – 197 s. – ISBN 978-625-7447-44-7.}

Статьи

- Хаджиева Т.М.* Эстетическая и утилитарно-магическая функции календарных песен балкарцев и карачаевцев (весенне-летний цикл) // Календарно-обрядовая поэзия народов Сев. Кавказа. – Махачкала, 1988. {*T.M. Khadzhieva*. Aesthetic and utilitarian-magical function of calendar songs of Balkars and Karachays (spring and summer period) // Calendar ritual poetry of the North Caucasus. – Makhachkala, 1988.}
- Хаджиева Т.М.* Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука, 1994. – С. 8–67. {*T.M. Khadzhieva*. The Nart epos of the Balkars and Karachays // The Narts. Heroic epos of Balkars and Karachays. – Moscow: Nauka, 1994. – PP. 8–67.}
- Хаджиева Т.М.* Мифологические и обрядовые песни балкарцев и карачаевцев // Вопросы кавказской филологии и истории. – Нальчик, 2000. – Вып. 3. {*T.M. Khadzhieva*. Mythological and ritual songs of Balkars and Karachays // Issues of Caucasian philology and history. – Nalchik, 2000. – Issue 3.}
- Хаджиева Т.М.* Структурно-поэтические особенности карачаево-балкарских архаических песен // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор / Институт Этнологии и Антропологии РАН. Серия «Кавказ: народы и культуры». – М., 2001. – Вып. 1. {*T.M. Khadzhieva*. Structural and poetic peculiarities of Karachay-Balkar archaic songs // Karachays and Balkars: language, ethnography, archaeology, folklore / Institute of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. Series: “The Caucasus: Peoples and Cultures”. – Moscow, 2001. – Issue 1.}
- Хаджиева Т.М.* Из истории культуры Балкарии и Карачая (Исмаил Урусбиев и его сыновья) // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 300–309. {*T.M. Khadzhieva*. From the history of culture of Balkaria and Karachay (Ismail Urusbiev and his sons) // Karachays and Balkars: language, ethnography, archaeology, folklore. – Moscow, 2000. – Issue 1. – PP. 300–309.}
- Хаджиева Т.М.* Тюрко-монгольские параллели в карачаево-балкарском нартском эпосе // Сборник докладов Конгресса IKANAS 38. – Анкара, 2008. – С. 793–812. {*T.M. Khadzhieva*. Turkic-Mongolian parallels in Karachay-Balkar Nart epos // The collection of reports of the IKANAS 38 Congress. – Ankara, 2008. – PP. 793–812.}
- Хаджиева Т.М.* Религиозно-мифологические мотивы в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. – Отд. ист.-филол. наук РАН. – М., 2012. {*T.M. Khadzhieva*. Religious and mythological motifs in the Nart epic of Karachays and Balkars // Historical and cultural heritage and spiritual values of Russia / ed. by A.P. Derevyanko, A.B. Kudelin, V.A. Tishkov. – Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences. – Moscow, 2012.}
- David Hunt*. The Legend of the Caucasus. [Дэвид Хант. Легенда Кавказа.] – London: SAQI BOOKS, 2012. – С. 374. [В книгу наряду с фольклорными текстами народов Кавказа вошли восемь карачаево-балкарских сказаний и легенд. Переводы с языка оригинала на русск. язык для Д. Ханта и комментарии Т. Хаджиевой.] [The book includes, in addition to folklore texts of the peoples of the Caucasus, eight Karachay-Balkar sagas and legends. The translations from the original language to Russian for D. Hunt and commentaries by T. Khadzhieva.]
- Алиева А.И., Кляус В.Л., Хаджиева Т.М.* Эпос народов Европы и Азии. От сюжетного указателя к тексту: Методология и практика систематизации фольклорного наследия (Москва, 5–7 ноября 2013 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2014. – № 1 (74). – С. 226–232. {*A.I. Alieva, V.L. Klyaus, T.M. Khadzhieva*. Epos of the peoples of Europe of Asia. From a plot index

- to text: Methodology and practice of systematization of folklore heritage (Moscow, November 5–7, 2013.) // Bulletin of Russian Foundation for the Humanities. – 2014. – No. 1 (74). – PP. 226–232.}
- Хаджиева Т.М.* Фольклор карачаевцев и балкарцев // Карачаевцы. Балкарцы. – Серия «Народы и культуры». – Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – Москва, 2014. – С. 522–583. {*T.M. Khadzhieva.* Folklore of Karachays and Balkars // Karachays. Balkars. – Series: “Peoples and cultures”. – N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. – Moscow, 2014. – PP. 522–583.}
- Алиева А.И., Хаджиева Т.М.* Двужычная академическая серия «Эпос народов Европы и Азии»: итоги и перспективы // Россия и Восток: Взаимодействие стран и народов. Труды X Всероссийского съезда востоковедов. – Уфа, 7–10 октября 2015 г. – Книга 2. – С. 356–361. {*A.I. Alieva, T.M. Khadzhieva.* Bilingual academic series: “Epos of the peoples of Europe and Asia”: overview and outlook // Russia and the Orient: Interaction of countries and peoples. Works of the 10th All-Russian congress of Orientalists. – Ufa, October 7–10, 2015. – Book 2. – PP. 356–361.}
- Хаджиева Т.М.* Нартские песни и сказания карачаевцев и балкарцев // Традиционная культура. – 2015. – № 1 (57). – С. 96–108. {*T.M. Khadzhieva.* The Nart songs and tales of Karachays and Balkars // Traditional culture. – 2015. – No. 1 (57). – PP. 96–108.}
- Хаджиева Т.М.* Эволюция охотничьей поэзии карачаевцев и балкарцев в свете идей А.Н. Веселовского // Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы. К 110-летию со дня смерти ученого. – Сер. «Humanitas». – 2016. – С. 289–301. {*Хаджиева Т.М.* Evolution of hunting poetry of Karachays and Balkars in the light of A.N. Veselovskiy’s ideas // Alexander Veselovsky’s heritage in a world context. Research and data. On the centenary of the scholar’s death. – Series: “Humanitas”. – 2016. – PP. 289–301.}
- Хаджиева Т.М.* Из истории записи, изучения и публикации карачаево-балкарского музыкального фольклора // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. [Motif Academy Folklore Journal.] – İstanbul, 2016. – S. 307–312. {*T.M. Khadzhieva.* From the history of record, study and publications of Karachay-Balkar folk music // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. [Motif Academy Folklore Journal.] – İstanbul, 2016. – PP. 307–312.}
- Хаджиева Т.М., Канукова З.В.* Доклад: английский ученый Дэвид Хант – переводчик, публикатор и популяризатор нартского эпоса и других произведений фольклора народов Кавказа // V Всероссийские Миллеровские чтения. – Владикавказ, 2016. – С. 13–20. {*T.M. Khadzhieva, Z.V. Kanukova.* A report: David Hunt, an English scientist as translator, publisher and promoter of the Nart epos and other pieces of folklore of peoples of the Caucasus // V All-Russian Miller readings. – Vladikavkaz, 2016. – PP. 13–20.}
- Хаджиева Т.М.* М.П. Гайдай как собиратель и исследователь карачаево-балкарских народных песен // Известия СОИГСИ. – 2017. – № 26 (65). – С. 103–115. {*T.M. Khadzhieva.* M.P. Gayday as collector and researcher of Karachay-Balkar folk songs // Bulletin of the V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. – 2017. – No. 26 (65). – PP. 103–115.}
- Хаджиева Т.М.* Тенгрианство в карачаево-балкарской «Нартаде» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2017. – № 5 (33). – С. 231–236. {*T.M. Khadzhieva.* Tengrism in the Karachay-Balkar “Nartada” // Bulletin of Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences. – 2017. – No. 5 (33). – PP. 231–236.}
- Хаджиева Т.М.* Роль сказителей в развитии, бытовании и сохранении «Нартиады» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». – 2019. – № 4 (16). – С. 14–21. {*T.M. Khadzhieva.* The role of narrators in the development, existence and preservation of “Nartiade” // Bulletin of Ammosov North-Eastern Federal University. Series: “Epic studies”. – 2019. – No. 4 (16). – PP. 14–21.}
- Khadzhieva T.M.* Religious and mythological characters and motifs in the Nart epic Balkars and Karachai // *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 2, pp. 412–423.
- Хаджиева Т.М.* Жанр благожеланий (алгышла) в карачаево-балкарском фольклоре // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий. Сборник статей. – Нальчик: Принт Центр, 2021. – С. 101–107. {*T.M. Khadzhieva.* Genre of good wishes (algyshla) in Karachay-Balkar folklore // Folklore text: turn of the millennium. A collection of articles. – Nalchik: Print Centr, 2021. – PP. 101–107.}
- Хаджиева Т.М.* Кавказская «Нартиада»: опыт сравнительного исследования // Культурное единство и эстетическая уникальность литератур народов России. – Нальчик, 2022. – С. 196–207. {*T.M. Kha-*

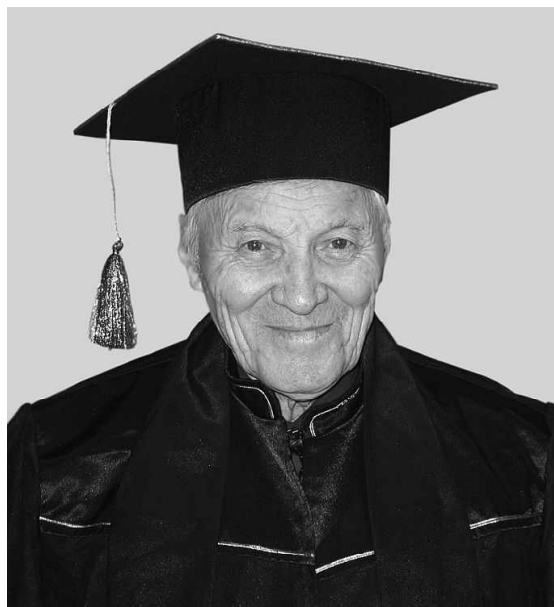
dzhieva. The Caucasian “*Nartiad*”: an attempt of comparative research // Cultural unity and aesthetical uniqueness of the literatures of the peoples of Russia. – Nalchik, 2022. – PP. 196–207.}

Хаджиева Т.М. Из научного наследия известного тюрколога Б.В. Чобан-заде // Российская тюркология. – №№ 1–2 (34–35). – 2022. – С. 79–93. {*T.M. Khadzhieva*. From the scientific inheritance of a famous turkologist B.V. Choban-Zade // Russian Turkology. – No. 1–2 (34–35). – 2022. – PP. 79–93.}

НЕКРОЛОГИ

ТАЛМАС МАГСУМОВИЧ ГАРИПОВ (31.07.1928 – 19.05.2022)

19 мая 2022 г. в возрасте 93 лет не стало одного из ведущих языковедов-тюркологов бывшего Советского Союза и нынешней России, заслуженного деятеля науки Российской Федерации (1992) и Башкирской АССР (1993), почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации (2003), члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан (1992), кавалера ордена Салавата Юлаева (2020), доктора филологических наук (1974), профессора (1978) Талмаса Магсумовича Гарипова (1928–2022).

Талмас Магсумович Гарипов (башк. Талмас Мәгсүм улы Гарипов) родился 31 июля 1928 г. в г. Москве. Вместе с родителями, советскими дипломатами, он шесть лет провел в Турции. Первыми иностранными языками, которые он изучил, были турецкий и французский. Отец Талмаса был выпускником Московского института востоковедения. Мать окончила отделение башкирского языка Башкирского государственного педагогического института имени К.А. Тимирязева.

После окончания в г. Уфе с золотой медалью школы № 11 Талмас Магсумович поступил в Московский государственный университет. В 1952 г. с отличием окончил Восточное отделение филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и поступил в аспирантуру этого же вуза. Его научным руководителем был Николай Константинович Дмитриев (1898–1954), выдающийся отечественный языковед-тюрколог, член-корреспондент АН СССР, академик Академии педагогических наук РСФСР, заведующий кафедрой тюркской филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ученую степень кандидата филологических наук Т.М. Гарипов получил в 1955 г. за успешную защиту кандидатской диссертации на тему «Именное словообразование в башкирском языке», которая в 1959 г. была издана в виде монографии.

С 1956 г. работает научным сотрудником, старшим научным сотрудником, ученым секретарем, заведующим сектором языка Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. За десять лет работы в указанном научном учреждении принял участие в составлении и издании таких словарей, как «Башкирско-русский словарь: 22 000 слов» (М., 1958), «Русско-башкирский словарь: 46 000» (М., 1964). Кроме того, он выступил в качестве ответственного редактора научных сборников статей «Башкирский диалектологический сборник» (Уфа, 1959), «Вопросы башкирской филологии» (М., 1959), «Башкирская лексика» (Уфа, 1966), а также монографий Р.Н. Терегуловой «Русские заимствования в башкирском языке» (Уфа, 1957), Р.О. Шенкнехт «Опыт сопоставительной морфологии немецкого и башкирского языков» (Уфа, 1959). В 1966 г. под его руководством были успешно защищены кандидатские диссертации М.Х. Ахтямова и З.Г. Ураксина.

Талмас Магсумович с 1966 г. начинает работать в Башкирском государственном университете им. 40-летия Октября, с 1968 г. там же заведует кафедрой общего языкознания и русского языка, а в 1977 г. избирается заведующим кафедрой русского и сопоставительного языкознания, профессором.

Докторскую диссертацию на тему «Опыт синхронической и диахронической характеристики кыпчакских языков Урало-Поволжья» защитил в 1974 г. в Институте языкознания АН СССР при научном консультировании члена-корреспондента АН СССР Бориса Александровича Серебренникова. Известный российский лингвист-энциклопедист А.П. Юдакин в своем труде «Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание: энциклопедия» писал, что Т.М. Гарипов «первым поставил на научную основу исследование кыпчакских языков Урало-Поволжья: проанализировал их фонеморфемику и лексемику, установил исконный состав башкирских и татарских корневых слов, выявил этимологическую природу заимствований из восточных языков (арабского, персидского, венгерского, монгольского и др.). В исследованиях Г. применены новые для тюркологии методы оппозитивного анализа, глоттохронологии и лексикостатистики» [Юдакин 2001: 132–133]. Позднее, в 1979 г., в издательстве «Наука» была опубликована одноименная монография, которая получила положительную оценку у языковедов-тюркологов.

В 1980 г. Талмас Магсумович приглашается на работу в Башкирский государственный педагогический институт (ныне – Башкирский государственный

педагогический университет имени М. Акмуллы) и становится основателем кафедры общего языкознания, которой бессменно руководит до августа 2010 г. Данный период его научно-педагогической деятельности тоже был весьма плодотворным: им был опубликован ряд трудов, которые не потеряли своей актуальности и сегодня: «Кыпчакские языки Урало-Поволжья: опыт синхронической и диахронической характеристики» (М., 1979), «Грамматика современного башкирского литературного языка» (М., 1981 г.; один из авторов), «Структурно-семантический глоссарий урало-поволжских языков: учебное пособие» (Уфа, 1979), «Четырехязычный словарь-минимум: англо-башкирско-русско-татарский» (Уфа, 1997; соавт. Ф.А. Басырова), «Семиречье Башкортостана: семязычный словарь: (русско-башкирско-татарско-турецко-арабско-персидско-венгерский)» (Уфа, 1998), «Языки народов Республики Башкортостан: коллективная монография» (Уфа, 2000; ответственный редактор и один из авторов), «Башкирика: моносорник избранных работ по башкироведению и тюркологии» (Уфа, 2004), «Историко-этимологический словарь башкирского языка. Первый выпуск. Корнесловы с гласными инициалами» (Уфа, 2007) и др.

Почти 40 лет своей жизни Талмас Магсумович посвящает кафедре общего языкознания Башгоспедуниверситета. Под его руководством кафедра превратилась в коллектив единомышленников-исследователей, решающих поставленные своим лидером научные задачи, а затем, в 2009 г., и в научную школу: под его руководством защищено 30 кандидатских и 5 докторских диссертаций.

В разное время Талмас Магсумович Гарипов избирался членом Научно-методического совета по высшему филологическому образованию Минвуза страны, заместителем председателя Ученой комиссии по национальной филологии Министерства народного образования России, возглавлял Башкирское отделение Всероссийской ассоциации востоковедов, секцию Терминологической комиссии при Президиуме Верховного Совета Башкирской АССР, Южноуральское отделение Археографической комиссии АН СССР и РАН, работал заместителем председателя диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций в Башкирском государственном университете. Ученый долгие годы состоял в рядах Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка АН СССР, с 1992 г. – в составе Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН. С 1992 г. являлся членом Отделения гуманитарных наук Академии наук Республики Башкортостан, затем – членом Отделения социально-гуманитарных наук Академии наук Республики Башкортостан. На протяжении многих лет возглавлял Научный совет по языкознанию при Отделении гуманитарных наук АН РБ. Он также трудился в качестве членов редакционного совета всероссийских научных журналов «Российская тюркология» и «Урало-алтайские исследования».

Т.М. Гарипов был известен как талантливый педагог, выдающийся языковед-тюрколог, высококвалифицированный специалист в области общего и сопоставительного языкознания, основатель научной школы «Сопоставительная лексикология славянских и тюркских языков», прекрасный организатор, мудрый руководитель.

Научные направления работ Талмаса Гарипова были достаточно широки и разнообразны: алтаистика, антропонимика, археология, археография, башкироведение, библиографирование, билингвизм, историческая тюркология, ориента-

листика, теория языка, социолингвистика, контрастивная контактология, лингвокраеведение. Им была разработана теория языковых контактов, основы современной сопоставительной контрастивистики и ареального лингвокраеведения преимущественно на базе тюркских языков Урало-Поволжья.

Перу Т.М. Гарипова принадлежит 650 научных публикаций, включая 20 монографий, по грамматике башкирского языка, истории башкирского языкознания, по вопросам востоковедения, межъязыковых взаимосвязей в Волго-Камье,

Талмас Магсумович запомнился как тонкий знаток восточной поэзии, его отличало большое чувство юмора. Он был известен в республике как библиофил, нумизмат, филателист, заядлый турист. Т.М. Гарипов очень дружил со спортом: не только великолепно играл в бадминтон, но еще был и первым чемпионом Башкирии по бадминтону (1966), имел официальный статус судьи Всероссийской категории по спорту (1969), долгие годы вел секцию бадминтона в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы – его по праву можно назвать Отцом башкирской школы бадминтона. Мы знали этого ученого также как одного из ведущих шахматистов в вузовской среде Башкортостана.

В 2022 г. коллектив Международного центра русского языка ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» совместно с АНО ДПО «Педсодружество» выиграл грант Главы Республики Башкортостан «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан в сферах культуры, образования, науки, средств массовой информации, молодежной политики и спорта, а также башкирского языка за пределами Республики Башкортостан», задачами которого является увековечение памяти выдающихся деятелей, внесших значительный вклад в сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан, а также в развитие Республики Башкортостан по направлению «Языкознание».

Название проекта – «Лингвистическая академия им. Т.М. Гарипова “Turco-Slavica”». Данный проект является серией уникальных образовательных и культурно-просветительских мероприятий, приуроченным к 95-летию юбилею известного лингвиста-тюрколога, члена-корреспондента АН РБ Талмаса Магсумовича Гарипова. Значимость проекта заключается также в создании и публикации в открытом доступе цифрового архива профессора.

Цель проекта – популяризация русского языка, культуры, науки, образования, оказания экспертной помощи по русскому языку школьникам Республики Башкортостан и других полилингвальных регионов России с привлечением квалифицированных лингвистов, филологов.

В течение 2022/2023 учебного года на базе «Лингвистической академии им. Т.М. Гарипова “Turco-Slavica”» организовано 40 культурно-просветительских и образовательных мероприятий в онлайн-формате (консультаций, интенсивов, вебинаров, мастер-классов) для школьников Башкортостана.

В социальной сети ВКонтакте создано публичное сообщество «Лингвистическая академия им. Т.М. Гарипова “Turco-Slavica”¹ для организации образовательных мероприятиях в рамках проекта, трансляцией прямых эфиров, мастер-классов

¹ URL: <https://vk.com/garipovakademy>; <https://bspu.ru/unit/33/news/20869>

и вебинаров, направленных на популяризацию лингвистических исследований, науки и образования, повышение уровня владения русским языком учащихся.

31 мая 2023 г. планируется проведение Всероссийской научно-практической конференции «Гариповские чтения», посвященной 95-летию со дня рождения профессора Т.М. Гарипова. Проект реализован в рамках гранта Главы Республики Башкортостан при поддержке фонда содействия гражданскому обществу Республики Башкортостан.

Талмаса Магсумовича Гарипова не стало 19 мая 2022 г.

Память о нем жива, его часто вспоминают добрым словом его коллеги, ученики и бывшие студенты. Ведь это был очень светлый человек, который дарил не только знания, но и доброе человеческое тепло.

Подробная информация о научно-педагогической деятельности Т.М. Гарипова представлена в однотомной краткой энциклопедии «Башкортостан» на русском (Уфа, 1996) и башкирском (Уфа, 1997) языках, во втором томе «Башкирской энциклопедии» (Уфа, 2006), в русской и башкирской «Википедии».

Кормушин Игорь Валентинович

*доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Отдела урало-алтайских
языков Института языкознания РАН,
председатель Российского комитета тюркологов
при Отделении историко-филологических наук РАН*

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна

*доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент
Академии наук Республики Башкортостан,
научный руководитель Ордена «Знак Почета»
Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН*

Шаяхметов Винер Абдулманович

*кандидат филологических наук, доцент, проректор
по воспитательной, социальной и образовательной политике
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы»,
доцент кафедры башкирского языка и литературы*

Галимова Халида Халитовна

*кандидат педагогических наук, доцент,
директор Института филологического образования
и межкультурных коммуникаций ФГБОУ ВО «Башкирский
государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»,
доцент кафедры методики преподавания иностранных
языков и второго иностранного языка*

Псянчин Юлай Валиевич

*доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ГАУ Башкирский
научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерпии*

Кудинова Гульнара Франгилевна

*доктор филологических наук, доцент, профессор,
заведующий кафедрой русского языка,
теоретической и прикладной лингвистики
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы»*

Трегубов Андрей Николаевич

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
педагогики и психологии ЧОУ ВО «Восточная экономико-
юридическая гуманитарная академия» (Академия ВЭГУ)*

**ПАМЯТИ АЛМАСА ГАЛИМЗЯНОВИЧА ШАЙХУЛОВА
(21.10.1945 – 06.01.2022)**

В г. Уфе 6 января 2022 г. на 77 году жизни ушел из жизни Шайхулов Алмас Галимзянович – известный тюрколог, доктор филологических наук, профессор.

А.Г. Шайхулов родился 21 октября 1945 г. в рабочем поселке Туймазы Туймазинского района БАССР. В 1963 г. окончил Туймазинскую среднюю школу № 1. Трудовую деятельность начал рабочим – электрослесарем на Туймазинском заводе геофизприборов и аппаратуры. В 1964–1965 гг. работал учителем русского языка и литературы Нижнебишиндинской восьмилетней школы Туймазинского района. После окончания в 1970 г. татарско-русского отделения филологического факультета БашГУ два года работал учителем русского языка и литературы в школе № 7 г. Туймазы.

В 1972–1975 гг. учился в аспирантуре Института языкознания Российской академии наук, в секторе тюркских и монгольских языков.

С 1975 г. работал в Башкирском государственном университете на кафедре татарского языка и литературы: ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор. С 2009 г. – заведующий кафедрой татарской филологии и культуры, а с 2022 г. – главный научный сотрудник университета.

Научная деятельность ученого была посвящена сравнительно-исторической фонетике, грамматике и лексике тюркских языков Урало-Поволжья, алтаистике, ономастике, этимологии.

В кандидатской диссертации на тему «Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения» (1978), выполненной в Институте языкознания Академии наук СССР под руководством известного тюрколога Н.А. Баскакова, А.Г. Шайхуловым были разработаны методологические аспекты реконструкции и выявления общих и отличительных черт в семантике, мотивации, номинации личных имен древнетюркского происхождения в антропонимике тюркских народов Приуралья. В данной работе постулируется мысль об истоках генетически единой ономастической системы тюркоязычных этносов Урало-Поволжья. В последующем, результаты его исследований в области ономастики нашли отражение в справочнике «Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения» (Уфа, изд-во БашГУ, 1983) и «Справочнике личных имен народов РСФСР» (М., изд-во «Русский язык», 1970), в «Кратком топонимическом словаре Урало-Поволжья» (Уфа, изд-во БашГУ, 2005) и др.

Его многолетние исследования в области этимологизация односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья стали основой для успешной защиты им докторской диссертации на тему «Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики: синопсис и таксономия когнитивной сферы “Природа (неживая и живая)”» (Уфа, изд-во БашГУ, 2001). Результаты проведенных исследований легли в основу таких его научных трудов, как «Идеографическая парадигматика односложных корней и основ в лексической системе кыпчакских языков Урало-Поволжья (опыт синхронической и диахронической характеристики)» (Уфа, изд-во БашГУ, 1999), «Корневые основы кыпчакских языков Урало-Поволжья в континууме ареальной лексики и их структурно-идеографическая парадигматика на общетюркском фоне (опыт синопсиса и таксономии лексико-семантического словаря тезаурусного типа)» (Уфа, изд-во БашГУ, 1999), «Односложные корневые основы в кыпчакских языках Урало-Поволжья (опыт синхронической и диахронической характеристики)» (Уфа, изд-во «Восточный университет», 2000), «Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики» (Уфа, изд-во БашГУ, 2000), «Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества (опыт лексико-семантического и идеографического словаря)» (Уфа, изд-во «Восточный университет», 2004) и др.

В перечисленных работах путем выявления идеографических (понятийных) сфер в рамках смыслового поля одной из древнейших словообразовательных парадигм (каковыми являются односложные структуры типа СГ и ГС, ГСГ и СГС, СГСС и их вариативные дериваты) охарактеризовано становление лексических взаимосвязей кыпчакских языков Урало-Поволжья. Данные работы получили высокую оценку известных тюркологов. Так, член-корреспондент РАН, академик РАН Э.Р. Тенишев отмечал: «А.Г. Шайхуловым создана достаточно цельная современная семантико-идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья. В определенном смысле созданные

А.Г. Шайхуловым на огромном фактологическом материале синопсис и таксономия когнитивной сферы “Природа (неживая и живая)” в континууме обще- и межтюркской лексики являются своего рода базовыми...»

А.Г. Шайхулов в совершенстве владел турецким языком и его диалектами. Он был составителем разделов, посвященных лексике и краткой грамматике татарского и башкирского языков, в уникальном двухтомном издании – «Сравнительном словаре лексики тюркских языков» (Анкара, 1991), изданном под эгидой министерств культуры и образования Турецкой Республики. Работа над словарем осуществлялась группой известных отечественных и зарубежных тюркологов на базе Национальной библиотеки в г. Анкаре. Коллективом ученых-составителей руководил один из ведущих языковедов Турции, профессор Ахмед Бижан Эрджиласун. А.Г. Шайхулов был автором-составителем учебного пособия «Дружеские встречи с турецким языком» (Уфа, изд-во «Восточный университет», 1997) и «Турецко-татарско-башкирско-русского разговорника» (Уфа, изд-во «Гилем», 2014), являлся автором перевода с турецкого на татарский язык изданий «Основы Ислама» (Стамбул, 1993) и «Жизненный путь Пророка Мухаммеда (С.А.С.)» (Казань, 2000). Ученый часто привлекался в качестве переводчика в поездках делегаций Башкортостана в Турецкую Республику и на проводимых в г. Уфе международных мероприятиях, в том числе на саммитах ШОС и БРИКС.

В 2012–2013 гг. А.Г. Шайхулов принял участие в проекте Министерства образования и науки Республики Казахстан, Тюркской академии Республики Казахстан, в рамках которого им были осуществлены два монографических исследования: «Опыт словаря-тезауруса односложных корневых основ» (Астана, Тюркская академия, 2012) и «Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в тюркских языках Урало-Поволжья и Казахстана» (Астана, Тюркская академия, 2013). Доктор философских наук, профессор А.Р. Абдуллин в рецензии к данному труду отметил: «в этой работе впервые выполнен весь необходимый анализ и предпринята попытка построения идеографического словаря тюркских языков». Реализация этого важного научного проекта способствовала развитию плодотворного сотрудничества с университетами Казахстана. Он являлся членом редколлегии научного журнала «Алтаистика и тюркология» (Казахстан). За вклад в развитие научно-педагогического сотрудничества России и Казахстана он был удостоен Нагрудного знака Министерства культуры и информации Республики Казахстан «За развитие казахского языка», награжден Нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан» и был избран Почетным членом Президиума Международного научно-исследовательского центра тюркологии и алтаистики при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева.

А.Г. Шайхулов – автор около 600 научных работ, в том числе монографий, учебных пособий и словарей. Он внес большой вклад в подготовку научно-педагогических кадров и учителей татарского языка и литературы, русского языка и литературы. Разработал многочисленные лекционные, практические и специальные курсы по сравнительно-исторической грамматике, исторической фонетике и лексике тюркских языков. Был основателем и руководителем Межвузовской студенческой научно-исследовательской лаборатории «Духовная культура тюркских, монгольских, финно-угорских и индоевропейских (славянских) наро-

дов Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона». В вузах получили признание составленные им учебные пособия «Введение в изучение алтайских языков» (Уфа, изд-во БашГУ, 1984), «Историческая и диалектная лексика тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона (аспекты системной характеристики)» (Уфа, изд-во БашГУ, 1988), «Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности (аспекты системно-идеографической характеристики на общетюркском фоне)» (Уфа, изд-во БашГУ, 1999) и др.

За вклад в развитие высшего образования и науки он награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации, был удостоен Почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан». Международная Академия наук о природе и обществе (за совокупность исследований в области евразийской проблематики) избрала его действительным членом Академии по евразийскому отделению.

А.Г. Шайхулов внес большой вклад в развитие отечественной лингвистики, стал известным тюркологом, его биография размещена в Международной рейтинговой энциклопедии «Persona Grata» и его имя включено в международные лингвистические энциклопедии «Ведущие языковеды мира» (М., 2000), «Урало-Алтайское (тюрко-монгольское) языкознание» (М., 2001) и в справочник «Казанская лингвистическая школа» (Казань, 2008).

Он был великолепным педагогом, требовательным научным руководителем, внимательным наставником, все его многочисленные ученики навсегда сохранят о нем добрую память. Алмас Галимзянович был позитивно настроенным, активным, добрым, открытым и отзывчивым человеком. Его всегда отличали ясный ум, кипучая энергия, остроумие и поразительно живая, образная речь. Светлая память, Алмас Галимзянович! Авыр туфрагың жиңел, яткан урының жәннәттә булсын!

Насипов Илишат Сахиятуллович

*доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой татарского языка и литературы
Башкирского государственного педагогического университета
им. М. Акмуллы*

Мансуров Илсур Салихьянович

*кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой татарской и чувашской филологии
Стерлитамакского филиала Уфимского
университета науки и технологий*

Зарипова Ильмира Фаргатовна

*кандидат филологических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой татарской филологии и культуры
Уфимского университета науки и технологий*

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Дыбо А.В.* (Москва). Проблемы эволюции староузбекского литературного языка в трудах Г.Ф. Благовой5
- Кызласов И.Л.* (Москва). Енисейская руническая письменность и своеобразие сибирско-тюркского манихейства.....13
- Мамедова А.Дж.* (Баку). Названия органов и частей тела человека в памятниках, написанных на хорезмско-тюркском языке33
- Напольнова Е.М.* (Москва). Способы указания положения человека относительно ориентиров разного типа в турецком языке48

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

- Муртазалиев А.М.* (Махачкала). Своеобразие творчества Кадиржана Кафлы.....58

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

- Бурибаева М.А., Шаймерденова Н.Ж., Аманжолова Д.Б., Маликова Ж.Д.* (Астана). «Turco-Slavica» в современном Казахстане: историография вопроса, состояние и перспективы.....67

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Алишина Х.Ч.* (Тюмень). Международная научная конференция по монгольскому и тюркскому языкознанию, посвященная памяти В.И. Рассадина83
- Псянчин Ю.В.* (Уфа). Открытие мемориальной доски в г. Пензе в честь Э.Р. Тенишева91

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

- Нурмухаммедов А.* (Ашхабад). Зылыха Бакыевна Мухамедова (к 100-летию со дня рождения).....95
- Тугужекова В.Н.* (Абакан). Вклад Н.Ф. Катанова в изучение культуры и быта коренных народов Южной Сибири101

АРХИВНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

- Благова Г.Ф.* Н.Ф. Катанов.....110

ЮБИЛЯРЫ ЭТОГО ГОДА

- Тургутбаер Ж.С.* (Диярбакыр, Турция). К юбилею известного турецкого тюрколога Шюкрю Халюка Акалына118

Исследователь и собиратель фольклора. К юбилею Т.М. Хаджиевой..... 129

НЕКРОЛОГИ

Гарипов Т.М. 137

Шайхулов А.Г..... 143

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>A.V. Dybo</i> (Moscow). Issues of evolution of the Old Uzbek language in G.V. Blagova's works	5
<i>I.L. Kyzlasov</i> (Moscow). Yenisei Runic script and distinctness of Siberian Turkic Manichaeism	13
<i>A.J. Mamedova</i> (Baku). Human organs and body parts in works written in Khorezmian Turkic language	33
<i>E.M. Napolnova</i> (Moscow). Ways of indication of the position of a person relative to various reference point types in the Turkish language	48

LITERARY AND FOLKLORE STUDIES

<i>A.M. Murtazaliyev</i> (Махачкала). The originality of Kadirzhan Kafla's creativity	58
---	----

HISTORY OF SCIENCE, DOCUMENTS

<i>M.A. Buribayeva, N.Zh. Shaimerdenova, D.B. Amanzholova, Zh.D. Malikova.</i> (Астана). "Turco-Slavica" in modern Kazakhstan: historiography, status and prospects	67
---	----

SCIENCE NEWS

<i>Kh.Ch. Alishina</i> (Tyumen). International scientific conference on Mongolian and Turkic linguistics dedicated to the memory of V.I. Rassadin	83
<i>Yu.V. Psianchin</i> (Ufa). Opening of the memorial plaque in honour of E.R. Tenishev in Penza	91

IN MEMORIAM

<i>A. Nurmuhammedov</i> (Ashkhabad). Zylyha Bakyyevna Muhamedova (to her 100 th anniversary)	95
<i>V.N. Tuguzhekova</i> (Abakan). N.F. Katanov's contribution to culture and everyday life study of indigenous peoples of South Siberia	101

ARCHIVES

<i>G.F. Blagova.</i> N.F. Katanov	110
---	-----

ANNIVERSARIES

<i>C. Turgunbayer</i> (Diyarbakir, Turkey). To the anniversary of prominent Turkish Turkologist Şükrü Halûk Akalın	118
To the anniversary of T.M. Khadzhieva	129

OBITUARIES

T.M. Garipov	137
A.G. Shaykhulov.....	143

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Российская тюркология» (РТ) просит авторов присылать свои статьи для публикации на электронный адрес журнала: rosturcology@yandex.ru – с безличным обращением: Уважаемая редакция! При этом просим руководствоваться следующими правилами оформления представляемых в журнал статей; статьи, оформленные без соблюдения этих правил, будут возвращаться без рассмотрения.

Общие положения

Научный журнал «Российская тюркология» печатается 2 раза в год сдвоенными номерами, объемом 10–12 а. л. каждый, т. е. фактически 4 номера в год. С 2020 г. журнал выходит только в электронной версии. Номера журнала доступны на сайте: <http://rosturcology.ru/>. Журнал индексируется в РИНЦ и находится в открытом доступе.

В журнале публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, литературы, фольклора, истории и этнографии тюркских народов. Помимо научных статей, в журнале печатаются рецензии на научные издания, опубликованные за последние 5 лет и относящиеся к тематике журнала. К публикации принимаются рукописи на *русском, английском и турецком* языках. Статьи должны содержать – под личную гарантию авторов – неопубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи и рецензии, представляющие собой пересказ рецензируемого материала, к печати не принимаются.

Текст статьи должен быть тщательно вычитан и проверен носителем русского языка. Статьи, содержащие грубые грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Передавая рукопись в редакцию, автор гарантирует, что она полностью или частично не опубликована и не отправлена на публикацию в другие издания. Автор также соглашается не размещать текст статьи на интернет-ресурсах до тех пор, пока не будет принято решение о ее публикации в журнале «Российская тюркология».

РТ публикует материалы по следующим рубрикам:

- ◆ Структура и история языка
- ◆ Дискуссии и обсуждения
- ◆ Языковые связи
- ◆ Ономастика
- ◆ Культурология
- ◆ Литературоведение
- ◆ Фольклористика
- ◆ История науки, документы
- ◆ Рецензии и аннотации

- ◆ Научная жизнь
- ◆ Хроника
- ◆ Памяти ученого
- ◆ Персоналии

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ◆ актуальности;
- ◆ проблемности;
- ◆ научной новизны;
- ◆ доказательности;
- ◆ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материала для публикации.

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят двойное слепое рецензирование, а также проверку на уникальность. Оригинальность текста должна составлять не менее 80%.

Небольшие исправления стилистического или формального характера вносятся в текст статьи без согласования с автором; статьи, требующие серьезных исправлений, возвращаются авторам на доработку вместе с замечаниями рецензентов и членов редколлегии.

Возвращение рукописи автору на доработку **не означает**, что статья не принята к печати. Автор должен доработать статью, отметив исправленные части текста желтым цветом и добавив индекс 2 к заголовку, а затем в 10-дневный срок переслать ее обратно в редакцию. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлекцией. Статьи утверждаются к печати по решению редколлегии, в порядке общей очереди.

Требования к оформлению статьи

Авторский оригинал статьи может быть представлен для публикации в РТ на одном из трех языков – русском, английском или турецком в двух форматах – doc/docx или PDF (для контроля правильности отображения особых знаков).

Статья должна содержать следующие данные:

Код **УДК**, соответствующий тематике статьи или рецензии (указывается автором).

DOI (присваивается редакцией).

Заголовок статьи набирается прописными буквами с выравниванием по центру. Он должен кратко и точно отражать содержание статьи или рецензии.

Благодарность или признательность (при необходимости) размещается в виде постраничной сноски к названию статьи и отмечается символом *. Здесь также можно указать информацию о финансовой поддержке исследования. Если статья является публикацией поготавливаемой кандидатской или докторской диссертации, необходимо указать этот факт, назвать утвержденную тему диссертации, а также фамилию и ученое звание руководителя / консультанта (оформляется в виде сноски к заголовку статьи).

Сведения об авторах содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, их ученые степени и ученые звания, а также должности с указанием места работы. Обязательно указать город и страну. Указывается контактный адрес (e-mail – индивидуальный или рабочий), телефон (для связи с редакцией, в журнале не публикуется). Сведения об авторе (авторах) следует также продублировать на английском языке. При этом приводится официальное англоязычное название учреждения. Каждый из авторов должен указать Scopus ID и ORCID (при наличии).

Аннотация (Abstract) на русском и английском языках (не менее 200 слов) должна отражать новизну, цели и задачи, основные методы, а также главные результаты работы. Она не должна содержать ссылки на разделы, цитаты, рисунки или номера цитируемой литературы.

Ключевые слова (Key words) на русском и английском языках (от 5 до 10 слов) используются для поиска читателем статьи в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана работа), тематику, объект и предмет исследования.

Текст

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – Times New Roman (12 пт), межстрочный интервал – 1,5 строки, интервал до и после абзаца – 0, абзацный отступ – 0,75 см.

Примеры на национальных языках, а также на русском языке необходимо давать *курсивом*. Если пример оформлен оригинальным шрифтом, этот шрифт должен быть прислан в редакцию вместе со статьей по электронной почте.

Все примеры на национальных языках должны **в обязательном порядке** сопровождаться переводом на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы приводятся прямым шрифтом в марровских кавычках (‘’).

Заголовок набирается прописными буквами с выравниванием по центру, на следующей строке идет фамилия автора (инициалы стоят впереди).

Специальные символы набираются шрифтами, поддерживающими Unicode.

Ссылка приводится внутри текста в квадратных скобках (напр., [Малов 1951: 430]); в случае необходимости постраничные *сноски* должны вводиться верхним индексом и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по ГОСТу.

Ориентировочный объем статьи – от 0,7 до 1 а. л. (28–40 тыс. знаков с пробелами), включая список литературы, аннотацию и постраничные сноски. Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «Иванов И.И. Статья для РТ».

Иллюстрации

Число рисунков не должно превышать 5.

Они должны быть выполнены на компьютере или черной тушью на белой бумаге с обозначением всех необходимых букв и символов и обязательно упомянуты в тексте.

Размеры рисунков не должны превышать размеры текстового поля.

Рисунки в компьютерном исполнении должны быть внедрены в текст в режиме «Вставка – Объект – Рисунок». Подрисуночные подписи выполняются шрифтом Times New Roman (9 пт) и вставляются в режиме «Вставка».

Рисунки, выполненные на бумаге, должны иметь подрисуночные подписи. На обороте каждого рисунка необходимо написать карандашом ФИО автора и № рисунка. Надписи не должны повреждать лицевую часть, при необходимости указать верх рисунка.

Таблицы

Выполняются в режиме «Таблица» редактора Word с заголовками или без них шрифтом 10 пт.

Таблицы должны быть обязательно упомянуты в тексте.

Список литературы

Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через тире курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные; все набирается шрифтом Arial (9 пт).

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц.

Для отдельных статей в периодических изданиях или сборниках – фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, через две косые линии // название журнала (или сборника), место издания, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

Ссылка на электронные источники должна включать информацию о сайте, режиме доступа и дату последнего посещения.

С 2019 г. введены дополнительные правила по оформлению литературы согласно европейским требованиям:

- литература на русском языке остается на первом месте по отношению к иностранной; сразу после названия дается перевод этого названия на английский язык в фигурных скобках {};

- далее следует литература на национальных языках; она должна содержать перевод на русский [в квадратных скобках] и английский {в фигурных скобках} языки, а также указание на язык издания (в круглых скобках);

- литература на иностранных языках (за исключением изданий на английском, немецком и французском языках) дается в списке после литературы на русском и национальных языках и должна быть переведена на русский [в квадратных скобках] и английский {в фигурных скобках} языки и также содержать указание на язык издания (в круглых скобках).

В настоящем номере журнала по таким принципам оформлены все статьи.

Примеры оформления

Благова 1982 – *Благова Г.Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. – М.: Наука, 1982. {*G.F. Blagova. Turkic declension in the light of areal and historical data. – Moscow: Nauka, 1982.*}

Валеев, Тугужекова 2011 – *Валеев Р.М., Тугужекова В.Н.* Профессор Н.Ф. Катанов и его вклад в изучение этнографии и фольклора тюркских народов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 1. – С. 14. {*R.M. Valeyev, V.N. Tuguzhekova. Professor N.F. Katanov and his contribution to ethnography and folk-*

lore studies related to the Turkic peoples of Central Asia // New Tuva Researches. – 2011. – No. 1. – P. 14.}

Əlizadə 1993 – *Əlizadə S.* Əski Azərbaycan yazısı. [*Ализаде С.* Старая азербайджанская письменность.] – Bakı: Bakı Universiteti, 1993. – 142 s. {*S. Alizadeh.* Old Azerbaijani script. – Baku: Baku University, 1993. – 142 p.}(In Azerbaijani)

Dilçiler 2019 – Türkiye dışındaki türk dünyası türkologları. Dilçiler. [Тюркологи тюркского мира за пределами Турции. Языковеды.] – Ankara: Akçağ, 2019. {The Turkologists of Turkic World (outside Turkey/Türkiye). The Linguists. – Ankara: Akçağ, 2019}. (In Turkish.)

Schönig 1992 – *Schönig C.* Analogie als sprachbildende Kraft in den Türksprachen // Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen. [Аналогия как языкообразующая сила в тюркских языках // История фонетики и лексики тюркских языков. – Wiesbaden, 1995]. (In German).

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор: *З.Н. Эмба*
Технический редактор: *О.А. Алексеева*
Редактор-переводчик: *А.В. Шаров*
Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*
Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*